

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

Founder: Financial University
under the Government of the Russian Federation

Журнал включен во вторую категорию Перечня
рецензируемых научных изданий ВАК (K2) по научным
специальностям: 5.4.2. Экономическая социология
(социологические науки). 5.4.4. Социальная структура,
социальные институты и процессы (социологические науки).
5.5.1. История и теория политики (политические науки). 5.5.2.
Политические институты, процессы, технологии (политические
науки). 5.5.3. Государственное управление и отраслевые
политики (политические науки). 5.5.4. Международные
отношения (политические науки). 5.7.2. История философии
(философские науки). 5.7.7. Социальная и политическая
философия (философские науки). 5.7.8. Философская
антропология, философия культуры (философские науки).

A journal included in the second category of the List
of VAC's peer-reviewed scientific publications (K2)
on specialties: 5.4.2. Economic sociology (sociological
sciences). 5.4.4. Social structure, social institutions and
processes (social sciences). 5.5.1. History and theory
of politics (political sciences). 5.5.2. Political institutions,
processes, technologies (political sciences). 5.5.3. Public
administration and sectoral policies (political sciences).
5.5.4. International Relations (Political Sciences).
5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences).
5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences).
5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture
(philosophical sciences).

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

Vol. 15, No. 3, 2025

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО

УНИВЕРСИТЕТА

Международный

научно-практический журнал

Том 15, № 3 (75), 2025

Главный редактор —

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией

научных журналов —

Д.В. Онегов

Выпускающий редактор —

А.А. Извекова

Корректор — **Н.В. Колобова**

Верстка — **Е.А. Смирнова**

Переводчик — **И.М. Евстратов**

Адрес издателя и редакции:

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, д. 53

Тел.: 8 (499) 553-10-74

(вн. 10-83)

E-mail: aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

Оформление подписки

в редакции

по тел.: 8 (499) 553-10-71

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 28.07.2025

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 19,5 п. л.

© Финансовый университет

при Правительстве

Российской Федерации

ТЕМА НОМЕРА: ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Усманова З.Р.

Представления граждан о сценариях будущего развития России в условиях высокой неопределенности. 6

Расулинежад Э.

Хрупкий баланс влияния ирано-израильского конфликта на новый мировой и региональный порядок. 13

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Парма Р.В.

Гуманитарные технологии в образовании: антропологический поворот в период цифровой трансформации. 21

Шатилов А.Б.

Элита vs «средний класс»: определяющий конфликт глобальной нестабильности первой четверти XXI века. 31

Малов А.В.

Антиномия войны и военной службы в контексте христианского вероучения. 39

Ирицян Г.Э.

Биосоциальная сущность человека с позиций эволюционной антропологии. 47

Филясова Ю.А., Левин Д.С.

Отражение концептов ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, РИСКИ в английских и японских паремиях. 55

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ерохина О.В.

Цифровые практики расширения политического участия на муниципальном уровне. 69

Адамская Л.В.

Ориентация деятельности органов исполнительной власти на оказание услуг населению. 76

Овчинникова Ю.Е.

Когнитивные и ценностные трансформации современной молодежи в условиях цифровизации. 85

Лавниченко М.Н., Буракова У.С., Воробьев Н.К.

Экономические интересы стран БРИКС в Арктическом регионе. 101

Терентьев В.А.

Реализация крупных инфраструктурных проектов в России при помощи государственных корпораций. 112

Агеев А.В.

Высшие государственные служащие как политический и правовой феномен. 120

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Асонов Н.В.

Проблема становления российской государственности в ее цивилизационно-политическом измерении. 130

Ахмадуллин В.А., Макарова Е.О., Сапожков Д.О.

Образ ислама и мусульман в восприятии современных студентов. 139

CONTENTS

COVER STORY: STATE SECURITY POLICY IN THE 21st CENTURY

Usmanova Z.R.

Citizens' Ideas about the Scenarios of Russia's Future Development
in Conditions of High Uncertainty. 6

Rasoulinezhad E.

The Fragile Balance of the Impact of the Iran-Israel Conflict
on the New Global and Regional Order. 13

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Parma R.V.

Humanities Technologies in Education: Antropological Turn
in the Period of Digital Transformation. 21

Shatilov A.B.

Elite vs "Middle Class": The Defining Conflict of Global Instability
in the First Quarter of the 21st Century. 31

Malov A.V.

The Antinomy of War and Military Service in the Context
of Christian Doctrine. 39

Iritsyan G.E.

The Biosocial Essence of Man from the Standpoint
of Evolutionary Anthropology. 47

Filyasova Yu.A., Levin D.S.

TIME, MONEY, RISK Concept Representation
in English and Japanese Paroemias. 55

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Erokhina O.V.

Digital Practices for Increasing Political Participation
at the Municipal Level. 69

Adamskaya L.V.

Orientation of the Activities of Executive Authorities Towards the Provision
of Services to the Population. 76

Ovchinnikova Yu.E.

Cognitive and Value Transformations of Modern Youth in the Context
of Digitalization. 85

Lavnicenko M.N., Burakova U.S., Vorobyev N.K.

The Economic Interests of the BRICS Countries in the Arctic Region. 101

Terentiev V.A. Implementation of Large Infrastructure Projects

in Russia with the Help of State Corporations. 112

Ageev A.V.

Senior Civil Servants as a Political and Legal Phenomenon. 120

HISTORICAL DIGRESSION

Asonov N.V.

The Problem of the Formation of Russian Statehood in its Civilizational and
Political Dimension. 130

Akhmadullin V.A., Makarova E.O., Sapozhkov D.O.

The Image of Islam and Muslims in the Perception of Modern Students. 139

HUMANITIES

AND SOCIAL SCIENCES.

BULLETIN OF THE

FINANCIAL UNIVERSITY

International scientific

and practical journal

Vol. 15, No. 3 (75), 2025

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

D.V. Onegov

Managing editor – **A.A. Izvekova**

Proofreader – **N.V. Kolobova**

Design, make up – **E.A. Smirnova**

Translator – **I.M. Evstratov**

Publisher & Editorial address:

53, Leningradsky prospekt

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-83)

E-mail: aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

S.F. Mikhaylova

Signed for press on 28.07.2025

Format 60 x 84 1/8.

Size 19,5 printer sheets.

© *Financial University*

under the Government

of the Russian Federation

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, заместитель научного руководителя — директор Музея Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Российская Федерация

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГУ, Москва, Российская Федерация

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Российская Федерация

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Российская Федерация

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Российская Федерация в глобальной политике», Москва, Российская Федерация

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ферганского государственного университета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Российская Федерация

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Российская Федерация

Пляйс Я.А., доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор-исследователь, кафедра политологии факультет социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Силласте Г.Г., доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Российская Федерация

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Российская Федерация

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Юхно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Deputy Scientific Director – Director of the Museum of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., Dr. Sci. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russian Federation

Baichun Ch., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., Dr. Sci. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Brodivskaya E.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russian Federation

Elishev S.O., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Kaftan V.V., Dr. Sci. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russian Federation

Mamatov M.A., Cand. of Historical Sciences, Dr. of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., Dr. Sci. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., Dr. Sci. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Osipova N.G., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ostrovsky A.V., Dr. Sci. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation

Plyays Ya.A., Dr. Sci. of Political, Dr. Sci. of Historical, Professor, Research Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Polevaya M.V., Dr. Sci. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Rastorguev S.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Sillaste G.G., Dr. Sci. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Tuel J.-L., Dr. Sci. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russian Federation

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Wilcox K., Dr. Sci. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., Dr. Sci. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russian Federation

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-6-12

УДК 159.9.072.43+316.614.06(045)

Представления граждан о сценариях будущего развития России в условиях высокой неопределенности

З.Р. Усманова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования представлений российских граждан о возможных сценариях будущего развития страны. Исследование основано на данных, полученных осенью 2023 г. посредством глубинных и формализованных интервью, а также проективных рисуночных тестов среди респондентов трех возрастных групп из различных регионов России. В работе анализируются доминирующие сценарии будущего развития России в трех ключевых направлениях: экономической, культурной и политической сферах. Выделены основные сюжеты будущего, отражающие широкий спектр психологических состояний респондентов — от позитивных до негативных. Особое внимание уделяется влиянию эмоционально-психологических факторов и динамики общественно-политической повестки, поддерживаемой различными медиа, на формирование массовых представлений о будущем. Несмотря на активные меры государства по обеспечению информационной безопасности, в российском информационном пространстве сохраняются идейно-ценностные дисбалансы. Исследование показывает, что транслируемый медиа недружественных стран контент продолжает оказывать воздействие на определенную часть российской аудитории, что требует усиления мер защиты от внешних информационно-психологических угроз и деструктивного влияния на сознание граждан.

Ключевые слова: политическое сознание; образ будущего; сценарии будущего России; массовые представления; будущее экономики и культуры; будущее политической сферы; манипуляция массовым сознанием; информационно-психологические угрозы

Для цитирования: Усманова З.Р. Представления граждан о сценариях будущего развития России в условиях высокой неопределенности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-6-12

ORIGINAL PAPER

Citizens' Ideas about the Scenarios of Russia's Future Development in Conditions of High Uncertainty

Z.R. Usmanova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article presents the results of an empirical study of the ideas of Russian citizens about probabilistic scenarios for the future development of Russia. The research is based on materials from in-depth and formalized interviews, as well as projective drawing tests collected in the autumn of 2023 among respondents of three age groups from several regions of Russia. The dominant scenarios in the minds of the population for the future development of Russia in the next areas are described: in the economy, in culture, in the political sphere. The main areas of the future are highlighted, reflecting the psychological states of respondents ranging from positive to negative. Conclusions are made about the influence of emotional and psychological factors of the event context that are situational character, especially the dynamics of the socio-political agenda supported by various media, on the instability and fragmentation of mass ideas about the future. Despite the significant efforts of the state to ensure the security of the information environment in Russia, ideological and value imbalances still persist. Content broadcast by media from unfriendly countries continues to influence part of the Russian audience, which requires strengthening response measures in the field of protection against external information and psychological threats and destructive influence on the consciousness of Russian citizens.

Keywords: political consciousness; image of the future; scenarios for the future of Russia; mass perceptions; the future of economy and culture; the future of the political sphere; manipulation of mass consciousness; information and psychological threats

For citation: Usmanova Z.R. Citizens' ideas about the scenarios of Russia's future development in conditions of high uncertainty. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-6-12

ВВЕДЕНИЕ

Стратегии будущего осмысливаются и закрепляются на государственном уровне¹ и одновременно вызывают напряженные дискуссии в научном сообществе. Будущее — очень сложный и многогранный концепт, в связи с чем ученые различных направлений гуманитарных наук стремятся углубленно рассмотреть тот или иной аспект данной проблемы: будущее как предмет стратегического государственного планирования; будущее как проекция политической воли действующего лидера; будущее как философская и экзистенциальная проблема; будущее как направление развития сфер жизни общества — политической [1, с. 22–32], экономической [2, с. 479–491], социальной, духовной, культурной [3, с. 65–77]; будущее как предмет манипуляции мнениями через СМИ [4, с. 55–70]; будущее как психологическая конструкция, воображаемая модель, выступающая причиной и целью деятельности, лежащая в основе некоторых социально-психологических установок индивидов и социальных групп [5, с. 14–22]; и многие другие.

Предметом настоящего исследования выступает область восприятия российскими гражданами концептов будущего, конструируемых различными политическими и медийными акторами и циркулирующих в публичном коммуникационном пространстве, наполненном не только российско-ориентированным контентом, но и деструктивными информационными продуктами, представляющими угрозу российской идентичности и национальной безопасности. Мы исходим из того, что будущее — это

реальность, расположенная на темпоральной шкале восприятия в области неизвестности, осознаваемая человеческим разумом в двух проекциях. В рамках первой проекции будущее мыслится как ожидаемая деятельность, обладающая потенциалом прогнозирования, планирования и контроля, а в рамках второй — как область непредсказуемости, где царят правила вероятности. Вторая проекция «образа будущего» кардинальным образом отличает его от «образа настоящего» и «образа прошлого», в которых содержание является свершившимся фактом, а вариативности поддается только его интерпретация. Будущее же одновременно и вариативно, и интерпретационно, кроме того, оно никак не может быть объективным фактом.

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

На наш взгляд, прежде чем перейти к прямому описанию результатов эмпирического исследования, необходимо показать, какие, собственно, концепции «будущего развития России» обсуждаются в научном сообществе и соответственно переносятся в публичную политику и повестку дня. Сразу необходимо указать, что это очень объемная научная область, и мы выделили лишь несколько актуальных и интересных сюжетов, которые так или иначе воспроизводились нашими респондентами, а значит, были ими усвоены из публичного медиaproстранства.

Как справедливо резюмировал результаты XXI Международных Лихачевских научных чтений профессор А.П. Марков, глобальные вызовы будущего для России определены следующими проблемами: новая геополитика, многополярный мир, в котором России предстоит не только встраиваться в новую систему взаимоотношений в АТР, Африке, Ближнем Востоке, Латинской Америке, но и определять круг своих геополитических притязаний, усиливать свою роль в Евразии; обозначенная проблема порождает и необходимость обеспечения национальной безопасности, то есть такого будущего, в котором Россия не только физически охраняет свои государственные границы, суверенитет и внутренний порядок, но и свои духовные ценности от деструктивных действий недружественных стран; преодоление конфликтности в мире и переход к диалогу культур, который, вероятнее всего, невозможен, вместо этого в перспек-

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>; Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>; Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201701160039.pdf>; Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>; Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/edinyy_plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2024_goda_i_na_planovyy_period_do_2030_goda.html

тиве будущего описываются причины острого геополитического и информационного противоборства России с коллективным Западом, ассоциированные с различиями в их культурных матрицах [6, с. 138].

Тенденции будущих трансформаций государственно-политической системы в России описаны в работе профессора А. Н. Медушевского, который, характеризуя современный политический режим в России как конституционный авторитаризм, вырисовывает ряд вероятностных направлений политической трансформации в будущем: правовая и институциональная стагнация в продолжительной перспективе; крушение политической системы под влиянием вероятностного торжества левого популизма; реформирование конституционной системы, вводящее гражданское общество в реальное принятие политических решений [7, с. 70–73]. Позиция автора так или иначе присутствует в сознании некоторой части наших респондентов и выражена в их неоднозначном отношении к «несменяемости власти» в России: с одной стороны граждане осознают риски шоковых политических перемен и не желают быть свидетелями таковых, с другой стороны — выражают опасения по поводу более острой и болезненной для России борьбы за власть в будущем. Следовательно, классическое сценарирование в трех плоскостях — крах, инерция и преобразования — присуще массовому сознанию россиян, но при этом граждане всеми силами стремятся гипертрофировать именно стабилизационный (инерционный) сценарий.

Научный интерес представляет обращение к результатам политико-социологических исследований, проведенных в прошлые годы, и сопоставление сценариев, артикулируемых респондентами тогда и сейчас. Так, в исследовании А. Ю. Мельвиля и И. Н. Тимофеева, проведенном в 2010 г., получены следующие сценарии будущего России к 2020 г.:

«Кремлевский гамбит» — рост экономики России за счет увеличения цен на энергоресурсы, интеграция с Европой и БРИКС, слабость внутренней оппозиции, ускоренная модернизация;

«Крепость Россия» — США и ЕС возвратятся к политике сдерживания России, Россия повысит расходы на оборону, прекратятся иностранные инвестиции, будут национализированы компании в крупных отраслях экономики;

«Российская мозаика» — глобализация по западной модели, Россия примет эти правила, интегрируется в международные институты, произойдет децентрализация власти, суверенизация регионов;

«Новая мечта» — мир баланса сил и коллективной безопасности, ООН обеспечивает правила игры,

в России произойдут внутренняя модернизация, экономический рост, политические преобразования [8, с. 49–63].

Представленный срез демонстрирует, что ультралиберальные и глобалистские варианты развития будущего в представлениях респондентов значительно сократились по сравнению с 2022 г., вместе с тем их место частично занял сценарий полного краха, отражающий, вероятно, страх перед неопределенностью будущего: «Распад России», «Развал России», «Ядерная война», «Война всех против всех».

МЕТОДЫ СБОРА ДАННЫХ И РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось осенью 2023 г. в ряде регионов России: Москве, Московской, Калужской, Костромской, Владимирской, Саратовской, Тверской, Кемеровской областях и Республике Дагестан. К декабрю 2023 г. были собраны два типа интервью — формализованные в количестве 369 и глубинные в количестве 270, а также свыше 600 рисуночных тестов.

В настоящем исследовании использованы методы, эффективно внедряемые коллективом ученых кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Е. Б. Шестопал в рамках целой серии научных проектов в течение многих лет [9, с. 89–106; 10, с. 254–272]. Инструментарий, включающий формализованные и глубинные интервью с применением методов неоконченных предложений, семантического дифференциала, шкалирования, ассоциативных вербальных тестов, а также рисуночных политико-психологических тестов, направленных на выявление иррациональных компонентов образа, адаптирован под конкретные задачи данного исследования. Среди них — диагностика вариативности и степени вероятности того или иного сценария будущего развития, отраженных в представлениях респондента о путях развития общества, государства, экономики, культуры, духовной сферы.

В процессе формулировки гипотезы исследования был заложен вопрос не только о соотношении этих областей и их гармоничном или дисгармоничном взаимодействии между собой, но и возможности обнаружения противоречивых сценариев будущего, а также рассогласованных, внутренне не сбалансированных прогнозов. С этой целью применен метод рисуночного тестирования, когда респондентам предлагалось изобразить три сценария будущего развития России в ситуации сказочного сюжета.

Еще одна задача исследования связана с необходимостью обозначить существующие в обществе проблемы формирования представлений россиян о сценариях будущего развития страны, препятствующих (или же способствующих) стабилизационному развитию общества, реализации его способности к сопротивлению или же адекватному реагированию на внешние вызовы, в том числе провокации в информационном пространстве или попытки организовать в стране государственный переворот в любой форме.

В качестве внешних вызовов в исследовании рассматривается не только сложившаяся геополитическая ситуация, в которой Россию и ее граждан притесняют беспрецедентным в истории пакетом мер, в том числе санкционных, изолируют и виктимизируют ее образ в публичном пространстве на уровне мировых медиа (факторы политического контекста), но и усиление манипуляции массовым сознанием российских граждан, деформация общественного мнения, осуществляемая через подрывную деятельность пропагандистских медиаресурсов и противников российской власти, действующих изнутри, в пространстве рунета.

КРАТКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Полученные по результатам исследования эмпирические материалы: стенограммы глубинных интервью и данные рисуночных тестов были подвергнуты систематизации и анализу с помощью политико-психологических интерпретационных схем.

Доминирующие в сознании населения сценарии будущего развития страны можно охарактеризовать через следующие **устойчивые сюжеты, а также их антиподы**, транслирующиеся и внедряемые в массовое политическое сознание недоброжелателями России:

1. «Россия-спасительница» — «Россия-захватчица» / «Россия-агрессор»;
2. «Россия — высокотехнологичная и конкурентная страна» — «Россия — изолированное и отсталое государство»;
3. «Россия — страна возможностей» — «Россия — тюрьма, страна упадка и деградации»;
4. «Россия — богатая страна» — «Россия — страна бедных»;
5. «Россия — охранительница традиционных ценностей» — «Россия архаичная, интолерантная страна, где не соблюдаются права человека и нет свободы».

Примечательно, что почти каждый респондент предлагал и позитивный, и негативный сценарии

будущего развития, но выбор конкретного из них как желаемого зависел в большей степени от его политико-идеологической идентичности. Носители либеральной модели мировоззрения концентрировались больше на негативных сценариях как вероятностных, но желали наступления позитивных модернизационных, а носители консервативных взглядов фокусировались на позитивных сюжетах, но желали сохранения инерционного пути в будущем. Для того чтобы точнее понять, какие именно преобразования респонденты связывают с рассматриваемыми сценариями, обратимся к их описаниям по направлениям.

Итак, будущее **развитие российской экономики** происходит в сознании респондентов **в соответствии с тремя сюжетными линиями**:

- реставрация экономики «лихих 90-х»;
- попытка сохранения объемов внутреннего потребления за счет полной замены товаров из недружественных стран на товары из стран-партнеров;
- технологический суверенитет, развитие отраслей отечественного хозяйства, машиностроения, электроники, сельского хозяйства и других.

Будущее **развитие российской политической сферы** целиком зависит от результатов СВО. «Денацификация» и «демилитаризация» Украины, являющиеся синонимами «Победы», гарантируют России международное признание, с ней начнут считаться, ее станут бояться и уважать. «Победа» позволит России диктовать свои интересы в Евразийском регионе, на Ближнем Востоке, в Европе. «Победу» довольно часто ассоциируют с реставрацией СССР, но обращая внимание лишь на масштабирование территории России в будущем до границ СССР или Российской империи, или вовсе масштабов всей Евразии, не углубляясь в тематику политической и социально-культурной интеграции, избрав тип данной политики (ассимиляции, сегрегации). «Проигрыш» же вызывает у респондентов страх распада страны, ее захвата врагом — коллективным западом, репараций Украине и полнейшего истощения России, ее фактического исчезновения с политической карты мира. Части России отойдут странам, имеющим с ней современные границы, причем большая часть отойдет Китаю.

Развитие российской культуры представляется респондентам более позитивным будущим, чем развитие экономической и политической сфер. Испытуемые опираются на ренессансные механизмы восприятия и экстраполируют великие достижения русской культуры (литературы, классической му-

зыки, живописи, театра, балета и др.) на будущее. Подавляющее большинство из них прогнозируют возрождение русской культуры и расширение границ ее узнаваемости и популярности в будущем. Примечательно, что респонденты крайне позитивно оценивают возможности использования народной культуры (этнокультур народов России) в деле формирования ее позитивного международного имиджа. Не остались без внимания и области современной массовой культуры: реклама, маркетинг, блогосфера, характеризующиеся респондентами как вполне конкурентные и самобытные.

Сопровождение внешним информационно-психологическим угрозам, таким образом, происходит не только в публичном пространстве и не только средствами государственной информационной политики, но и психологическим состоянием граждан, связанным как с обострением стресса и переживаний в условиях неопределенности и нависшей угрозы, так и воздействием деструктивной пропаганды противников России. Эти особенности запускают защитные психологические реакции, происходит преодоление чувства национальной неполноценности, чувства слабости и зависимости, нахождения на обочине истории.

Можно предположить, что в тех социальных группах, где защитные психологические механизмы восприятия работают эффективнее, ниже риск конфликтности и оппозиционной активности и в большей мере выработаны иммунитеты против внешних информационных угроз (граждане целенаправленно не обращаются за поиском контента, вызывающего у них негативные эмоции). Будучи настоящими патриотами, уверенными в силе, стабильности, правоте, доброй миссии своего государства, лояльными действующей власти, эти граждане поддерживают баланс стабильности российского общества.

В тех социально-демографических группах, где такие иммунитеты выработаны еще не до конца или не появились вовсе, сохраняются негативные взгляды на будущее. Речь идет о гражданах с более высоким материальным статусом, которые могли пострадать от санкций, изменить привычный уклад жизни, связанный с высоким потреблением, частыми путешествиями и другими нюансами, например, потерей высокооплачиваемой работы в иностранных компаниях, прекративших деятельность в России. Часть представителей этой группы либо уже возвратившиеся релоканты, либо люди, обдумывающие переезд в другое государство, в своих сценариях обращают внимание на вопросы ротации и смены элит, проблемы социального расслоения,

маргинализации беднеющих прослоек общества, в которых они видят угрозу привычному укладу жизни.

Очевидно, что в информационном пространстве происходит противостояние пророссийских и антироссийских сил, результатом чего в настоящее время является вызревание глубокого мировоззренческого кризиса в стране. Внешняя информационная угроза, несмотря на все усилия государства, не устраняется, и, видимо, предпринимаемых мер контрпропаганды и фильтрации контента рунета через механизмы присвоения статуса иноагента и другие способы цензуры пока недостаточно.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ массива качественных социологических данных показал, что представление о будущем развитии России в сознании граждан крайне противоречиво. Подавляющее большинство респондентов показывают некоторое привыкание к современной политико-экономической ситуации внутри страны и за ее пределами. Реагируя на новостную повестку, они демонстрируют клиповость восприятия и переносят стресс от осознания мозаичности и неопределенности будущего в различные вариации политической отстраненности или патернализма. В связи с этим многие темы табуированы, и раскрываются только при помощи проективного тестирования. Попытка их группировки позволила нам описать следующие универсальные сценарии:

«**мобилизационный**», характеризующийся высокой степенью доверия политическим решениям национального лидера, проявлением чувства патриотизма и готовности следовать предложенному государством сценарию, испытывая при этом собственную «силу духа»;

«**инерционный или же сценарий стабильности**», стимулирующий защитные механизмы восприятия, при которых образ будущего концентрируется на чем угодно, кроме травмирующей информации (экономических проблем, жизни в эпоху санкций, отмены русской культуры и спорта, изоляции и т.д.);

«**новый социализм и СССР 2.0**» — сценарии, артикулируемые чаще старшим поколением и связанные с ностальгическими переживаниями, не имеющими связи с реальностью;

«**анархизм и русский бунт**» — причудливый сплав идей всевозможных радикальных исторических идеологий в России, общим знаменателем для которых является неминуемая смена власти в стране и кардинальная трансформация ее политического курса;

«ИННОВАЦИОННЫЙ», характеризуемый широким диапазоном преобразований и достижений России будущего, от высоких технологий, промышленного развития до контакта с внеземными цивилизациями.

Описанные универсальные сценарии существуют в сознании респондентов как бы одновременно, и большинству из них сложно сделать выбор в пользу одного, происходит размывание как локуса, так и горизонта планирования. Практически каждый респондент описывает как позитивные, так и негативные варианты, а самыми желаемыми для всех являются стабилизационные.

В целом негативные сценарии будущего психологически фрустрируют граждан, в связи с чем массово срабатывают защитные психологические механизмы, помогающие людям изолироваться

от проблемного поля, упрощать или отрицать действительность. Несмотря на общее доминирование сценария стабильности, он выполняет в сложившихся условиях скорее нежелательную роль. От граждан требуется позитивная социально-психологическая консолидация, готовность действовать на благо своей страны и личное благо, и осознавать перспективу общего развития. Но, поскольку внятной картины будущего все еще не сформулировано и четкого, однозначного и понятного пути роста, а также конечной его цели (кроме «защитной») не предложено, продолжают сохраняться признаки когнитивной простоты и размытости образа будущего развития России, практически полного отсутствия в нем динамических элементов, роли обычного гражданина в будущих преобразованиях.

БЛАГОДАРНОСТИ

Проект № 123091200067–7 «Представления граждан России о сценариях будущего развития страны» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

ACKNOWLEDGEMENTS

Project No. 123091200067–7 “Imaginations of Russian citizens about scenarios for the future development of the country” was implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попов Г.Х. Пятый сценарий будущего России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2013;(2):22–32. URL: <https://elibrary.ru/qcrspl>
2. Расулинежад Э., Сабри П. Будущие экономические сценарии экономик Ирана и России в условиях резких колебаний мировых цен на нефть и санкций. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2019;(3):479–491. DOI: 10.22363/2313–2329–2019–27–3–479–491
3. Грибакина Т.Э. Архетипические сценарии будущего в образах современного российского кинематографа. *Философская мысль*. 2023;(9):65–77. DOI: 10.25136/2409–8728.2023.9.39702
4. Солопова О.А. Метафора в моделировании будущего: «Светлый» сценарий (на материале прогнозистических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI в.). *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017;(46):55–70. DOI: 10.17223/19986645/46/5
5. Нестик Т.А. Отношение личности к коллективному прошлому и оценка вероятности сценариев будущего России. *Вестник Университета Российской академии образования*. 2018;(5):14–22. URL: <https://elibrary.ru/vvbfjm>
6. Марков А.П. Глобальные вызовы времени и сценарии грядущего мироустройства (по материалам XXI международных Лихачевских научных чтений). *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*. 2023;(2):134–151. DOI: 10.24412/2310–1679–2023–249–134–151
7. Медушевский А.Н. Российский правовой и политический строй: смысл текущих реформ и перспективы будущих конституционных трансформаций. *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2022;(1):68–78. DOI: 10.22394/2686–7834–2022–1–68–78
8. Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н. 2020: российские альтернативы revisited. *Полития*. 2010;(2):42–64. DOI: 10.30570/2078–5089–2010–57–2–42–65

9. Смутькина Н.В., Рогач Н.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022;(5):89–106. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.05
10. Усманова З.Р., Смутькина Н.В. Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России. *Политическая наука*. 2023;(2):254–272. DOI: 10.31249/poln/2023.02.11

REFERENCES

1. Popov G. Kh. The fifth scenario for the future of Russia. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2013;(2):22–32. URL: <https://elibrary.ru/qcrspl>. (In Russ.).
2. Rasulinejad E., Sabri P. Future economic scenarios for the economies of Iran and Russia in the context of sharp fluctuations in world oil prices and sanctions. *Bulletin of RUDN University. Series: Economics*. 2019;(3):479–491. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313–2329–2019–27–3–479–491
3. Gribakina T. E. Archetypal scenarios of the future in the images of modern Russian cinema. *Philosophical thought*. 2023;(9):65–77. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409–8728.2023.9.39702
4. Solopova O. A. Metaphor in modeling the future: “Bright” scenario (based on prognostic texts about Russia from domestic, American and British political discourses of the 21st century). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2017;(46):55–70. (In Russ.). DOI: 10.17223/19986645/46/5
5. Nestik T. A. The attitude of the individual to the collective past and assessment of the likelihood of scenarios for the future of Russia. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*. 2018;(5):14–22. URL: <https://elibrary.ru/vvbfjm>. (In Russ.).
6. Markov A. P. Global challenges of the time and scenarios for the future world order (based on materials from the XXI International Likhachev Scientific Readings). *Culture and education: Scientific and information magazine of universities of culture and arts*. 2023;(2):134–151. (In Russ.). DOI: 10.24412/2310–1679–2023–249–134–151
7. Medushevsky A. N. Russian legal and political system: The meaning of current reforms and prospects for future constitutional transformations. *Theoretical and applied jurisprudence*. 2022;(1):68–78. (In Russ.). DOI: 10.22394/2686–7834–2022–1–68–78
8. Melville A. Yu., Timofeev I. N. 2020: Russian alternatives revisited. *Polity*. 2010;(2):42–64. (In Russ.). DOI: 10.30570/2078–5089–2010–57–2–42–65
9. Smulkina N. V., Rogach N. N. Images of the past, present and future of Russia: The symbolic dimension. *Contours of global transformations: Politics, economics, law*. 2022;(5):89–106. (In Russ.). DOI: 10.31249/kgt/2022.05.05
10. Usmanova Z. R., Smulkina N. V. Updating images of the past in citizens’ ideas about the future of Russia. *Political Science*. 2023;(2):254–272. (In Russ.). DOI: 10.31249/poln/2023.02.11

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Заира Романовна Усманова — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Zaira R. Usmanova — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-2307-9463>

zrusmanova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.05.2025; принята к публикации 09.07.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 01.05.2025; accepted for publication 09.07.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-13-20

УДК 327.5:338.24(045)

Хрупкий баланс влияния ирано-израильского конфликта на новый мировой и региональный порядок

Э. Расулинежад

Университет Тегерана, Тегеран, Исламская Республика Иран

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются политэкономические особенности конфликта между Израилем и Ираном, обострившегося после масштабных израильских ударов по иранским ракетным объектам в июне 2025 г. с участием армии США. Анализируется влияние военных действий и экономических санкций на энергетический сектор, стратегические отрасли (фармацевтику, производство жизненно важных товаров) и управление валютным рынком Ирана. Особое внимание уделяется внутренним мерам по поддержанию социальной стабильности в условиях войны и внешнему экономическому давлению. Рассматриваются возможные сценарии развития конфликта, включая временное перемирие и долгосрочную переориентацию баланса сил на Ближнем Востоке с доминированием Израиля и США. Исследование подчеркивает риск региональной дестабилизации и глобальных экономических потрясений, а также необходимость комплексного подхода к дипломатическому урегулированию.

Ключевые слова: ирано-израильский конфликт; политэкономика войны; экономические санкции; энергетический сектор; Ближний Восток

Для цитирования: Расулинежад Э. Хрупкий баланс влияния ирано-израильского конфликта на новый мировой и региональный порядок. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):13-20. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-13-20

ORIGINAL PAPER

The Fragile Balance of the Impact of the Iran-Israel Conflict on the New Global and Regional Order

E. Rasoulinezhad

University of Tehran, Tehran, Islamic Republic of Iran

ABSTRACT

This article discovers the political-economic aspects of the conflict between Israel and Iran, which escalated after large-scale Israeli strikes on Iranian missile facilities in June 2025 with the involvement of the U.S. military. In the research analyzes the impact of military operations and economic sanctions on Iran's energy sector, strategic industries (such as pharmaceuticals and the production of essential goods), and the management of the country's foreign exchange market. Special attention was given to Iran's domestic measures aimed at maintaining social stability under conditions of war and external economic pressure. The paper explores possible scenarios for the conflict's extension, including a temporary ceasefire and a long-term reorientation of the regional balance of power in favor of Israel and the United States. The research highlights the risks of regional destabilization and global economic shocks, as well as the necessity for a comprehensive diplomatic settlement.

Keywords: Iran-Israel conflict; political economy of war; economic sanctions; energy sector; Middle East

For citation: Rasoulinezhad E. The fragile balance of the impact of the Iran-Israel conflict on the new Global and regional order. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):13-20. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-13-20

ВВЕДЕНИЕ

Писать о вооруженных конфликтах сложно, так как они не несут положительных моментов для человечества. Война всегда сопровождается страданиями, разрушениями, потерями и глубокими моральными травмами для граждан любой страны. Однако войны не являются неожиданными — они возникают по различным причинам: из-за территориальных споров, борьбы за ресурсы, идеологических разногласий или желания власти. На протяжении всей истории человеческой цивилизации между странами и народами происходили многочисленные вооруженные конфликты, изменявшие политическую карту мира и судьбы миллионов людей. Несмотря на это, история знает и примеры, когда дипломатия, компромисс и стремление к миру позволяли предотвращать войны и урегулировать конфликты без кровопролития. Сегодня, в эпоху глобализации и взаимозависимости государств, особенно важно осознавать ценность мира и искать пути разрешения споров мирным путем.

В последние десятилетия Ближний Восток является одним из самых нестабильных регионов, где геополитические противоречия и экономические интересы переплетаются в сложный узел конфликтов, особое место в котором занимает противостояние между Израилем и Ираном, долгое время развивавшееся в формате скрытой войны — через кибератаки, экономические санкции и поддержку прокси-групп¹. Однако 13 июня 2025 г. ситуация резко обострилась: Израиль нанес масштабные удары по территории Ирана, уничтожив несколько объектов, связанных с производством ракет. Важно отметить, что в этой атаке открыто приняла участие и армия США, фактически присоединившись к израильской кампании бомбардировок, цель которой — сорвать развитие иранской военной программы².

В ответ Тегеран провел ракетные удары по израильским городам, включая Тель-Авив, Хайфу и Беэр-Шеву, что привело к значительным разрушениям и жертвам³. Более того, иранское ру-

ководство уже официально заявило о намерении ответить на эту «навязанную» войну со стороны США, рассматривая их участие как акт прямой агрессии, направленный на поддержку Израиля. Эскалация конфликта приобрела международный характер, поставив под угрозу стабильность всего региона.

Этот конфликт, который уже сейчас можно охарактеризовать как холодную войну на Ближнем Востоке, рискует перерасти в полномасштабное военное столкновение, особенно с учетом вовлеченности Соединенных Штатов. Учитывая участие мировых держав, зависимость глобальной экономики от ближневосточных энергоресурсов и наличие у обеих сторон современного военного арсенала, последствия могут быть катастрофическими не только для региона, но и для всей международной системы. Кроме того, возникает угроза радикальной трансформации расстановки сил на Ближнем Востоке, где ослабление одного из ключевых игроков — Ирана — может привести к однополярной региональной гегемонии Израиля при поддержке США и блока НАТО.

В данной статье рассматриваются политэкономические аспекты этого противостояния, включая:

- использование экономических санкций как инструмента войны;
- влияние конфликта на мировые цены на нефть и логистические маршруты;
- стратегию Ирана по обеспечению социальной стабильности в условиях войны;
- возможные сценарии эскалации и дипломатического урегулирования при прямом вмешательстве США;
- последствия для глобальных рынков, энергетической безопасности и системы международных инвестиций;
- прогнозы будущей геополитической конфигурации Ближнего Востока в случае временного перемирия или устранения Ирана как крупной региональной державы.

Актуальность исследования обусловлена не только военно-политической напряженностью, но и тем, что данный конфликт может стать переломным моментом в современной истории, определяющим баланс сил на Ближнем Востоке и за его пределами на десятилетия вперед.

Структура исследования выстроена следующим образом. В первой части рассматриваются исто-

¹ Israel-Iran conflict LIVE: Iran's underground enrichment site at Fordo attacked again. The Hindu. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/israel-iran-conflict-live-updates-missile-strike-khamenei-trump-june-23-2025/article69726364.ece>

² US bombs Iran's nuclear sites: What we know so far. Aljazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/6/22/us-bombs-irans-nuclear-sites-what-we-know-so-far>

³ Iran launches wave of missiles at Israel following US bombing of nuclear sites. Euro News. URL: <https://www.euronews.com/2025/06/22/iran-launches-wave-of-missiles-at-israel-following-us-bombing-of-nuclear-sites>

[com/2025/06/22/iran-launches-wave-of-missiles-at-israel-following-us-bombing-of-nuclear-sites](https://www.euronews.com/2025/06/22/iran-launches-wave-of-missiles-at-israel-following-us-bombing-of-nuclear-sites)

рические предпосылки и политико-военные причины обострения ирано-израильского конфликта, включая роль США и других внешних игроков. Во втором разделе анализируются полиэкономические аспекты противостояния: использование санкций, влияние на мировые энергетические рынки, логистические маршруты и инвестиционные потоки. Третья часть посвящена внутренней политике Ирана в условиях войны, включая меры по поддержанию социальной стабильности, управление валютным рынком и обеспечение стратегических отраслей экономики. В четвертом разделе приводится прогноз возможных сценариев развития конфликта, включая вероятность временного перемирия, эскалации или долгосрочного изменения баланса сил на Ближнем Востоке. Заключение содержит обобщение результатов и оценку потенциальных последствий как для региона, так и для мировой геополитической системы.

ВОЙНА МЕЖДУ ИЗРАИЛЕМ И ИРАНОМ: ПРИЧИНЫ И ФАКТЫ

Война между Израилем и Ираном, вспыхнувшая после крупномасштабных и крайне спорных ударов Израиля 13 июня 2025 г. по иранским ракетным объектам, стала опасной эскалацией их давнего скрытого противостояния в открытую фазу вооруженного конфликта. Эти израильские атаки произошли в особо чувствительный момент — когда Иран активно участвовал в ядерных переговорах с США и европейскими державами. Это сделало как само их проведение, так и обоснование крайне сомнительными: несмотря на заявления Израиля о превентивной самообороне против якобы надвигающейся ядерной угрозы, международные наблюдатели (например, The Washington post⁴) отмечали, что иранская ядерная программа на тот момент сохраняла мирный характер, а удары Израиля нарушили нормы международного права, поскольку были нанесены по суверенной территории без санкции Совета Безопасности ООН и без доказательств неизбежной угрозы.

В ответ Иран нанес серию ракетных ударов по израильским городам, квалифицируя их как самооборону в рамках ст. 51 Устава ООН. Корни конфликта погружены в десятилетия геополити-

ческого соперничества, идеологической вражды и постоянной склонности Израиля к силовому решению вопросов в ущерб дипломатическим усилиям, несмотря на то что в июне 2025 г. еще оставалась возможность мирного урегулирования ядерной проблемы.

Особое значение приобрело подключение Соединенных Штатов к военной кампании на стороне Израиля. Американское руководство объявило свое участие необходимостью поддержать союзника на Ближнем Востоке, а также пресечь потенциальную угрозу дестабилизации региона и якобы возможную разработку Ираном ядерного оружия. Однако на практике участие США стало политическим и военным шагом, направленным на сохранение контроля над расстановкой сил в регионе, защиту стратегических интересов в сфере энергоресурсов и сдерживание роста иранского влияния. Для Ирана вмешательство США стало доказательством, что война была ему фактически навязана внешними силами в рамках широкой геополитической игры, и Тегеран официально заявил о намерении ответить не только Израилю, но и Соединенным Штатам, рассматривая их действия как акт агрессии.

На момент подготовки (23.06.2025) данной статьи конфликт угрожал перерасти в полномасштабную войну с участием глобальных держав и дестабилизировать весь Ближний Восток, вновь ставя под вопрос законность изначальной израильской агрессии и актуальность дипломатических путей урегулирования, которые, возможно, могли бы предотвратить это противостояние.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИРАНА В УСЛОВИЯХ НАВЯЗАННОЙ ИЗРАИЛЕМ ВОЙНЫ

Военные действия, начавшиеся после атак Израиля и поддержавших его Соединенных Штатов в июне 2025 г., поставили перед Ираном задачу быстрой адаптации внутренних социально-экономических механизмов к условиям военного времени. В условиях международной изоляции, санкционного давления и угрозы разрушения инфраструктуры власти Исламской Республики активизировали политику военного социализма и экстренного регулирования внутреннего рынка, что позволило частично стабилизировать социальную обстановку и обеспечить базовые потребности населения. Основные меры можно условно разделить на несколько ключевых направлений.

⁴ Arab gulf states brace for fallout from Israel's attack on Iran. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/06/16/israel-iran-conflict-gulf-states/>

Энергетический сектор

Иран, являясь одним из крупнейших экспортеров нефти и газа в мире, с началом вооруженного конфликта столкнулся с прямой угрозой блокировки своих нефтеналивных терминалов в Персидском заливе⁵, атак на трубопроводную инфраструктуру и введения нового эмбарго со стороны западных стран. Это поставило под угрозу как экспортные доходы страны, так и обеспечение внутреннего энергетического баланса в условиях военного времени. В ответ иранское правительство оперативно реализовало комплекс экстренных мер для стабилизации ситуации в энергетическом секторе. Прежде всего, был введен приоритет внутреннего снабжения: значительная часть добычи перераспределялась на внутренний рынок для обеспечения бесперебойных поставок топлива, электроэнергии и газа в жилые районы, на военные объекты и стратегически важные промышленные предприятия. Во избежание социальной напряженности власти заморозили внутренние цены на топливо, газ и электроэнергию для населения, объектов социальной инфраструктуры и бюджетных организаций. Параллельно активизировалась работа с союзниками — в первую очередь с Китаем и странами Евразийского экономического союза, с которыми были заключены соглашения о бартерных поставках нефти и нефтепродуктов в обмен на продовольствие, медикаменты и критически важное промышленное оборудование. Эти шаги позволили Ирану сохранить базовую энергетическую устойчивость в условиях международной блокады и поддержать работу ключевых отраслей, несмотря на угрозу разрушений и внешнего давления.

Стратегические товары

Учитывая риск серьезных сбоев в поставках из-за возможного закрытия морских транспортных маршрутов в Персидском заливе и усиления западных санкций, иранское правительство активизировало политику централизованных государственных закупок и жестко контролируемого распределения стратегически важных ресурсов. В кратчайшие сроки были созданы централизованные резервы продовольствия, медикаментов, топлива и предметов первой необходимости, раз-

мещенные на стратегических складах по всей территории страны. Параллельно власти ввели систему квотирования и распределения по карточкам для наиболее уязвимых категорий граждан, включая малообеспеченные семьи, инвалидов, ветеранов боевых действий, а также сотрудников критически важных отраслей — медицинских учреждений, энергетики, транспорта и систем жизнеобеспечения. Особое внимание уделялось развитию локального производства лекарственных средств: фармацевтические предприятия экстренно переориентировали на выпуск жизненно необходимых препаратов, что позволило частично компенсировать нехватку импорта в условиях санкционной блокады. Кроме того, был введен временный запрет на экспорт стратегических товаров, включая продовольствие, медикаменты и топливо, вплоть до стабилизации внутреннего рынка и обеспечения продовольственной и медицинской безопасности населения.

БУДУЩЕЕ РЕГИОНА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ ИРАНО-ИЗРАИЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Вооруженное противостояние между Израилем и Ираном, начавшееся в июне 2025 г. после масштабированных ударов Израиля по иранским ракетным объектам и последующего участия США в кампании, стало одним из наиболее значимых и опасных конфликтов в новейшей истории Ближнего Востока. В отличие от прежних прокси-войн и ограниченных операций, нынешнее противостояние принимает форму прямого межгосударственного столкновения с риском вовлечения ведущих региональных и глобальных держав. Уже сейчас становится очевидным, что результаты этого конфликта определят политическую архитектуру региона на ближайшие десятилетия.

Эволюция баланса сил. До начала войны баланс сил на Ближнем Востоке держался на хрупком равновесии между блоками: с одной стороны — США, Израиль и Саудовская Аравия, с другой — Иран, поддерживающий шиитские движения в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене. Турция занимала позицию умеренного нейтралитета с попытками балансировать между Западом, Ираном и собственными интересами в Сирии и Кавказе.

Конфликт между Израилем и Ираном резко изменил расстановку сил в регионе. Израиль, заручившись поддержкой США, рассчитывал на быструю военную кампанию по уничтожению

⁵ URL: <https://oilcapital.ru/news/2025-06-19/iran-menyayet-logistiku-nefti-iz-za-konflikta-s-izrailem-5417603?ysclid=mc1uqn1jm42948804>

ключевых объектов иранской инфраструктуры. Иран, с одной стороны, мобилизовал ресурсы для расширения конфликта на территории Израиля, Ирака, Сирии и Ливана, но с другой — улучшил дипломатические отношения с Саудовской Аравией и поддерживает политическое партнерство с Оманом, который выступает посредником в мирных процессах. В отличие от предыдущих периодов, Тегеран уже не обладает такой же поддержкой в рамках «оси сопротивления» (Хамас, Хезболла и др.).

Турция: политика двойного маневра. Турция традиционно стремится к статусу регионального лидера и «независимого центра силы» на Ближнем Востоке. В условиях конфликта 2025 г. Анкара заняла позицию осторожного нейтралитета, официально призывая к деэскалации, но фактически использовала ситуацию для продвижения собственных интересов⁶.

Во-первых, Турция наращивает военное присутствие на севере Сирии и в Ираке, пытаясь не допустить усиления как Ирана, так и курдских формирований, которые могут воспользоваться ослаблением центральных властей.

Во-вторых, Анкара активизировала диалог с Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами, предлагая себя в качестве посредника между суннитскими монархиями и Тегераном.

В-третьих, Турция усиливает военно-экономическое сотрудничество с Пакистаном, который в этой войне занял сторону Ирана, что создает для Анкары уникальный шанс укрепить связи с ядерным государством и получить новые рычаги влияния в Южной Азии.

Саудовская Аравия: стратегия выжидания. Для Саудовской Аравии ирано-израильская война представляет двойную угрозу. С одной стороны, Эр-Рияд исторически противостоит Ирану как главному региональному конкуренту [1]. С другой — открытая поддержка израильских военных действий против мусульманской страны может вызвать недовольство среди собственного населения и подорвать позиции королевской семьи. В связи с этим Саудовская Аравия выбрала тактику выжидания: официально Эр-Рияд осудил атаки на гражданские объекты, но избегает прямого вовлечения в конфликт. При этом королевство

активно укрепляет оборону нефтяной инфраструктуры, опасаясь ракетных атак со стороны йеменских хуситов, поддерживаемых Ираном. Кроме того, Саудовская Аравия увеличивает закупки вооружений у США и Великобритании, готовясь к возможной эскалации, которая может затронуть и ее территорию.

Пакистан: демонстративная поддержка Ирана. Одним из ключевых внешнеполитических событий стало открытое заявление Пакистана о поддержке Ирана в условиях «несправедливой агрессии» со стороны Израиля и США. Парламент Пакистана принял резолюцию, осуждающую удары по иранской территории, а правительство объявило о готовности оказать гуманитарную и, при необходимости, военную помощь союзнику⁷. Это решение обусловлено несколькими факторами: тесными религиозными, экономическими и энергетическими связями с Ираном; восприятием конфликта как возможности укрепить позиции в регионе и исламском мире, особенно в противовес Индии и Саудовской Аравии; а также желанием усилить влияние в Организации исламского сотрудничества и получить доступ к выгодным энергетическим проектам, таким как газопровод Иран — Пакистан. Кроме того, Пакистан активизировал переговоры с Китаем, что свидетельствует о формировании условного военно-экономического блока в регионе.

Гегемония США: признаки ослабления. Несмотря на активное участие США в военной кампании на стороне Израиля, события 2025 г. показали ограниченность американского влияния. Некоторые союзники, включая Турцию, отказались предоставлять свои базы для ударов по Ирану. Более того, Китай и Россия заняли резко негативную позицию, увеличив поставки вооружений и технологий в Иран, что нивелирует часть американского военного преимущества. Впервые за несколько десятилетий арабские государства открыто критиковали действия США из-за опасений дестабилизации региона и роста антиамериканских настроений в мусульманском мире. Это вынудило Вашингтон искать компромиссные решения и вести тайные переговоры с Анкарой и Эр-Риядом, чтобы избежать полной изоляции. На этом фоне влияние Китая усилилось: он предложил формат мирных переговоров в Пекине и расширил финансовую

⁶ Security at stake: Türkiye responds to Iran-Israel conflict. Daily Sabah. URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/columns/security-at-stake-turkiye-responds-to-iran-israel-conflict>

⁷ Pakistani parliament voices support for Iran. Mehr News Agency. URL: <https://en.mehrnews.com/news/233546/Pakistani-parliament-voices-support-of-Iran>

поддержку Ирана для обхода санкций. Россия объявила о своей политической поддержке Ирана в этой войне и является важным партнером в строительстве и завершении атомной электростанции в Бушере. Кроме того, Россия, Китай и Пакистан выступили с инициативой и представили в ООН проект мирного соглашения на Ближнем Востоке, что свидетельствует о слабости США в обеспечении мира в регионе.

ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Сценариев дальнейшего развития ситуации не-сколь-ко:

А. Эскалация до региональной войны, в кото-рую будут втянуты Турция, Саудовская Аравия, Пакистан, хуситы, ливанская «Хезболла» и курдские формирования.

В. Замораживание конфликта через перемирие, которое формально сохранит статус-кво, но не ре-шит фундаментальных противоречий.

С. Перегруппировка региональных блоков с осла-блением американского влияния и усилением Китая, России, Турции и Пакистана.

Д. Экономический коллапс ряда государств, включая Ирак и Йемен, на фоне нарушения по-ставок нефти и роста цен на продовольствие.

Е. Наиболее вероятный сценарий: временное перемирие и борьба за региональный баланс.

По состоянию на середину 2025 г. наиболее ве-ро-ятым сценарием развития конфликта между Ира-ном и Израилем является временное перемирие⁸, заключенное под международным давлением после периода интенсивных боевых действий и ракетных обстрелов с обеих сторон.

Причины высокой вероятности этого сцена-рия заключаются в следующем: обе стороны уже понесли значительные потери⁹, но не добились решающего преимущества; масштабная эскала-ция конфликта грозит вовлечением региональ-ных и глобальных держав, что неприемлемо для Вашингтона, Анкары и Эр-Рияда; значительные риски для мировой экономики, особенно в сфере поставок нефти через Ормузский пролив, застав-

ляют крупных игроков настаивать на перемирии. Такое перемирие, скорее всего, будет условным и нестабильным, под контролем международных посредников (возможно, с участием Китая, Турции и Катара) и без реального разрешения фундамен-тальных противоречий между Израилем и Ираном.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАКЕТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИРАНА: СДЕРЖИВАЮЩИЙ ФАКТОР БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Ключевым фактором, не позволяющим Израилю и США (или шире — НАТО) установить постоянное военное доминирование на Ближнем Востоке, яв-ляется развитый ракетный потенциал Ирана и его прокси-группировки. Иран, имея опыт восьми-летней войны с Ираком и многолетнего проти-востояния санкциям со стороны США и Запада, осознает, что без мощного ракетного потенциала страна столкнулась бы с серьезными проблемами со стороны западного блока. Поэтому в последние десятилетия Иран значительно повысил свой ра-кетный потенциал, доведя его до уровня одного из сильнейших в регионе Ближнего Востока. По состоянию на 2025 г. Иран располагает:

- баллистическими ракетами средней дальности (1–2 тыс. км), способными поражать цели в Изра-иле, Саудовской Аравии, ОАЭ и на американских базах в регионе;
- большим числом управляемых и неуправляе-мых ракетных систем малой дальности, переданных союзным формированиям в Ливане (Хезболла), Сирии, Ираке и Йемене;
- средствами для точечных атак на энергетиче-ские объекты в Персидском заливе и Ормузском проливе.

Этот ракетный потенциал играет важную роль в поддержании регионального баланса и предотвра-щении масштабных военных действий против Ира-на. Даже при временном перемирии Иран сохранит этот потенциал для защиты своих национальных интересов и безопасности.

Если представить гипотетическую ситуацию, при которой в результате войны, санкций и по-литической дестабилизации Иран будет устранен как военная и политическая держава, то это вызо-вет радикальные изменения на Ближнем Востоке. Отсутствие мощного Ирана полностью изменит баланс сил в регионе и создаст предпосылки для однополярной гегемонии Израиля и НАТО.

Во-первых, Израиль станет единственной ядер-ной державой в регионе, обладающей высокотехно-логичными системами противоракетной обороны,

⁸ Iran-Israel ceasefire offer has been made, says Macron, as Trump exits G7 summit early. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/jun/17/donald-trump-g7-summit-iran-israel-ceasefire-offer>

⁹ Israel's war with Iran costs \$ 200M a day. Middle East Monitor. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20250620-israels-war-with-iran-costs-200m-a-day-raising-pressure-for-swift-end/>; Israel's war with Iran costs \$ 200 mln a day: Report. Daily News. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/israels-war-with-iran-costs-200-mln-a-day-report-210556>

мощной авиацией и ракетными войсками, а также ядерным сдерживанием. Без конкуренции и противовеса со стороны Ирана Израиль получит возможность контролировать политическую обстановку в таких странах, как Ливан и Сирия, усилить давление на шиитские организации, такие как Хезболла и ХАМАС, практически без риска ответных ударов, а также диктовать условия в палестинском вопросе.

Во-вторых, устранение Ирана как центра антиамериканской коалиции позволит США и НАТО укрепить свои позиции в регионе. Западные страны смогут беспрепятственно контролировать стратегически важные нефтяные маршруты через Персидский залив и Ормузский пролив, размещать военные базы в Ираке, Кувейте, Бахрейне, Катаре и ОАЭ без угрозы со стороны проиранских сил, а также усиливать военно-политическое давление на страны, такие как Турция, Саудовская Аравия и даже Пакистан, навязывая им условия, выгодные для Запада.

В-третьих, Турция и Саудовская Аравия утратят возможность маневрировать между влиянием Ирана и Запада. Турция окажется под усиленным давлением НАТО, а Саудовская Аравия — под контролем США и Израиля в вопросах нефтяной политики и внутренней безопасности, что значительно ограничит их самостоятельность в региональной политике.

Наконец, отсутствие Ирана как опоры для шиитских и антизападных движений не приведет к стабильности в регионе. Напротив, создастся вакуум власти и влияния, который заполнят радикальные и экстремистские группировки, недовольные западной политикой своих правительств и растущим доминированием Израиля, что чревато дальнейшей дестабилизацией и ростом конфликтов.

Таким образом, исчезновение Ирана как мощного игрока приведет к однополярной гегемонии Израиля и НАТО, но не обеспечит долгосрочной стабильности в Ближневосточном регионе.

ВЫВОДЫ

Современный ирано-израильский конфликт, обострившийся в июне 2025 г., продемонстрировал, что Ближний Восток по-прежнему остается одним из наиболее уязвимых и конфликтогенных регионов мира. Масштабные удары Израиля по иранской территории и открытое участие США в военной операции радикально изменили формат противостояния, переведя его из стадии скрытой «холодной войны» в фазу открытых вооруженных столкновений с рисками трансформации в полномасштабную региональную войну.

Проведенный анализ показал, что этот конфликт имеет не только военно-политический, но и многослойный политэкономический характер.

Во-первых, использование экономических санкций, энергетического давления и валютных ограничений превратилось в самостоятельный инструмент войны. Во-вторых, дестабилизация цен на нефть, перебои в логистических маршрутах и рост политической неопределенности усилили турбулентность на глобальных рынках.

Особое внимание в исследовании уделено внутренней политике Ирана в условиях войны. Страна предприняла комплекс мер по поддержанию социальной стабильности, включая субсидирование стратегических товаров (лекарств, топлива, продовольствия) и оперативное управление валютным рынком для предотвращения паники и обесценивания национальной валюты. Эти действия позволили смягчить последствия внешнего давления и сохранить управляемость экономической ситуации внутри страны, несмотря на разрушительные удары по инфраструктуре.

Прогноз возможных сценариев показал, что наиболее вероятным развитием событий станет временное перемирие между Ираном и Израилем при посредничестве международных акторов. Это позволит на время стабилизировать ситуацию, но не устранил стратегических противоречий сторон. Более того, сохранение у Ирана ракетного потенциала и широкой сети союзников в регионе продолжит сдерживать попытки установления однополярной гегемонии Израиля и блока НАТО на Ближнем Востоке.

Альтернативный сценарий — устранение Ирана как военно-политической державы — приведет к радикальной трансформации регионального баланса. Израиль получит возможность доминировать в регионе, а США и их партнеры установят прямой контроль над нефтяными потоками и ключевыми логистическими маршрутами. Однако такая модель крайне нестабильна: вакуум силы вызовет рост радикальных движений, усиление протестных настроений в арабских странах и втягивание в борьбу за влияние Турцию, Китай и Россию.

В заключение стоит отметить, что данный конфликт не только отражает накопленные десятилетиями геополитические противоречия, но и демонстрирует общую тенденцию современного мира к обострению региональных войн с глобальными последствиями. Итоги этого противостояния способны определить новую архитектуру безопасности Ближнего Востока, перераспределить зоны влияния международных игроков и повлиять на

глобальную экономическую стабильность. Именно поэтому дальнейшее исследование политэкономических, военно-стратегических и гуманитарных

последствий данного конфликта представляется необходимым и актуальным для мировой науки и международных институтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Ghasemi A., Nasehi M. The competition between Iran and Saudi Arabia: Internal factors. *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2019;10(2):205–230. URL: <https://ensani.ir/file/download/article/1651303262-10547-2021-38.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Эхсан Расулинежад — доктор экономических наук, доцент кафедры исследований России, Кавказа и Центральной Азии, факультет глобальных исследований, Тегеранский университет, Тегеран, Исламская Республика Иран

Ehsan Rasoulinezhad — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Studies of Russia, the Caucasus and Central Asia, Faculty of World Studies, University of Tehran, Tehran, Islamic Republic of Iran

<https://orcid.org/0000-0002-7726-1757>

e.rasoulinezhad@ut.ac.ir

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.06.2025; принята к публикации 25.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.06.2025; accepted for publication on 25.06.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-2-21-30
УДК 37.013:004.9 (045)

Гуманитарные технологии в образовании: антропологический поворот в период цифровой трансформации

Р.В. Парма

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются общие представления о содержании и функциях гуманитарных технологий в образовании, которые могут быть направлены как на применение методов развития человека, так и на внедрение способов управления его поведением. Предлагается авторская концептуализация гуманитарных технологий в образовательной сфере, выделяются ключевые характеристики данной категории на современном этапе. Исходя из обзора научных публикаций автор выделяет приемы обучения для достижения поставленной цели и техники воздействия для совершения нужных действий. Статья исследует переход гуманитарных технологий в образовании от традиционных методов к цифровым инструментам антропоцентрических практик. В статье также предлагается сравнительный анализ традиционных средств обучения и новых образовательных практик, внедряемых на основе гуманитарных технологий, преимущественно цифровой природы. Автор отмечает, что гуманитарные технологии преодолевают технократическую парадигму, формируя «экосистемы соразвития», где технологии активируют приращение человеческого потенциала. В статье предложены ключевые направления развития концепции гуманитарных технологий в сфере образования, содержащиеся в современном академическом дискурсе.

Ключевые слова: гуманитарные технологии; методы обучения; антропотехники; профессиональные компетенции; алгоритмическое управление; экосистема образования

Для цитирования: Парма Р.В. Гуманитарные технологии в образовании: антропологический поворот в период цифровой трансформации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):21-30. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-21-30

ORIGINAL PAPER

Humanities Technologies in Education: Anthropological Turn in the Period of Digital Transformation

R.V. Parma

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article reveals general ideas about the content and functions of humanitarian technologies in education, which can be aimed both at the usage of human development methods and the introduction of behavior management methods. The author's conceptualization of humanitarian technologies in the educational sphere is proposed, and the key characteristics of this category at the current stage are highlighted. Based on a review of scientific publications, the author identifies teaching methods for achieving the set goal and influence techniques for performing the necessary actions. The article explores the transition of humanitarian technologies in education from traditional methods to digital tools of anthropocentric practices. The article also offers a comparative analysis of traditional teaching aids and new educational practices implemented based on humanitarian technologies, mainly of a digital type. The author notes that humanitarian technologies overcome the technocratic paradigm, forming co-development ecosystems, where technologies activate the increase in human potential. The article proposes key areas for the development of the concept of humanitarian technologies in the field of education, contained in modern academic discourse.

© Парма Р.В., 2025

Keywords: humanitarian technologies; teaching methods; anthropotechnics; professional competencies; algorithmic management; educational ecosystem

For citation: Parma R.V. Humanities technologies in education: Antropological turn in the period of digital transformation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):21-30. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-21-30

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В целом современные гуманитарные технологии рассматриваются двояко: как «мягкие» инструменты управления людьми, так и методы развития человека [1]. Их сущность сводится к созданию и использованию способов целенаправленного влияния на поведение человека. Эти технологии могут быть также определены как система испытанных методов и набор пополняемых знаний, нацеленных на развитие личности, модерацию взаимодействия, коррекцию поведения человека. Применение гуманитарных технологий предполагает реализацию замыслов наставника либо субъекта управления, настроенных на достижение целей оптимальными способами в меняющихся условиях. Гуманитарные технологии в различных сферах используют как инструменты «мягкого» влияния на человека, привлечение его внимания для достижения стратегических целей. При этом гуманитарные технологии трудно поддаются алгоритмизации из-за уникальности, противоречивости и многофакторности объекта [2].

Объектом воздействия гуманитарных технологий выступает как деятельность отдельных личностей, так и различных социальных групп. Инструменты мягкого влияния призваны гармонизировать отношения между людьми, разрешать кризисные проблемы и конфликтные ситуации, продвигать антропоцентричные стратегии, решая задачи в процессе их взаимодействия посредством многомерных коммуникаций [3]. Исследователи отмечают ценностные и идеологические основы таких технологий, связывая их с гуманизацией образования и формированием гуманитарной культуры. Гуманитарные технологии обычно классифицируются на футурологические, ситуативные и повседневные, подчеркивая их роль в управлении социальными процессами¹.

Гуманитарные технологии рассматриваются как инструменты обучения человека и раскрытия потенциала личности в современном обществе. В сфере образования они выступают инструментами повышения эффективности обучения через учет

личностных факторов и задают вектор развития инноваций в обучении, позволяя формировать профессиональные компетенции и востребованные в обществе навыки [4]. Между тем гуманитарные технологии укоренены в традициях российской психолого-педагогической школы. С позиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского они служат «орудиями» для интериоризации знаний [5].

Исследователи пытаются концептуализировать использование гуманитарных технологий в образовании. Их подход основан на применении этого инструментария с учетом знаний о человеке для управления социальным поведением, предполагающим взаимодействие между людьми. Гуманитарные технологии в образовании:

- выступают инструментами повышения эффективности обучения через учет характера и особенностей личности. Они понимаются как «последовательность действий педагога, специально организованных для конкретной ситуации и обеспечивающих такое взаимодействие с учащимися или воспитанниками, которое оказывает целенаправленное влияние на их поведение за счет использования ресурсов, связанных с знаниями о личности (потребности, интересы, мотивы)» [6];

- служат развитию личности, увеличению полученных знаний и освоенных навыков. Их применение оказывается эффективным, когда стороны настроены на диалог и общение, обратную связь в процессе коммуникации;

- направлены на становление личности, раскрытие творческого потенциала человека в современном мире. При их использовании должны быть поставлены прозрачные цель и задачи работы, чтобы избежать манипулятивных воздействий в процессе обучения [7];

- должны носить открытый характер как в целях, так и в методах работы, лишенной манипулятивных намерений педагогов и организаторов. Их открытое применение обеспечивается обеспечивается коллегиальными решениями, прояснением целей и смыслов, сторонней экспертизы и коррекции алгоритмов действий.

Применение гуманитарных технологий возможно при индивидуальном подходе к обучению и институциональном обеспечении [8].

¹ Классификация технологий. Общая характеристика гуманитарных технологий. URL: <https://www.zelgo.ru/mpibos-91-1.html>

Направленность гуманитарных технологий зависит от формулировки цели воздействия на предмет и от технического инструментария. Принципиальным отличием гуманитарных от педагогических технологий является переориентация с передачи знаний на нахождение и изобретение знаний [9]. Исследователи полагают, что гуманитарные технологии в образовании не могут быть универсальными. В образовании они эксклюзивны, так как разрабатываются для решения конкретной педагогической задачи. При этом гуманитарные технологии не заменяют традиционные образовательные методы, а дополняют их, выступая инструментом для решения нестандартных педагогических задач. Их успешное применение требует глубокой подготовки педагогов и учета этических аспектов взаимодействия с учащимися [10].

Применение гуманитарных технологий в академической среде рассматривается как возможность адаптироваться к другой культуре и в ней реализоваться. Использование гуманитарных технологий позволяет считывать культурный код для коммуникации в иной культурной среде, расширять рамки инициативных действий. Освоение гуманитарных технологий открывает способы гармонизации отношений между представителями разных культур посредством открытой коммуникации [11]. К гуманитарным технологиям исследователи относят гуманитарную экспертизу, которая рассматривается как форма деятельности, предназначенная для понимания ценностей и мотивов поведения, процесса принятия решений при групповом взаимодействии и оценке их последствий.

МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ

В контексте применения гуманитарных технологий выделяются две различные модели обучения, которые кардинально отличаются в своих подходах к взаимодействию между человеком и образовательной системой. В традиционной модели «вход-выход» учащийся рассматривается как объект, который должен быть преобразован и наделен определенными качествами под воздействием информации в соответствии с обязательными стандартами образования. В современной модели «супермаркета» образовательная система представляет собой технологическую систему с открытыми входами и выходами, предоставляющую широкий спектр образовательных услуг и модулей. Эта модель позволяет учащимся выбирать траекторию развития в соответствии с их потребностями и предпочтениями.

Модель «супермаркета» адаптируется под требования рынка труда и рынка интеллектуальных услуг, обеспечивая тем самым более гибкое и развивающее образование. Технологии обучения в «образовательном супермаркете» подразделяются на модульные и полевые. Модульные технологии учебный материал разделяют на тематические и смысловые соорганизованные в комплексы блоки. Полевые технологии обучения строятся на деятельности, в процессе которой проектируются и имитируются конфликтные поля, создающие межличностное напряжение и провоцирующие мыслительную активность. Основными результатами применения полевых технологий являются разрешение конфликта, понимание коммуникации и развитие мыслительных способностей².

Гуманитарные технологии рассматриваются как способы речевого общения и взаимодействия. В этом аспекте они представляют собой технические приемы и процедуры в форме «языкового существования» в виде технологий говорения и диалога, вербального и невербального взаимодействия, создания и интерпретации текстов. Субъект гуманитарных технологий должен уметь проектировать речевые ситуации, анализировать речевое поведение, выступать публично, готовить тексты и интерпретировать речь. Гуманитарные технологии должны отвечать требованиям филологической образованности, психологической проницательности и педагогической компетентности. Специалист в области гуманитарных технологий должен обладать продвинутыми навыками интерпретации семантики высказываний, речевых реакций, сопутствующего поведения в процессе взаимодействия для выверенных действий и решений [12].

Гуманитарные технологии рассматриваются также как современный инструментарий для гармонизации отношений человека и поликультурного социума, что обеспечивает создание безопасной среды и способствует повышению качества жизни. Однако, прежде всего, гуманитарные технологии конструируют ситуации, создающие возможности выбора положительной проекции социального поведения; позволяют разрабатывать эксклюзивные решения педагогических задач и проводить их оценку; способствуют развитию личностных качеств, целевых установок и мотивации педагога. Также гуманитарные технологии предполагают использование информационных ресурсов в об-

² Социология: энциклопедия. URL: <https://voluntary.ru/termin/gumanitarnye-tehnologii.html>

учении и распространении положительного опыта применения.

Исследователи приводят целый ряд методов применения гуманитарных технологий в программе обучения. Примером гуманитарной технологии является методика скэффолдинга («угасающей помощи») для стимулирования преподавателем вовлеченности учащихся в процессе обучения. В качестве примера применения гуманитарных технологий в образовании обозначается вебквест, который заключается в проведении студентами исследовательской деятельности, предполагающей самостоятельный поиск информации в интернете для развития навыков критического мышления и анализа контента. Метод кейс-стади позволяет находить решение реальных проблем через анализ ситуаций. Ментальные карты помогают в визуализации учебной информации для структурирования знаний. Методы игрового обучения создают симуляции, ролевые игры для развития критического мышления³. Различие традиционных методов обучения и гуманитарных технологий представлено в *таблице*.

Гуманитарные технологии позволяют создавать позитивную перспективу образования, развивая коммуникативные способности. Современные технологии обучения рассматриваются, включая проектные и исследовательские методы, как примеры гуманитарных подходов. Реализуя исследовательские проекты, учащиеся могут искать ответы на вопросы в процессе наблюдений, опытов, экспериментов. Студенты учатся самостоятельно принимать решения и вырабатывать стратегии их реализации. Таким образом, гуманитарные технологии в образовании представляют собой комплекс методов, направленных на повышение эффективности обучения и воспитания через учет личностных особенностей учащихся. Они фокусируются на регулировании поведения участников образовательного процесса с использованием знаний о мотивации, интересах и потребностях.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ

Для решения задач специалист в области гуманитарных технологий должен обладать рядом необходимых компетенций, таких как системное мышление, умение анализировать информационные потоки, интерпретировать противоречивую инфор-

мацию, нестандартно решать актуальные проблемы; закрепление толерантности и упреждение экстремизма на практическом опыте для устойчивого развития социальных институтов; также умение управлять и разрешать возникающие конфликты в контекстах разных культур; формировать гендерное сознание личности, свободное от ролевых стереотипов профессиональной самореализации; владеть эффективными методами профилактики девиантного поведения в различных группах риска; прогнозировать и упреждать негативное воздействие на экосистемы в чрезвычайных ситуациях; создавать возможности для эффективного взаимодействия в поликультурных сообществах [13].

Обучение гуманитарным технологиям происходит в форме специализированных занятий, которые проводятся в виде ролевых или игровых сценариев. Гуманитарные технологии относятся к особому виду профессиональных компетенций, овладение которыми доступно незаурядным коммуникабельным личностям с эмпатией и интуицией, а также деловыми качествами, практическим опытом и специальной подготовкой.

Наряду с гуманитарными технологиями важно рассматривать смежную область социальной инженерии в аспекте введения подготовки специалистов в системе высшего образования. Специальность социального инженера концентрирует знания социолога, который должен понимать суть общественных проблем, и инженера, который использует на практике технические методы. Деятельность социального инженера включает следующие направления: социоинженерные исследования, ориентированные на анализ, диагностику и экспертизу состояния; социальное конструирование, нацеленное на проектирование, программирование и планирование решений; социальную организацию, состоящую в реализации технологий в практической деятельности; управленческое консультирование, настроенное на сопровождение проектов по трансформации социальной действительности. Данные направления соответствуют профессиональным квалификациям социальных инженеров, призванных управлять сложными процессами общественных изменений в неординарных ситуациях [14].

ПАРАДИГМА АНТРОПОТЕХНИК

Происходящая цифровая трансформация общества в значительной степени изменяет представление о содержании гуманитарных технологий. В настоящее время гуманитарные технологии определяются как комплексы методов и цифровых решений, ори-

³ Современные технологии обучения на уроках гуманитарного цикла. URL: <https://multiurok.ru/files/sovremennyye-tehnologii-obuchenii-na-urokakh-guma.html>

Таблица / Table

**Сравнение традиционных методов обучения и гуманитарных технологий образования /
Comparison of traditional teaching methods and humanitarian education technologies**

Критерии / Criteria	Технологии / Technologies	
	Традиционные	Гуманитарные
Цель	Достижение результата	Повышение эффективности
Фокус	Процессы обучения	Личностные ресурсы учащихся
Методы	Стандартизированные	Индивидуальные, контекстные
Пример	Лекция, тестирование	Кейс-метод, скэффолдинг

Источник / Source: составлено автором / Complied by author.

ентированных на развитие человеческих качеств: эмпатии, критического мышления, культурной рефлексии. В отличие от технократических моделей, где технологии доминируют над субъектом, гуманитарные технологии реализуют принцип обращенного проектирования: от антропологических потребностей — к цифровым инструментам. Согласно принципу соразвития цифровая среда должна создавать «зоны ближайшего развития» через диалектику «человек–технология–сообщество».

В методиках обучения происходит парадигмальный сдвиг. Традиционный дискурс о технологиях в образовании тяготеет к инструментализму, фокусируясь на оптимизации передачи знаний. Тогда как сущностью концепта «гуманитарных технологий» становятся антропотехники, которые опосредуют развитие человека внутри образовательной метасреды. Современные гуманитарные технологии от цифровых платформ нарративного анализа до иммерсивных симуляций социальных взаимодействий и алгоритмов персонализации, основанных на герменевтике, трансформируют не только методы, но саму онтологию образовательного опыта, создавая гибридные пространства конституирования субъективности. В современном мире формируются «образовательные мета-среды» как новые экзистенциальные сферы, в которых гуманитарные технологии выступают соархитекторами развития человека.

Цифровые антропотехники используются в различных сферах знаний. Господствующий технодискурс в образовании, сосредоточенный на улучшении обучения через адаптивные системы, LMS или VR-лаборатории, редуцирует технологию до сервильной функции. Однако гуманитарные и общественные науки (философия, филология, история, культурология, социология) сталкиваются с иным вызовом: технологии не столько передают,

сколько трансформируют ткань знания и практик его усвоения и создания.

В изучении литературы применяется NLP для анализа эмоциональной и стилистической эволюции автора в корпусе текстов, визуализируемой в динамике. Текст становится «живой системой», наблюдаемой в масштабах, недоступных традиционному чтению. Гуманитарные технологии представляют собой не «компьютеры на уроке литературы», а цифровые герменевтические платформы. Такие инструменты сетевого анализа текстов позволяют визуализировать интертекстуальные связи, меняя саму практику «медленного чтения» и понимания смыслов.

В освоении истории применяются мультиперспективные VR-реконструкции ключевых событий, где студент выбирает роль и исследует событие через призму разных социальных групп. Таким образом, история переживается как поле альтернативных нарративов и этических выборов, а не как фиксированное знание о прошлом страны и мира. Посредством иммерсивных исторических симуляций, VR-реконструкции социокультурных контекстов прошлого студент не столько изучает, сколько переживает дилеммы исторических субъектов, формируя эмпатию как эпистемологическую категорию. Алгоритмы персонализации на основе герменевтики данных позволяют анализировать не только скорость решения задач, но и стиль аргументации, логические паттерны, эмоциональный тон письменной речи, предлагая персонализированные траектории работы с философскими концептами.

Формирование коллаборативных сред критического мышления стало возможным посредством сервисов для анонимного диалектического диалога (типа Kialo), где структура обсуждения алгоритмически направляется к выявлению предпосылок, логических ошибок и ценностных конфликтов. Так,

в постижении философии возможно использование диалоговых агентов искусственного интеллекта, обученных на корпусе текстов видных мыслителей, для проведения «сократических диалогов», в ходе которых выдвигаемые студентом тезисы ставятся под сомнение, вынуждая к рефлексии слов, осмыслению доводов и интерактиву действий. Таким образом, технология становится сосубъектом философствования, приводя к онтологическому сдвигу.

Образовательная метасреда создает новую онтологическую реальность. Внедрение гуманитарных технологий порождает не «обогащенную среду», а принципиально иную метасреду, развивающую идеи «гибридной реальности» и «онтологического дизайна». Ее ключевые характеристики состоят в гибридности, интерпассивности, данноцентричности и соагентности. Гибридность предполагает стирание границ между онлайн- и офлайн-пространствами, субъектом и объектом, чтением и интеракцией (например, дополненная реальность в археологии, накладывающая артефакты на реальный ландшафт). Интерпассивность заключается в делегировании технологий не только действий, но и актов интерпретации, рефлексии, даже сомнения (например, алгоритмы, предлагающие контраргументы эссе студента). Данноцентричность кроется в конституировании образовательного субъекта через его «цифровой след», который позволяет определить паттерны взаимодействия с текстами, дискуссиями, симуляциями, являющимися объектом анализа как для педагога, так и для искусственного интеллекта. Соагентность указывает на технологическую роль алгоритмов, которые выступают не нейтральными посредниками, а активными соучастниками смыслопорождения, обладающими собственной «предвзятостью», заложенной в их архитектуре и массивах данных [15].

ГУМАНИТАРНЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ

Модель «Экосистемная интеграция гуманитарных технологий» (см. рисунок) предполагает организацию гуманитарных процессов в виде экосистем, где участники взаимодействуют и интегрируют ресурсы для достижения общих целей. Модель «экосистемной интеграции гуманитарных технологий» представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов, направленных на создание гибкой и адаптивной образовательной среды, объединяющей технологические инновации с гуманитарными практиками. Эта модель акцентирует внимание на персонализации обучения, междисциплинарности

и коллаборации различных стейкхолдеров [16]. Модель «экосистемной интеграции гуманитарных технологий» отражает переход от традиционных учебных заведений к динамичным средам, где образование становится непрерывным и адаптивным. Ее успешность зависит от готовности участников к сотрудничеству, гибкости управления и опоры на цифровые инновации.

Персонализация без атомизации отражает технологический подход, при котором контент и функционал адаптируются под потребности и интересы пользователя без разделения на более мелкие фрагменты. Цель такой персонализации состоит в предоставлении контента, который соответствует ожиданиям и запросам пользователя, без усилий со стороны самого человека. Система составляет профиль пользователя и подстраивает интерфейс в соответствии с этим профилем. Примером персонализации без атомизации является адаптация новостей под интересы пользователя. Медиаплатформы используют алгоритмы, которые понимают, какую тематику читает пользователь, в какое время он активен, и формируют контент индивидуально для каждого. В цифровых коммуникациях открылась возможность персонализированной рассылки сообщений. Почтовые и SMS-рассылки, а также рассылки в мессенджерах увеличивают конверсию, так как человек обращает внимание на те сообщения, которые могут принести пользу конкретно ему, а неинтересные удаляет или игнорирует. В интернет-магазинах контент перестраивается в зависимости от предыдущих покупок, сезонности и интересов пользователя.

Формирование диалоговой культуры задает уровень развития коммуникативных и интеллектуальных умений, основанный на уважении, открытости и готовности слушать и слышать другого. Такая культура регулирует стиль общения, придавая ему диалогическую направленность. Методы формирования диалоговой культуры в процессе обучения весьма разнообразны. Например, учебные дискуссии настроены на целенаправленный обмен идеями, суждениями и мнениями в группе для поиска истины. Ролевые игры и исследовательские проекты помогают развивать творческое мышление и умение формулировать выводы в диалоге с оппонентами. Работа с документами и источниками информации позволяет формировать умение анализировать и оценивать разные точки зрения. Организация индивидуальной, парной и групповой работы способствует развитию диалоговых навыков и взаимопониманию участников.

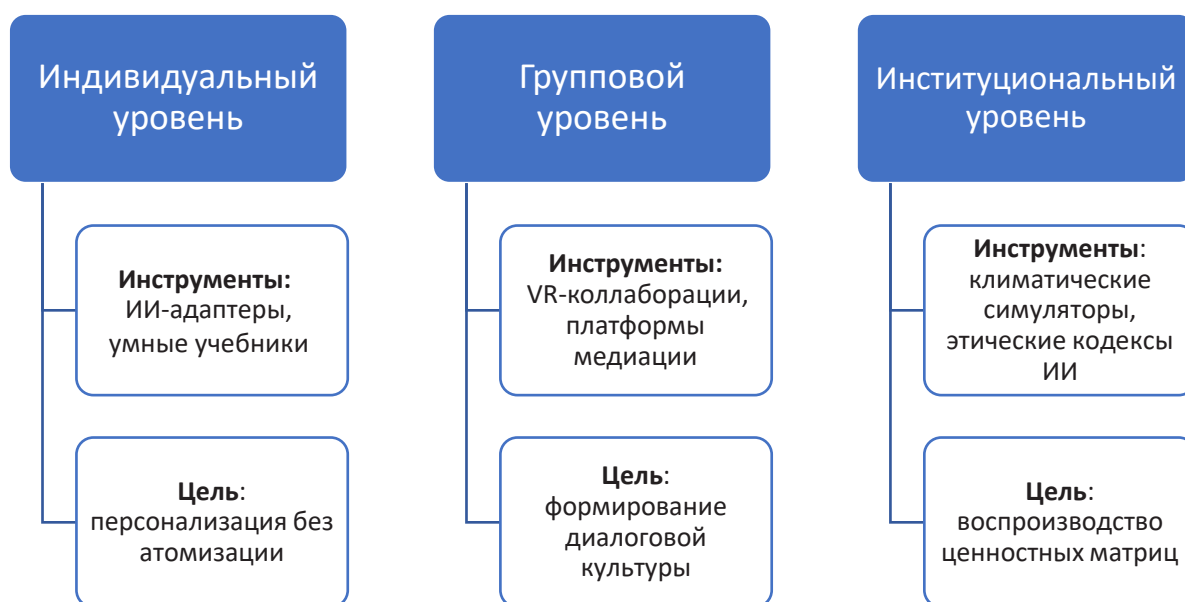

Рис. / Fig. Модель «Экосистемная интеграция гуманитарных технологий» / The Model “Ecosystem integration of humanitarian technologies”

Источник / Source: составлено автором / Complied by authors.

Воспроизводство ценностных матриц происходит в процессе передачи норм и моделей поведения от одного поколения к другому, сохраняя устойчивость социокультурной системы. Ценности воспроизводятся через социализацию, когда индивид усваивает социальные нормы и образцы поведения, характерные для его общества. Некоторые механизмы воспроизводства ценностей состоят в подражании и копировании паттернов. Индивид действует по аналогии с образцами, которые соответствуют социокультурной реальности его времени или могут быть воспроизведены с переносом на текущее время. Ритуалы закрепляют в общественном сознании определенные модели поведения, превращая их в привычку. Игры помогают осваивать ценности через их осмысленное регулярное воспроизводство, что помогает закрепить их в поведении. На воспроизводство ценностных матриц влияют социальные институты. Семья, школа, трудовой коллектив служат «трансляторами социального опыта», в которых личность приобщается к системам норм и ценностей. СМИ, включая телевидение, радио, интернет, транслируют ценности массовой культуры, которые могут влиять на формирование системы ценностей индивида. По мере взросления личности все больше влияет на ее ценностный мир осознание принадлежности к тем или иным общим социальным группам — этносу, классу, конфессии. Ценностно-смысловая матрица индивидуального

опыта социального взаимодействия отражает существующие в обществе базовые ценности, нормы и традиции, что служит основанием для выбора аксиологического содержания образования.

АМБИВАЛЕНТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Гуманитарные технологии несут амбивалентный потенциал: освобождение vs управление. Эмансипация проявляется во многих открывающих возможностях широкой образовательной сферы. Доступ к мощным инструментам анализа текстов и культурных артефактов для непрофессионалов позволяет демократизировать герменевтику знаний. Учет уникальных когнитивных стилей и культурного бэкграунда через адаптивные траектории персонализированных способов познания. Формирование глобальных сетей критического диалога и сотворчества усиливает коллективный интеллект. Иммерсивный опыт исторического или культурного «Другого» расширяет горизонт эмпатии.

В свою очередь применение современных гуманитарных технологий в образовании создает риски алгоритмического управления. Алгоритмы, предлагающие «оптимальные» интерпретации, могут сужать поле смысла, навязывая скрытые нормативные суждения, создающие герменевтическую предопределенность. Редукция сложности гуманитарного познания к квантифицируемым метрикам (количество связей в сетевом анализе, «уверенность» аргумента

по шкале искусственного интеллекта) по сути конституирует «измеряемого субъекта». Постоянный мониторинг интеллектуальной и эмоциональной вовлеченности пользователей создает давление и потенциал для манипуляции, создавая цифровой паноптикум. Замещение глубокой рефлексии «скоростной интеракцией» с симулякрами приводит к эрозии «медленного знания», приводя к сиюминутному и поверхностному процессу познания [17].

Применение гуманитарных технологий требует новой герменевтики данных — искусства интерпретации не только контента, но и «цифровых следов» образовательного процесса. Необходимо критическое осмысление «черных ящиков» алгоритмов, формирующих образовательные траектории, понимание того, как сами метрики конструируют объект измерения. Этический императив смещается с принципа «не навреди» к «осознанному соконструированию человеческого». Соблюдение этических норм требует качеств «цифрового аскетизма», осознанного выбора в вопросах, когда и зачем использовать гуманитарные технологии. Требование «алгоритмической прозрачности» должно строиться не на разглашении кода, а обеспечении возможности выявления и оспаривания нормативов, заложенных в систему сервисов. Система обучения должна исходить из необходимости формирования «техно-гуманитарного баланса», которые настроен на сохранение пространства неопосредованной рефлексии, живого диалога, самостоятельного мышления.

ВЫВОДЫ

Гуманитарные технологии — комплексные социотехнические системы, опосредующие процессы интерпретации, смыслопорождения, критической рефлексии, этического суждения и конституирования культурной идентичности в образовательном пространстве, где технология выступает не внешним инструментом, а имманентным элементом антропологической практики.

Развитие гуманитарных технологий знаменует переход от образования как трансляции знания к образованию как «практике себя» в гибридной метасреде [18]. Технологии становятся соучастниками в конституировании гуманитарной субъективности — способности к интерпретации, критике, эмпатии и этическому суждению. Вызов заключается не в освоении новых инструментов, а в онтологическом проектировании этой метасреды.

Гуманитарные технологии преодолевают технократическую парадигму, формируя «экосистемы соразвития», где технологии активируют приращение человеческого потенциала. Будущее гуманитарного образования зависит от нашей способности развивать критическую грамотность, этические рамки их применения и педагогические практики, превращающие технологическое опосредование в пространство подлинного антропологического становления. Гуманитарные технологии должны стать не машинами обучения, а антропотехниками просвещения в цифровую эпоху.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 125062507558–8 («Разработка методики профилактики негативных последствий деструктивного информационно-психологического воздействия на детей и молодежь в пространстве цифровых коммуникаций»)).

ACKNOWLEDGEMENTS

This work was carried out as part of a state assignment from the Ministry of Education of the Russian Federation [topic No. 125062507558–8 (“Development of methods for preventing the negative consequences of destructive informational and psychological influences on children and young people in the digital communications space”)].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Парма Р.В., Сучилина А.А. Дискурс гуманитарных технологий в современных научных исследованиях: отечественный опыт и зарубежная практика. *Власть*. 2025;33(1):51–56. DOI: 10.24412/2071–5358–2025–1–51–56
2. Петрусеви́ч А.А. Основы практической педагогики: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений. Омск: Издательство ОмГПУ; 2010. 180 с.
3. Гончаров С.А. Гуманитарные технологии в образовании и социальной сфере. *Вестник Герценовского университета*. 2008;5(55):9–15. URL: <https://elibrary.ru/nszezt>
4. Соломин В.П. Гуманитарные технологии как инновация в образовании. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011;4(106):124–127. URL: <https://elibrary.ru/nweeal>

5. Выготский Л. С. Психология развития человека. Москва: Смысл; Эксмо; 2005. 1136 с.
6. Митин А. Е., Филиппов С. О. Гуманитарные технологии: обоснование основных положений применения в образовании. *Знание. Понимание. Умение*. 2013;3:255–262. URL: <https://elibrary.ru/rbovvz>
7. Сорокопуд Ю. В., Клименко О. В., Хадикова Е. Н., Корсун Д. А. Применение гуманитарных технологий в высшем профессиональном образовании. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2014;12:396–400. URL: <https://elibrary.ru/sceaz>
8. Розин В. М. О возможности построения гуманитарной технологии. *Идеи и идеалы*. 2017;1(31):9–22. DOI: 10.17212/2075–0862–2017–1.1–9–22
9. Кожемякин М. В. От гуманитарного знания к гуманитарной технологии. *Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI веке»*. 2018;20(7):58–63. URL: <https://elibrary.ru/uwivlc>
10. Филиппова С. О., Митин А. Е., Соломин В. П. Гуманитарные технологии в физической культуре: пособие для преподавателей. Москва: ИНФРА-М; 2017. 258 с.
11. Нехорошева К. И. Проблема гуманитарных технологий: специфика подхода французского образования. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*. 2019;1(31):14–20. URL: <https://elibrary.ru/ozkdzf>
12. Роботова А. С. Гуманитарность и гуманитарные технологии. *Вестник Герценовского университета*. 2008;5(55):15–20. URL: <https://elibrary.ru/nszsfad>
13. Бордовский Г. А. Гуманитарный технолог: от идеи к воплощению. *Вестник Герценовского университета*. 2007;10(48):3–5. URL: <https://elibrary.ru/nwzpdv>
14. Резник Ю. М. Социальная инженерия как профессия. *Известия Томского политехнического университета*. 2011;318(6):124–130. URL: <https://elibrary.ru/nuwhmp>
15. Sloterdijk P. You must change your life. Hoboken: John Wiley & Sons; 2014. 500 p.
16. Кичерова М. Н., Трифонова И. С. Принципы экосистемного подхода: возможности для моделирования образовательной экосистемы. *Science for Education Today*. 2023;13(3):45–72. DOI: 10.15293/2658–6762.2303.03
17. Berry D. M., Fagerjord A. Digital humanities: Knowledge and critique in a digital age. Cambridge: Polity Books; 2017. 248 p.
18. Фуко М. Технологии себя. *Логос*. 2008;2(65):96–122. URL: <https://elibrary.ru/tjlkcx>

REFERENCES

1. Parma R. V., Suchilina A. A. Diskurs gumanitarnykh tekhnologiy v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh: otechestvennyy opyt i zarubezhnaya praktika. *Vlast'*. 2025;33(1):51–56. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071–5358–2025–1–51–56
2. Petrusevich A. A. Fundamentals of practical pedagogy: A textbook for students of pedagogical educational institutions. Omsk: OmGPU Publishing House; 2010. 180 p. (In Russ.).
3. Goncharov S. A. Humanitarian technologies in education and the social sphere. *Bulletin of the Herzen University*. 2008;5(55):9–15. URL: <https://elibrary.ru/nszezt> (In Russ.).
4. Solomin V. P. Humanitarian technologies as an innovation in education. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2011;4(106):124–127. URL: <https://elibrary.ru/nweeal> (In Russ.).
5. Vygotskij L. S. Vygotsky L. S. Psychology of human development. Moscow: Sense; Eksmo; 2005. 1136 p. (In Russ.).
6. Mitin A. E., Filippov S. O. Humanitarian technologies: substantiation of the main provisions of their application in education. *Knowledge. Understanding. Ability*. 2013;3:255–262. URL: <https://elibrary.ru/rbovvz> (In Russ.).
7. Sorokopud Ju. V., Klimenko O. V., Hadikova E. N., Korsun D. A. Application of humanitarian technologies in higher professional education. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2014;12:396–400. URL: <https://elibrary.ru/sceaz> (In Russ.).
8. Rozin V. M. About the possibility of building humanitarian technology. *Ideas and ideals*. 2017;1(31):9–22. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075–0862–2017–1.1–9–22
9. Kozhemjakin M. V. From humanitarian knowledge to humanitarian technology. *Electronic scientific and educational bulletin "Health and education in the 21st century"*. 2018;20(7):58–63. URL: <https://elibrary.ru/uwivlc> (In Russ.).
10. Filippova S. O., Mitin A. E., Solomin V. P. Humanitarian technologies in physical education: A manual for teachers. Moscow: INFRA-M; 2017. 258 p. (In Russ.).

11. Nehorosheva K. I. The problem of humanitarian technologies: The specifics of the approach of French education. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2019;1(31):14–20. URL: <https://elibrary.ru/ozkdzf> (In Russ.).
12. Robotova A. S. Humanitarianism and humanitarian technologies. *Bulletin of the Herzen University*; 2008;5(55):15–20. URL: <https://elibrary.ru/nszfad> (In Russ.).
13. Bordovskij G. A. Humanitarian technologist: from idea to implementation. *Bulletin of the Herzen University*; 2007;10(48):3–5. URL: <https://elibrary.ru/nwzpdv> (In Russ.).
14. Reznik Ju. M. Social engineering as a profession. *Proceedings of Tomsk Polytechnic University*. 2011;318(6):124–130. URL: <https://elibrary.ru/nuwhmp> (In Russ.).
15. Sloterdijk P. You must change your life. Hoboken: John Wiley & Sons; 2014. 500 p.
16. Kicherova M. N., Trifonova I. S. Principles of an ecosystem approach: Opportunities for modeling an educational ecosystem. *Science for Education Today*. 2023;13(3):45–72. (In Russ.). DOI: 10.15293/2658–6762.2303.03
17. Berry D. M., Fagerjord A. Digital humanities: Knowledge and critique in a digital age. Cambridge: Polity Books; 2017. 248 p.
18. Fuko M. Tehnologii sebja. *Logos*. 2008;2(65):96–122. URL: <https://elibrary.ru/tjlkcx> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Роман Васильевич Парма — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

Roman V. Parma — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>

rvparma@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.07.2025; принята к публикации 10.07.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 01.07.2025; accepted for publication 10.07.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-31-38

УДК 32.019.5:316.35(045)

Элита vs «средний класс»: определяющий конфликт глобальной нестабильности первой четверти XXI века

А.Б. Шатилов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема борьбы за влияние между элитой и средним классом в современных государствах. Исследование охватывает период со второй половины XX в. до настоящего времени, выделяя два ключевых этапа противостояния. В первой половине анализируемого периода элита и средний класс выступали союзниками в борьбе против персонального доминирования политических лидеров. Однако после нейтрализации «диктаторского» потенциала института лидерства в 2000-е гг. элита развернула активную кампанию против среднего класса, который к тому времени накопил значительный социальный, материальный и интеллектуальный капитал и стал представлять угрозу для властных позиций истеблишмента. Автор анализирует меры, предпринятые элитой для снижения авторитета среднего класса в обществах «цивилизованных» стран и установления полного контроля над формированием повестки развития человечества. В заключении отмечается, что, несмотря на продолжающееся противостояние, элита сохраняет существенное преимущество как над политическими лидерами, так и над народным большинством, ядро которого составляет средний класс.

Ключевые слова: элита; средний класс; государство; общество; политика; управление; «цивилизованные» страны; власть; социальная иерархия; социальный контроль

Для цитирования: Шатилов А.Б. Элита vs «средний класс»: определяющий конфликт глобальной нестабильности первой четверти XXI века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):31-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-31-38

ORIGINAL PAPER

Elite vs “Middle Class”: The Defining Conflict of Global Instability in the First Quarter of the 21st Century

A.B. Shatilov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article considers the problem of the struggle for influence between the elite and the middle class in modern states. The study covers the period from the second half of the 20th century to the present time, highlighting two key stages of the confrontation. In the first half of the analyzed period, the elite and the middle class acted as allies in the struggle against the personal dominance of political leaders. However, after neutralizing the “dictatorial” potential of the leadership institute in the 2000s, the elite launched an active campaign against the middle class, which by that time had accumulated significant social, material and intellectual capital and began to pose a threat to the establishment’s positions of power. The author analyzes the measures taken by the elite to reduce the authority of the middle class in societies of “civilized” countries and establish full control over shaping the agenda of human development. In conclusion, it is noted that despite the ongoing confrontation, the elite retains a significant advantage over both political leaders and the popular majority, the core of which is the middle class.

Keywords: elite; middle class; state; society; politics; management; “civilized” countries; power; social hierarchy; social control

For citation: Shatilov A.B. Elite vs “middle class”: The defining conflict of global instability in the first quarter of the 21st century. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):31-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-31-38

ВВЕДЕНИЕ

Формирование пространства «большой политики» на рубеже XIX–XX вв., связанное с включением в «цивилизованных странах» широких масс в процессы власти и управления, неизбежно повлекло за собой конкуренцию трех мегаакторов — лидеров, элит, народа. При этом лидеры стремились к построению «вертикальных» режимов харизматичной личной власти с опорой на охлос, элиты были ориентированы на выстраивание многоуровневой системы власти, где они выступали бы, с одной стороны, фильтром решений, спускаемых «сверху», а с другой — буфером между лидером и народом. Сами же народные массы были весьма неустойчивыми и подвижными в своих политических, идеологических и социально-экономических пристрастиях, долгое время позволяя как лидерам, так и элитам манипулировать ими в своей конкурентной большой политической борьбе.

Ситуация существенно изменилась во второй половине XX в. Во-первых, в этот период происходит «перелом» в борьбе лидеров и элит в пользу последних. Поражение в ходе Второй мировой войны харизматических праворадикальных режимов (которые в межвоенный период едва ли не доминировали в Европе) привело к тому, что как в теоретическом, так и практическом отношении были дискредитированы идеи сильной личной власти, «вертикальных» политических режимов, авторитарного «вождизма» и т.д.

Соответственно, апеллируя к ужасам фашизма и нацизма, элиты даже так называемых демократических стран начали кампанию по ограничению персональной власти своих лидеров за счет различного рода «сдержек и противовесов», одновременно укрепляя свои позиции в политике, идеологии, бизнесе, образовании, средствах массовой информации, но прежде всего в государственном аппарате.

Первый этап такого курса по ограничению властных полномочий и влияния лидеров был связан с созданием вокруг них относительно самостоятельной бюрократической среды (советники и помощники, «мозговые центры», консультанты и аналитики и др.), которая за счет использования «мягких» механизмов могла бы «корректировать» и «оптимизировать» решения, принимаемые единолично лидерами государств. В 1950–1980 гг. эта тенденция отмечалась повсеместно.

Второй этап борьбы элит с влиянием лидеров приходится на 1990-е — начало 2000-х гг. Он свя-

зан с переходом к концепции «долевого управления», предполагающей выстраивание власти по типу акционерного общества, где лидер не обладает «контрольным пакетом» (максимум «блокирующим»), а является де-факто «первым среди равных» по отношению к остальным «акционерам».

Наконец, третий этап борьбы элит с лидерами (начинается примерно с 2005–2007 гг.) предполагал уже дискредитацию и выхолащивание самого принципа лидерства и персонального руководства, «карикатуризацию» политиков-харизматиков, выдвижение на лидерские позиции несерьезных, а то и неадекватных персон. В итоге к концу первой четверти XXI столетия элитам в целом удалось нейтрализовать активность и влияние государственных и политических лидеров и захватить стратегическую инициативу.

УСПЕХ ЭЛИТ В БОРЬБЕ С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЛИДЕРАМИ

Во многом успех элит в борьбе с политическими лидерами был обусловлен тем, что им, опять же после Второй мировой войны, удалось «разорвать» прямой контакт между «вождями» и «массами». Произошло это по объективным и субъективным причинам.

Во-первых, вследствие поражения право-харизматических режимов во многих странах наблюдалось разочарование в самом феномене сакрального лидерства и вождизма. Чем больше господствовал в них «фюрер-принцип», тем более серьезным оказалось падение авторитета единой власти (особенно это касалось послевоенной Германии и Италии).

Во-вторых, после Второй мировой войны (и практически тут же начавшейся холодной войны) мир вступил в тотальную конкурентную гонку между сложившимися идеологическими и геополитическими полюсами — системой западной демократии и рыночной экономики, с одной стороны, и системой социалистической с доминированием плановой экономики — с другой. Масштабность данной борьбы, да еще в условиях утверждения четвертого (менеджерского) управленческого уклада, вызвала необходимость выстраивания более сложной и многосоставной системы руководства обществом, где уже практически не было места прямой коммуникации лидера и народа. Именно с этого времени элита утверждается в качестве постоянного «буфера» между главой государства и широкими слоями населения.

В-третьих, во второй половине XX в. меняются мировоззренческие пристрастия обществ развитых стран — идеологический пафос (идеократия) начинает все больше уступать место потребительским настроениям, желанию обустроить свой внутренний быт, стремлению жить в свое удовольствие без аскетизма, подвига и напряжения сил, пусть даже во имя замечательной и светлой идеи.

Такого рода «потребительские» тенденции после смерти И. В. Сталина были сформулированы даже в новой «хрущевской» Программе КПСС 1961 г. В частности, в ней говорилось о том, что «цель социализма — все более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства»¹. Поэтому «большие планы» лидеров вызвали в обществе все меньший энтузиазм, а рациональная позиция элит воспринималась как более адекватная современным реалиям.

Более того, такая трансформация общественных настроений совпала с ростом материального благосостояния в развитых странах мира (в том числе и в странах «народной демократии»), с преодолением нищеты и постепенным перерождением «передового рабочего класса» в «рабочих буржуа» [1].

При этом элиты в своей «антивождистской» кампании получили полную поддержку со стороны зарождавшегося «среднего класса» — зажиточной части гражданского общества, ориентированной не столько на масштабные государственные свершения, сколько на обеспечение собственного достатка и безмятежного существования. К такому можно было отнести следующие страты — мелких и средних предпринимателей (городских и сельских), «рабочую аристократию», интеллигенцию.

Именно эти слои, ориентированные на политическую умеренность (в диапазоне «умеренный консерватизм» — «умеренный либерализм») и социальный конформизм, становятся главной опорой для правящих режимов в развитых странах Запада в 1950–1980 гг. Тогда между элитой и «средним классом» де-факто был заключен общественный контракт — элита обеспечивает своему союзнику режим наибольшего благоприятствования в социальной сфере, тот взамен поддерживает ее как в борьбе с внутренними «ав-

торитарными» тенденциями, так и в противостоянии с «эгалитаристским» коммунизмом на внешнем контуре.

Более того, элита всячески подчеркивала критическую важность «среднего класса» для современного государства, его «демократичность» и «прогрессивность», утверждала, что именно он является своего рода каркасом гражданского общества. Эти постулаты содержатся даже в так называемом «Оксфордском» Либеральном манифесте 1997 г., где указывается следующее: «Мы рассматриваем гражданское общество как состоящее из свободных граждан, живущих в рамках установленного закона, с гарантированными индивидуальными правами, с ограниченными полномочиями правительства и подлежащими демократической подотчетности»².

КОНФЛИКТ ЭЛИТ И СРЕДНЕГО КЛАССА

Однако, нейтрализовав сопротивление лидеров и ликвидировав в ходе холодной войны «коммунистический» СССР, элиты перестали нуждаться в союзниках. Более того, средний класс стал восприниматься ими как чуждый и даже опасный конкурент в новых политических и экономических реалиях. В чем заключалась его враждебность элите?

Во-первых, однородный и консолидированный средний класс являлся трудноуправляемым с политической точки зрения, имел собственную позицию по целому ряду принципиальных вопросов, отличную от позиции элиты, был в значительной мере эгоистичен и являлся авторитетом и «авангардом» для «простых» граждан. Причем в силу высокой степени корпоративной солидарности сломить его сопротивление у элиты не всегда получалось.

Во-вторых, в отличие от либеральной, а затем леволиберальной элиты, ставшей «законодательницей» идеологических мод в 1990-е гг., средний класс был слишком консервативным и традиционалистским и не поддерживал идеи широкой либерализации, толерантности и глобализации. Средний класс, как и раньше, продолжал опираться на такие ценности, как патриотизм, семья, религия, собственность, а моделируемые и спускаемые «сверху» ультрапрогрессивные идеи вроде трансгуманизма, цифровизации, толерантности и пр. им по большей части отвергались.

¹ Программа Коммунистической Партии Советского Союза. Москва; 1961. С. 15.

² Оксфордский манифест 1997 года: Либеральная повестка дня на 21-й век. URL: <https://telegra.ph/Oksfordskij-manifest-1997-goda-Liberalnaya-povestka-dnya-na-21-j-vek-01-21?ysclid=mcagaf1n5k231818773>

В-третьих, средний класс, ощутивший свою значимость в 1950–1980 гг., имел серьезные амбиции и весьма высокую самооценку. Соответственно, он не желал подчиняться диктату элиты и нередко противостоял ей, используя демократические (прежде всего электоральные) возможности современного общества. Также к началу 2000-х гг. средний класс существенно укрепил свое материальное положение, по некоторым параметрам приблизившись к элитным «показателям». В частности, это касается приобретения предметов роскоши, качества отдыха и досуга, творчества, образования и самореализации. Так, например, если в 1990-е гг. во многих развитых странах мира «элитным» критерием считался отдых на Канарских островах, то к началу 2000-х гг. такой отдых стал доступен даже нижней части среднего класса.

В-четвертых, представители среднего класса в своем большинстве являлись людьми образованными и профессиональными, которые в силу этого обстоятельства гораздо менее были восприимчивы к манипуляциям, чем «широкие народные массы». То есть они почти не поддавались агитационно-пропагандистской обработке «сверху». Более того, используя демократические электоральные механизмы, средний класс далеко не всегда поддерживал начинания элит, а зачастую противодействовал им.

КОНФЛИКТ ЭЛИТ С ТРАДИЦИОННЫМ ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Все вышесказанное противоречило как мессианскому настрою элиты, которая считала себя «солью земли» и «путеводной звездой» для общества, так и леволиберальным (неолибертарианским) мировоззренческо-этическим приоритетам истеблишмента. Поэтому уже в начале 2000-х гг. элиты не только «добивают» лидеров, но и начинают войну против традиционного гражданского общества, становящегося препятствием на пути их реформаторских планов.

При этом был задействован широкий арсенал политических, социальных, правовых, информационных и силовых средств. Прежде всего, элитам требовалось «размыть», а потом перестроить наиболее консервативные общественные институты — национальное государство и семью. Причем изначально мотивировка этих реформ была вроде бы безобидной и даже позитивной.

Так, например, европейские национальные государства с относительно однородным, а то и моноэтническим населением, элиты попытались

«разбавить» за счет стимуляции миграционных потоков. Данная стимуляция проходила либо под «морально-нравственным» предлогом (гуманитарная поддержка стран «третьего мира», компенсация бывшим колониям тягот и лишений времен колониальной зависимости, помощь беженцам из «горячих точек» и пр.), либо под предлогом вполне рациональным — гражданам обосновывалась экономическая потребность в новых «рабочих руках», особенно в тех профессиональных средах, которые были непопулярны у коренных жителей.

Последние все меньше стремились носить «синие воротнички», а все больше — «белые», а то и «золотые». Таким образом, шло активное привлечение в ведущие европейские страны (особенно Францию, Германию, Великобританию) мигрантов из Африки и Азии, которые постепенно замещали аборигенов на «трудовых» позициях (промышленность, сельское хозяйство, сфера торговли и услуг).

Кстати, такое развитие событий противоречило самому духу классического капитализма и его этике, сформулированной М. Вебером. Там стремление к «труду» и «наживе» является обязательным и универсальным требованием для каждого «западного человека». Как отмечает современный исследователь В. В. Чешев: «Стремление к получению прибыли является доминирующим в мотивации предпринимательской деятельности при капитализме, но здесь оно оформлено особым образом уже не как индивидуальная устремленность на «наживу», но как принцип, вне которого хозяйственная деятельность становится невозможной» [2]. Соответственно, резко сокращая присутствие в «трудовых» профессиях, коренные европейцы не только «сдавали» их «пришлым», но к тому же фактически шли по пути наименьшего сопротивления, теряя трудовую «хватку».

Дальше миграционная политика руководства (то есть элит) европейских стран стала вовсе противоречить интересам местных гражданских обществ и наиболее активной его части — «среднему классу». Под предлогом политики «толерантности» и защиты прав и свобод человека миграции был придан обвальский характер. Это нашло выражение и в массовой раздаче гражданства приезжим и членам их семей, и в широком предоставлении мигрантам и «новым гражданам» различного рода социальных льгот и бонусов, и в активном включении диаспор в общественно-политическую жизнь.

При этом коренному населению в основном доставались лишь издержки такой сомнительной миграционной политики — рост преступности, создание этнических анклавов, бытовые национальные и расовые конфликты. Более того, постепенно освоившись, «новые европейцы» начали теснить «коренных» жителей уже на «привилегированных» позициях, которые традиционно занимали лишь «местные» — политика, СМИ, искусство и культура, образование, спорт.

А элиты, заинтересованные в «разжижении» традиционного гражданского общества, не только не помогали коренным гражданам отражать такой натиск, но, напротив, подыгрывали «пришлым» за счет принудительного и жесткого продвижения «сверху» принципов «толерантности» и «политкорректности».

КОНФЛИКТ ЭЛИТ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ТРАДИЦИЯМИ СРЕДНЕГО КЛАССА

Второй мишенью элит стала традиционная семья, издавна являвшаяся едва ли не главной опорой европейской стабильности и порядка. Здесь также «слом» традиции происходил постепенно. Сперва была запущена кампания по «феминизации» европейской жизни, что, с одной стороны, привело к перераспределению ролевых функций в семьях, а с другой — к росту конфликтности и разводов. Следующим этапом разрушения семейных устоев стало прямое вмешательство государства (которым де-факто руководили элиты) в дела семьи через институт ювенальной юстиции, которая фактически ограничила влияние родителей на своих детей, поставила под сомнение передачу поколенческого опыта от старших к младшим, минимизировала возможность «независимого» семейного воспитания и образования. Одновременно в общественной практике целенаправленно продвигались иные «антисемейные» и «антитрадиционные» инициативы вроде ЛГБТ³, чайлдфри, моды на смену пола и иные варианты «толерантности».

Одновременно с институтом семьи «сверху» (особенно в Европе) предпринимаются попытки нейтрализовать иные общественные «скрепы», такие как религия, нация, патриотизм. Все эти институты считаются «альтернативными» современному леволиберальному (неолибертарианскому) государству, где элиты доминируют и опреде-

ляют «правила игры». Более того, во всех странах мира Церковь играла роль «морального арбитра» и «социального модератора», при этом в силу гораздо большей религиозности «масс», по сравнению с элитами, имела на «народ» существенное влияние. Такая «альтернативность» религиозных институтов оказалась явно не по нутру в целом «светским» элитам, поэтому в 2000-е гг. в США и ЕС разворачивается кампания, направленная не просто на продвижение принципов секуляризма и светскости в современном обществе, но и на дискредитацию основных религиозных конфессий (прежде всего христианских). Достигалось это и через муссирование в прессе различного рода скандалов, связанных с отдельными священнослужителями, и через «протаскивание» в богословскую теорию и обрядовую практику принципов «политкорректности», которые идут вразрез с основами христианского вероучения, и через категорическое «атеистическое» и «толерантное» воспитание поколения «зуммеров».

Следующим направлением давления элит на «средний класс» в 2000-е гг. стала игра на понижение статуса и жизненного уровня последнего. Во-первых, предпринимаются попытки «размыть» само понятие «среднего класса», разделить его внутри себя на различные сегменты (например, за счет создания так называемого прекариата [3]). Во-вторых, наблюдается стремление элит поставить средний класс на место с точки зрения материальных возможностей. Череда экономических кризисов, конфликтов, революций и войн периода 2000–2025 гг. ударила, прежде всего, по населению, в большинстве случаев резко понизив его жизненный уровень (например, это касается населения Евросоюза, которое существенно пострадало в плане материального благополучия в ходе «субъективных» действий своих элит — от введения против России самоубийственных санкций до резкого повышения военных расходов). При этом сами элиты от таких инициатив практически не пострадали. Так, например, глобальный экономический кризис 2008–2010 гг., который «в теории» должен был привести к массовым банкротствам и разорению многих субъектов крупного бизнеса, так и не закончился финансовой катастрофой. Государственно-политическая элита вопреки жестким законам капитализма («проигравший платит») оказала масштабную чрезвычайную финансово-экономическую поддержку «просевшим» предпринимателям и фактически покрыла их убытки. В итоге «в минусе» оказались

³ Движение, признанное экстремистской организацией, внесено в перечень террористических и экстремистских организаций, чья деятельность запрещена на территории РФ.

только «непривилегированные» граждане, сильно потерявшие в материальном плане по сравнению с «тучными нулевыми»⁴.

Пандемия COVID-19 дала элитам новые рычаги для ограничения возможностей среднего класса. Невзирая на эпидемиологическую ситуацию (которая «сверху» была объявлена катастрофической), представители высшего класса практически не отказывали себе ни в общении, ни в развлечениях, ни в свободе передвижения. В то же время для «низов» были введены жесткий режим «самоизоляции» и «масочная система». Такой разительный социальный контраст еще более подчеркивал разрыв в свободе и возможностях между элитой и остальной частью населения (даже высшим средним классом) [4]. Одновременно пандемия нанесла населению существенный материальный урон, что позволило ряду экспертов даже сделать вывод о том, что COVID убил средний класс⁵.

МЕХАНИЗМЫ ЭЛИТАРНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые элементы управления и контроля. Существенными сдерживающими факторами для элиты первой четверти XXI в. являлись демократические принципы организации политической системы. И хотя в целом ей удавалось за счет различного рода технологий и преимуществ в ресурсах решать проблему количественного доминирования охлоса, тем не менее периодически она встречала сопротивление «снизу» (голосование за популистских кандидатов, поддержка несистемных политических партий и организаций, провал на референдуме выносимых сверху вопросов и др.). В такой девиантной ситуации элитам приходилось идти на чрезвычайные и даже нелегитимные меры (отмена результатов голосования через суд, проведение третьего тура выборов, фальсификация итогов и пр.) [5].

Поэтому в 2000-е гг. в экспертных кругах, близких к элитам разных стран, шло обсуждение, как нейтрализовать деструктивное влияние демократических практик. Предлагались разные варианты — от введения цензовой системы до ло-

тократии (определения выборных должностных лиц путем жеребьевки) [6]. Но в конце концов в условиях цифровизации современных обществ остановились на дистанционном электронном голосовании, которое все чаще применяется при голосовании не только на местном и региональном, но и на национальном уровне (США, Германия, Франция, Швейцария, Индия, Бразилия и др.).

Правовая асимметрия и привилегии элиты. Невзирая на принцип равенства всех перед законом, пользуясь своим доминирующим влиянием, элиты де-факто устанавливают для своих оппонентов (средний класс) гораздо более жесткие правовые рамки, чем для представителей своего сообщества. Как показывает мировая практика, за аналогичные виды преступлений непривилегированный правонарушитель чаще всего получает полноценное наказание, в то время как привилегированный — зачастую минимальное. Это связано с главным принципом современного правосудия: не важно, кто прав или виноват, важно, кто более убедительно представит свою позицию в суде.

Обладая средствами и возможностями, представители истеблишмента мобилизуют в свою поддержку наиболее квалифицированные адвокатские кадры. Кроме того, у них есть все шансы рассчитывать на снисхождение судейского корпуса и прокуроров, поскольку те (особенно на высшем уровне своей иерархии) также относятся к высшему классу общества [7]. Помимо этого, представители элиты, по сравнению с простыми смертными, имеют больше возможностей пользоваться иными видами правовых лазеек (домашний арест, УДО, условное наказание, выход на свободу под залог и пр.).

Поэтому нередко высокопоставленные лица, а также члены их семей уходят от ответственности даже в случае совершения тягчайших преступлений. В качестве примера можно привести дело о педофилии британского экс-премьера Эдварда Хита, аналогичные обвинения фигурантам списка Джеффри Эпштейна или безнаказанную демонстрацию представителями элиты антиобщественной и даже экстремистской позиции (например, зигование Илона Маска на инаугурации Дональда Трампа).

Цифровая трансформация и контроль общества. При этом идеалом для современной элиты является проект абсолютной управляемости обществом. С этой целью идет активное продвижение по ее инициативе в современной иннова-

⁴ Смольякова Т. Сильнее всего кризис бьет по доходам среднего класса и малоимущих. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/12/05/zarplata.html?ysclid=mcvpun4iqi413802394>

⁵ Сажнева Е. Пандемия коронавируса уничтожила средний класс. Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2021/12/21/pandemiya-koronavirusa-unichtozhila-sredniy-klass.html?ysclid=mcvr0bsjwh812776147>

ционной повестке двух масштабных проектов — тотальной цифровизации общественной жизни и так называемого трансгуманизма.

Так, первый проект, при всей его заманчивости и формальном удобстве для граждан, ставит своей конечной целью достичь максимальной прозрачности и управляемости в обществе XXI в., где традиционные права человека (в том числе право на выбор) будут ограничены под благовидным предлогом. Например, полная отмена наличного денежного обращения и переход на цифру чреват не просто снижением процентов по банковским вкладам граждан, но даже их отменой, а возможно, и введением отрицательной процентной ставки за обслуживание счета (такого рода эксперименты уже проводились в Японии и Швейцарии) [8].

То же касается и проблемы введения так называемого социального рейтинга (системы социального кредита) — системы оценки добропорядочности граждан с использованием инструментов массового наблюдения и искусственного интеллекта на предмет соблюдения ими установленных и общепринятых норм (активно тестируется в КНР). С одной стороны, данная система имеет позитивные моменты с точки зрения обеспечения общественной безопасности, с другой стороны — практически любой непривилегированный гражданин (в том числе из среднего класса) фактически попадает под колпак элиты, которая вышеуказанные нормы и определяет [9].

Еще более заманчивой мечтой элит является реализация проекта так называемого трансгуманизма, который предполагает не просто контроль за деятельностью Homo sapiens, но и управление при помощи биологических, информационных, психологических технологий самой системой его воспроизводства, развития и поведения. Такого рода технологии в настоящий момент находятся на уровне активной разработки и пока не достигли этапа масштабной практической реализации, однако они таят в себе почти безграничные воз-

можности для истеблишмента, де-факто нивелируя человеческий фактор в политике и социально-экономической жизни⁶.

ВЫВОДЫ

Таким образом, подводя итоги, необходимо констатировать следующее.

Во-первых, в современном мире, помимо зримой глобальной военно-политической турбулентности, связанной с переходом от «униполярности» к многополярности, стратегической является также борьба за влияние между элитами и средним классом.

Во-вторых, элиты в ходе аппаратной и внутриполитической борьбы во второй половине XX столетия во многих странах мира существенно подорвали позиции политических руководителей, в лучшем случае сохранив за ними определенный «пакет» во властном «акционерном обществе». Причем такая победа элит над лидерами стала возможной во многом в силу альянса с ядром гражданского общества — средним классом.

В-третьих, взяв под контроль лидеров, элиты выступили уже против среднего класса, который в силу своей сплоченности, традиционализма, материальной обеспеченности и высокого уровня образования оказал серьезное противодействие инициированному истеблишментом неолибертарианским реформам. При этом для нейтрализации конкуренции со стороны среднего класса используется целый комплекс технологий.

В-четвертых, борьба между элитами и средним классом еще продолжается, сопровождается тактическими победами и поражениями обеих сторон, однако в целом стратегической инициативой обладает все же топ-класс.

⁶ Thomas A. The science of transhumanism: How technology will lead to a new race of super-intelligent immortal beings (If you can afford it). Daily Mail. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-4747174/Transhumanism-lead-immortality-elite.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гилев Я.Ю. Политическое сознание рабочего класса второй половины XX и начала XXI в.: потенциал и особенности. *Вестник Вятского государственного университета. Философские науки*. 2017;12:24–29. URL: <https://www.elibrary.ru/yummfr>
2. Чешев В.В. Макс Вебер о духе капитализма. *Идеи и идеалы*. 2014;1–2(20):50–57. URL: <https://www.elibrary.ru/smfisix>
3. Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Пер. с англ. Москва; 2014. 328 с.
4. Кошкин Р.П. Проблемы глобализации и постглобальный миропорядок в условиях пандемии коронавируса. *Стратегические приоритеты*. 2020;3–4(27–28):63–79. URL: <https://www.elibrary.ru/qlacab>

5. Аригин А.Н. Правящие элиты стран Запада в условиях выборов и референдумов 2014–2017 гг. *Гражданин. Выборы. Власть*. 2018;1:181–191. URL: <https://www.rcoit.ru/lib/gvv/authors/65183/?ysclid=mcvr6qy8u6884682870>
6. Рейбрук Д.В. Против выборов. Пер. с англ. Москва: «АД Маргинем Пресс»; 2018. 200 с.
7. Кененова И. Трудно ли элитам применить закон к себе? *Сравнительное конституционное обозрение*. 2017;1(116):15–36. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-1-15-36
8. Артеменко Д.А., Бычкова И.И. Отрицательные процентные ставки как один из инструментов денежно-кредитной политики. *Финансы и кредит*. 2020;26(8):1731–1746. URL: https://ecsru.ru/wp-content/uploads/202304_432.pdf. DOI: 10.24891/fc.26.8.1731
9. Амурская М.А., Куликов А.М., Вэнь Ч. Система социального кредита в Китае и ее роль в социально-экономическом развитии страны. *Экономические науки*. 2023;221:432–436. DOI: 10.14451/1.221.432

REFERENCES

1. Gilyov Ya. Yu. Political consciousness of the working class the second half of XX and beginning of XXI century: Potential and features. *Herald of Vyatka State University Is*. 2017;12:24–29. URL: <https://www.elibrary.ru/yummfr> (In Russ.).
2. Cheshev V.V. Max Weber on the sprint of capitalism. *Ideas and Ideals*. 2014;1–2(20):50–57. URL: <https://www.elibrary.ru/smfsix> (In Russ.).
3. Standing G. The Precariat: The new dangerous class. Transl. from Eng. Moscow; 2014. 328 p. (In Russ.).
4. Koshkin R.P. Problems of globalization and the post-global world order in the context of the coronavirus pandemic. *Strategic Priorities*. 2020;3–4(27–28):63–79. URL: <https://www.elibrary.ru/qlacab> (In Russ.).
5. Arinin A.N. Ruling elites of the western countries in the elections and referendums in 2014–2017. *Citizen Elections Authority*. 2018;1:181–191. URL: <https://www.rcoit.ru/lib/gvv/authors/65183/?ysclid=mcvr6qy8u6884682870> (In Russ.).
6. Reybrook D.V. Against elections. Transl. from Eng. Moscow: Ad Marginem; 2018. 200 p. (In Russ.).
7. Kenenova I. Is it difficult for the elites to apply the law to themselves? *Comparative Constitutional Review*. 2017;1(116):15–36. (In Russ.). DOI: 10.21128/1812-7126-2017-1-15-36
8. Artemenko D.A., Bychkova I.I. Negative interest rates as a monetary policy tool. *Finance and Credit*. 2020;26(8):1731–1746. URL: https://ecsru.ru/wp-content/uploads/202304_432.pdf (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.26.8.1731
9. Amurskaya M.A., Kulikov A.M., Wen H. The social credit system in China and its role in the socio-economic development of the country. *Economic sciences*. 2023;221:432–436. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.221.432

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, доцент, заместитель научного руководителя — директор Музея Финансового университета, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Aleksandr B. Shatilov — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Director of the Museum of the Financial University, Prof., Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>
ashatilov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.07.2025; принята к публикации 09.07.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 07.07.2025; accepted for publication 09.07.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-39-46
УДК 355.01 /94(47)/271.2(045)

Антиномия войны и военной службы в контексте христианского вероучения

А.В. Малов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена философскому осмыслению антиномии войны и военной службы в контексте христианского вероучения, выявляющего глубинную противоречивость этих социальных явлений. Особое внимание уделяется аксиологическим, теологическим и этическим аспектам проблемы, включая вопросы морального оправдания войны, различия между агрессией и обороной, справедливой и несправедливой войнами, а также роли военнослужащего в защите Отечества и его духовных ценностей. Подчеркивается, что война, будучи злом, может быть нравственно оправдана в случаях восстановления справедливости, защиты страны, веры и свободы. Однако соблюдение морально-этических стандартов военнослужащими даже в условиях справедливой войны является обязательным условием, так как в противном случае их действия могут привести к усугублению зла. В статье рассматриваются дилеммы, с которыми сталкиваются воины в период боевых действий, включая противоречия между христианскими принципами (например, «не убий» и «возлюби врага») и необходимостью выполнения тактических задач. Отмечается значимость внутреннего приятия духовных и нравственных стандартов современным защитником Отечества, важность сохранения высокого уровня его личной ответственности и приверженности общехристианским моральным идеалам в условиях вооруженных конфликтов. Обосновывается необходимость формирования структурами Министерства обороны РФ образа современного военнослужащего, сочетающего качества мужества, милосердия, готовности к самопожертвованию и духовной чистоты, и организации деятельности воспитательных органов по его реализации. Методологическая основа исследования включает сравнительно-исторический, теологический, аксиологический и герменевтический методы. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего осмысления роли войны в контексте религиозной философии и формирования этических стандартов поведения военнослужащих.

Ключевые слова: воин; справедливая война; военная служба; христианство; православная традиция; духовность; защита Отечества; нравственные ценности; моральный долг

Для цитирования: Малов А.В. Антиномия войны и военной службы в контексте христианского вероучения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):39-46. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-39-46

ORIGINAL PAPER

The Antinomy of War and Military Service in the Context of Christian Doctrine

A.V. Malov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is dedicated to the philosophical comprehension of the antinomy of war and military service within the context of Christian doctrine, revealing the profound contradictions inherent in these social phenomena. Particular attention is paid to the axiological, theological, and ethical aspects of the problem, including questions of the moral justification of war, the distinction between aggression and defense, just and unjust wars, as well as the role of military personnel in defending the homeland and its spiritual values. It is emphasized that war, being an evil, can be morally justified in cases of restoring justice, defending the country, faith, and freedom. However, adherence to moral and ethical standards by military personnel, even during a just war, is a necessary condition, as their actions may otherwise lead to the aggravation of evil. The article discusses the dilemmas faced by soldiers during combat operations, including contradictions between Christian principles (e.g., "thou shalt not kill" and "love thy enemy") and the necessity of fulfilling tactical tasks. The importance of internalizing spiritual and moral standards by modern defenders of the homeland is highlighted, along with the need to maintain a high level of personal responsibility and commitment to universal Christian moral ideals during armed conflicts. The necessity

of forming, through the structures of Russia's Ministry of Defense, the image of a modern soldier who combines qualities of courage, compassion, readiness for self-sacrifice, and spiritual purity is substantiated, as well as organizing educational activities to implement this vision. The methodological foundation of the research includes comparative-historical, theological, axiological, and hermeneutical methods. The results of the study can be used for further reflection on the role of war in the context of religious philosophy and the formation of ethical standards of behavior for military personnel.

Keywords: warrior; just war; military service; Christianity; Orthodox tradition; spirituality; defense of the Fatherland; moral values; moral duty

For citation: Malov A.V. The antinomy of war and military service in the context of Christian doctrine. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):39-46. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-39-46

ВВЕДЕНИЕ

Если будут наступать на меня злодеи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падут. Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться.
(Пс. 26, 2–3).

Анализ противоречивой природы войны и военной службы сквозь призму христианского вероучения представляет собой значимую научную задачу, актуальность которой существенно возрастает в современных геополитических и социокультурных условиях. Это исследование требует комплексного осмысления места военного служения в системе религиозных традиций и морально-этических норм, а также критического переосмысления их роли в контексте сохранения духовно-нравственных основ общества.

В современном мире, где геополитические и социокультурные вызовы становятся все более острыми, вопрос о роли войны и военной службы в контексте христианского вероучения приобретает особую значимость. Противоречивая природа войны как явления, с одной стороны, разрушающего жизни и ценности, а с другой — зачастую выступающего единственным средством защиты справедливости, свободы и духовных основ общества, требует глубокого философского осмысления. Особую сложность представляет дилемма, с которой сталкиваются военнослужащие: как совместить христианские принципы любви к ближнему и неприменения насилия с необходимостью выполнения тактических задач, предполагающих уничтожение противника. В православной традиции эта проблема рассматривается через призму нравственного выбора, где самопожертвование ради защиты Отечества и его духовных ценностей становится актом высшей добродетели. Исследование данной темы позволяет не только лучше понять исторические и теологические корни восприятия войны в христианстве, но и актуализировать роль религиозно-нравственных принципов в формировании образа современного защитника Отечества.

ПРИРОДА ВОЙНЫ В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Основные причины противоречий в понимании войны кроются в области аксиологии, в многообразии субъектов оценки данного явления. Во-первых, как средство кардинального разрешения социального противоречия она не может получить одинаковую оценку противоборствующими сторонами, что особенно ярко проявляется в ходе религиозных войн. Во-вторых, при оценке войны возникает дополнительное противоречие между ее политическим, историческим и общественным, моральным восприятием, а также личным, нравственным. В-третьих, при попытке ее богословского обоснования или оправдания человек так или иначе вторгается в сферу Промысла Божьего, претендуя на его предсказуемость, хотя любая война для любой нации может быть в равной степени и наказанием, и испытанием.

Христианские мыслители традиционно рассматривают войну как негативное по своей форме средство, как зло, обусловленное человеческими грехами. При этом они проводят четкое различие между агрессией и обороной Родины. Именно защита Отечества как содержание войны, позволяющее назвать ее справедливой, оправдывает войну как средство, придает ей положительные моральные и ценностные смыслы.

Августин Блаженный, в частности, утверждает: «Несправедливость противной стороны вынуждает мудрого вести справедливые войны» [1, с. 333]. Согласно взглядам мыслителя, война приобретает легитимный характер как средство самозащиты либо преодоления тирании. Неправедная война, с позиции Августина, ведется из жадности власти и наживы. Для начала справедливой войны необходимо соблюдение ряда условий, включая наличие законного повода, законного правителя и правильного намерения, что подразумевает минимизацию страданий и несправедливости.

Позиция христианских богословов по данному вопросу на протяжении веков принципиально не изменилась. Митрополит Филарет, рассматривая

разницу между захватнической и оборонительной войной, придает последней статус священной: «Война — страшное дело для тех, которые принимают ее без нужды, без правды, с жадью корысти или преобладания, превратившейся в жажду крови. На них лежит тяжкая ответственность за кровь и бедствия своих и чужих. Но война — священное дело для тех, которые принимают ее по необходимости, — в защиту правды, веры, Отечества» [2, с. 281].

Подобную позицию излагал и митрополит Дмитрий Ростовский: «Подымать же друг на друга оружие и вступать в брань не есть дело кротости, но ярости, не мира, но раздора, не незлобия, но мщения, не любви, но вражды, и дело такое, горше которого ничего не может быть в поднебесной. Ибо вражда происходит от диавола, который, по словам Христа, «человекоубийца от начала» (Ин.8:44). Зло есть оружие и война, ибо они являются противоположностью заповеди Бога, говорящего: «Не убий» (Исх.20:13). Бог создал человека для того, чтобы он жил, а война лишает его жизни... Мы же скажем кратко, что война есть зло, хотя бы она была и благословенною, и только разве по необходимости может быть доброю: лучше мир и природная кротость человеческого естества»¹.

Иначе говоря, зачинщик войны всегда совершает грех, ибо обрекает людей на страдания и смерти, а причиной войны всегда служит именно человеческий грех. В свою очередь обороняющаяся сторона совершает благое дело, ибо рискует своей жизнью для защиты Отечества и близких.

Идею восприятия войны как следствие греха и проявление несовершенства мира отстаивал Николай Бердяев. Констатируя противоречивый характер войны, философ писал: «Война есть тьма и свет, ненависть и любовь, животный эгоизм и высшее самопожертвование. Война не может быть только добром или только злом, в ней есть и великое добро, и великое зло.» [3, с. 238]. Еще один представитель русской религиозной философии — Сергей Булгаков отмечал антиномичный пафос войны, которая «есть величайшее бедствие, ... она же есть благо, небесный звон, зовущий к жертвоприношению» [4, с. 141].

Таким образом очевидно, что в православной культуре война всегда понималась как противоречивое по своей сути явление. Агрессия, как чуждая человеку форма взаимодействия и сосуществования, порой может быть наполнена благим нравственным содержанием. Более того, война может выступать единственным способом защиты свободы, а также христианской веры как проявления этой свободы.

Действительно, только духовная эволюция человечества является гарантией его избавления от столь ужасного бедствия, каковым выступает война. Возможно, что война в онтологическом плане выступает значимым стимулом этой эволюции, что рано или поздно она приведет человечество к осознанию того, что единственной абсолютной и непреходящей ценностью является жизнь, наполненная добром, любовью и здравым смыслом.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ВОЙНЫ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В современном христианстве, несмотря на множество внутренних противоречий, наблюдается определенное единство в понимании природы войны и оценке военных конфликтов, восходящее к концепции «справедливой войны» Августина, принципы которой были изложены им в труде «О граде Божьем» [1]. Эти принципы нашли свое отражение как в Катехизисе Католической Церкви [5], так и в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви².

Традиционные для католицизма элементы учения о справедливой войне были сформулированы в статье 2309 ее Катехизиса, принятого в 1992 г.

В ней утверждается, что правительства, исчерпавшие все средства мирного соглашения, получают право на законную оборону, если одновременно:

- ущерб, наносимый агрессором нации или обществу наций, был длительным, тяжелым и бесспорным;
- любые другие возможности положить ему конец оказались нереальными или неэффективными;
- налицо были серьезные возможности успеха;
- применение оружия не привело к большему злу и беспорядку, чем то зло, которое надо было прекратить. Мощностъ современных средств разрушения играет большую роль при решении о том, налицо ли это последнее условие [5, с. 536].

¹ Дмитрий Ростовский (Туптало). Келейный летописец. События в первом столетии третьего тысячелетия. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/8889-%D0%9A%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B5%D1%86.pdf>

² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>

Что касается военной службы, то она рассматривается католицизмом как средство защиты справедливости и достижения общего блага.

О единстве протестантской доктрины в вопросах войны и военной службы говорить невозможно, поскольку протестантизм охватывает широкий спектр теологических воззрений — от радикального пацифизма до более традиционных подходов, допускающих участие в военных действиях.

Многие современные протестантские деноминации принимают принцип справедливой войны, аналогичный католическому [6]. Это особенно характерно для наиболее консервативных протестантских групп, таких как кальвинисты и лютеране. Однако даже в этих церквях есть верующие, которые отказываются от военной службы на основе своих убеждений.

Пацифисты считают, что следование учению Иисуса требует полного отказа от участия в войне и насилии. Среди множества аргументов в защиту данного тезиса особенно актуальны два следующих: возможность ложной оценки войны верующим как справедливой и почти неизбежное на войне нарушение морали и самих границ человеколюбия.

Подобная позиция нашла свое проявление в отношении руководства Российского союза евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ) к проведению специальной военной операции (СВО). После объявления частичной мобилизации им совместно с Европейской баптистской федерацией (ЕБФ) и Всемирным союзом баптистов (ВСБ) 10 октября 2022 г. было подписано «Обращение ВСБ, ЕБФ, РС ЕХБ к Президентам», в котором, помимо гуманитарных инициатив была выражена следующая просьба: «Мы просим, чтобы правительство России, как оно делало на протяжении предыдущих почти ста лет ... освободило баптистов в России от военной службы, как отказывающихся от войны по соображениям совести»³.

Данное обращение, безусловно, не является препятствием для участия рядовых верующих в СВО. Единого мнения среди баптистов о службе в армии и необходимости вооруженной защиты Отечества как не было, так и нет. Неслучайно в годы Великой Отечественной войны многие из них встали на вооруженную борьбу с фашизмом [7].

ДИАЛЕКТИКА ПРАВОСЛАВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ВОЙНЫ И ВОИНСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Принципиальной позицией православия является осуждение несправедливой войны и насилия, стремление к миротворчеству и урегулированию конфликтов посредством диалога.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» говорится: «В нынешней системе международных отношений подчас бывает сложно отличить агрессивную войну от оборонительной. Грань между первой и второй особенно тонка в случаях, когда одно или несколько государств либо мировое сообщество начинают военные действия, мотивируя их необходимостью защиты народа, являющегося жертвой агрессии. В связи с этим вопрос о поддержке или осуждении Церковью военных действий нуждается в отдельном рассмотрении всякий раз, когда таковые начинаются, или появляется опасность их начала»⁴.

В 2024 г. Всемирный русский народный собор (ВРНС) под председательством патриарха Кирилла заявил, что в ходе СВО русский народ с оружием в руках отстаивает свою жизнь, свободу, государственность, цивилизационную, религиозную, национальную и культурную идентичность, а также право жить на собственной земле в границах единого Российского государства.

В своем Наказе ВРНС придает СВО *священный* характер как акту защиты культурно-религиозного пространства от экспансии постмодернистских ценностей западного общества⁵. Это противостояние можно классифицировать как цивилизационный конфликт между отечественной духовной парадигмой, основанной на религиозно-нравственных принципах, и западной, базирующейся на идеалах глобализма и либеральных ценностях.

Характерной особенностью священной войны является, на наш взгляд, ее абсолютная, неприимая природа, не допускающая возможность компромисса, предполагающая «войну до победного конца» и достижение мира только при полном устранении внешней угрозы традиционным духовным ценностям.

Возможность и необходимость непосредственного участия верующих в боевых действиях обоснованы в православии следующим положением «Основ

³ Обращение ВСБ, ЕБФ, РС ЕХБ к Президентам. URL: <https://baptist.org.ru/news/main/view/article/1678863?ysclid=1z7ezozb4q173724591>

⁴ Основы социальной концепции Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>

⁵ Наказ XXV Всемирного русского народного собора «Настоящее и будущее Русского мира». Патриархия.ру. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6116189.html>

социальной концепции»: «Неся людям благу вест примирения (см. Рим. 10, 15), но находясь в «мире сем», который пребывает во зле (см. 1 Ин. 5, 19) и исполнен насилия, христиане невольно сталкиваются с жизненной необходимостью участвовать в различных бранях. Признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством»⁶.

Почитание военной службы в православии носит характер традиции и имеет глубокие исторические корни. Православный богослов Феофан Затворник, в частности, утверждает, что «военный путь самый хороший — чистый, честный, самоотверженный» [8, с. 451]. Еще один представитель святоотеческой традиции Николай Сербский проводит интересную параллель между службой солдата и отношением христианина к земной жизни, утверждая, что смерть: «это окончание школы, сигнал окончания военной службы и призыв к возвращению на родину» [9, с. 116].

Наши дни обозначили серьезные изменения в общественном сознании россиян, на которые патриарх Кирилл обратил внимание депутатов Государственной Думы РФ в выступлении на XI Рождественских Парламентских встречах 26 января 2023 г.: «Ни для кого не секрет, что на фоне частичной мобилизации некоторые наши сограждане покинули Россию. Конечно, вполне понятен страх смерти, который они, вероятно, испытали. Некоторые удивлены массовостью отъезда. Но должно ли это нас удивлять? Ведь среди молодого поколения многие годы насаждались и утверждались импортированные извне ложные ценности, воспринимаемые совершенно некритично.»⁷.

Глава РПЦ делает акцент на присущем многим представителям молодых россиян приоритете личных ценностей и, прежде всего, ценности собственной жизни, над общественными, когда «...ситуация в Отечестве требует от них, как и от всех, здравомыслия и патриотизма»⁸.

⁶ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>

⁷ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на XI Рождественских Парламентских встречах в Государственной Думе. Патриархия.ру. URL: <http://www.patriarchia.ru/article/104166>

⁸ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на XI Рождественских Парламентских встречах в Государственной Думе. Патриархия.ру. URL: <http://www.patriarchia.ru/article/104166>

Действительно, для православной сотериологии всегда имело большое, а возможно, и определяющее значение, евангельское: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13). В православной традиции самопожертвование выступает не просто как добродетель, но как необходимое условие личного спасения, а данная заповедь становится ключевым ориентиром духовной жизни. Представитель патристики, святитель Иоанн Златоуст подчеркивает, что отказ от заботы о других ради собственного спасения обрекает человека на гибель: «Воин, который во время сражения старается только о том, чтобы спасти себя самого бегством, вместе с собою губит и других; напротив, мужественный, сражаясь для защиты других, вместе с другими спасает и самого себя...» [10, с. 613].

Русская философская религиозная мысль, представленная, в частности, идеями Н. А. Бердяева [11, с. 299], также подчеркивает *соборный* характер христианства, где личное спасение невозможно вне контекста всеобщего блага. Православие видит путь к Богу не в изоляции, а через *соборное* единение с Церковью и служение ближним. Самопожертвование здесь становится актом любви, который преображает мир и открывает человеку возможность участия в вечности. Без готовности отдать себя ради других личное спасение теряет свою полноту, смысл и перспективу.

Достаточно сложным представляется вопрос трактовки и соблюдения воином на войне ряда моральных и религиозных заповедей и норм, в частности, «не убий», «не клянись», «не лжесвидетельствуй», «возлюби врага своего» и ряда других. Принципы христианского милосердия и прощения часто сталкиваются с жесткой реальностью военных действий, где необходимо делать чуждый мирному времени, по своей остроте и сложности, нравственный выбор, принимать сложнейшие решения в экстремальных условиях. Подобную угрозу «утраты нравственных ориентиров среди насилия, которое сопровождает любое военное действие, и человеческих страданий» отмечает и патриарх Кирилл⁹.

Христианские ценности помогают принимать эти решения осознанно, так как дают человеку четкие нравственные ориентиры. Они предполагают верность долгу, милосердие к поверженному врагу,

⁹ Патриарх Кирилл: священники помогают бойцам СВО не потерять нравственные ориентиры. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23261059>

ненасилие в отношении безоружных, жертвенность. Именно эти качества личности отличают убийцу от воина, делают поступки последнего нравственными и морально оправданными.

Патриарх Кирилл утверждает: «Церковь неизменно свидетельствует о том, что задача воина-христианина — честно и самоотверженно исполнять свой долг на поле битвы, сохраняя душевное благородство и достоинство. Борьба с врагом для христианина не должна превращаться в ненависть к отдельному человеку»¹⁰.

Тем не менее убийство на войне остается убийством. Неслучайно на заре христианской церкви существовала практика епитимьи в отношении вернувшихся с войны бойцов. На некоторый срок им было запрещено участвовать в основных церковных таинствах. Отметим, что подобная практика, предложенная представителем святоотеческой традиции Василием Великим, носила скорее рекомендательный, чем обязательный характер [12, с. 386; с. 394].

Другой представитель патристики, Афанасий Великий, писал в Послании к монаху Аммуну: «Не позволительно убивать: но убивать врагов на брани (войне) и законно и похвалы достойно» [13, с. 369]. Таким образом он считал убийство на поле боя справедливым и заслуживающим одобрения. Подобное мнение, но уже в XVIII в., поддерживал греческий богослов Никодим Святогорец, оправдывая убийство необходимостью защиты от варваров, которые, захватив власть, не оставят ни благочестия, ни целомудрия, а убивающие на войне сражаются и защищают веру [14, с. 153].

Обозначенное противоречие в оценке оправдания убийства на поле боя на самом деле таковым не является. Убийство на войне однозначно понимается как благое дело, однако оно может поселить в человеческой душе греховные идеи, которые не дадут ему возможности прийти к Богу и унаследовать Царство Небесное. Накладываемая в связи с убийством на войне епитимья, традиционная для раннего христианства, имела одну цель — помочь человеку в осмыслении того факта, что он забрал чужую жизнь, в осознании разницы между убийством из личных мотивов и убийством на благо общества. Миссия епитимьи — духовное очищение человека, благодаря которому его сердце становится смиренным.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги анализа восприятия войны и военной службы в контексте христианского вероучения, можно констатировать наличие его общей оценки войны как явления глубоко противоречивого. С одной стороны, война рассматривается как проявление агрессии — формы взаимодействия, чуждой природе человека и порожденной греховностью мира. С другой стороны, в условиях «справедливой войны» она приобретает нравственное содержание, становясь средством защиты Отечества, свободы, веры и духовных ценностей.

Соблюдение нравственных принципов на войне диктуется не только церковными установками, но и общечеловеческими этическими нормами. Эти принципы помогают сохранить гуманность и человечность в условиях вооруженного противостояния, предотвращая злоупотребления и насилие. Таким образом, успешное выполнение боевых задач требует не только профессиональной подготовки, но и глубокого осмысления моральных аспектов военной службы, вдохновленных христианскими ценностями.

В православной традиции служение русского воина всегда имело религиозный подтекст, связанный с борьбой против духовного зла, что нашло свое воплощение в практике почитания святых воинов. Эти образы символизируют идеал защитника Отечества, сочетающего воинскую доблесть с глубокой верой и моральной чистотой. В их числе — Александр Невский, Дмитрий Донской, Илья Печерский, Андрей Ослябя и многие другие.

Исторические примеры святых воинов демонстрируют, что истинная сила заключается не только в физической мощи, но и в силе духа, преданности вере и готовности отстаивать справедливость. Эти образы продолжают служить источником вдохновения для современных защитников Отечества, напоминая о важности нравственного выбора и личной ответственности за него. Безусловным достоинством христианского вероучения является его способность придать этому выбору осознанный характер, наполнить его смысложизненным содержанием.

Для Министерства обороны РФ использование религиозно-нравственных традиций в воспитании военнослужащих представляет собой мощный инструмент укрепления морально-психологического состояния армии, повышения ее боеспособности и формирования высоких личностных качеств. Это не только способствует сохранению культур-

¹⁰ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на XI Рождественских Парламентских встречах в Государственной Думе. Патриархия.ру. URL: <http://patriarchia.ru/article/104166>

но-духовного наследия России, но и усиливает идеологическую устойчивость военнослужащих, что особенно важно в современных условиях. Обращение к православным ценностям в воспита-

тельной работе может стать одним из ключевых направлений развития системы нравственного воспитания нынешнего и будущих поколений российских военнослужащих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Августин Блаженный. О Граде Божием. Творения: в 4 т. Т. 3: Книги XIV–XXII. Санкт-Петербург: Алетея; Киев: УЦИММ-Пресс; 1998. 584 с.
2. Филарет. Творения. Слова и речи: в 5 т. Т. 5: Москва: Новоспасский монастырь; 2007. 581 с.
3. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Москва: Институт русской цивилизации; 2012. 624 с.
4. Булгаков С. Н. Размышления о войне. *Звезда*. 1993;5:138–162.
5. Катехизис Католической Церкви. Москва: Духовная Библиотека; 2001. 814 с.
6. Cahill Lisa Sowle. Love Your Enemies: Discipleship, Pacifism, and Just War Theory. Minneapolis: Fortress Press; 1994. 252 p.
7. Всесоюзное совещание евангельских христиан и баптистов в Москве с 26 по 29 октября 1944 г.: записи заседаний. *Братский вестник*. 1945;1:15–16.
8. Душеполезные поучения святителя Феофана Затворника. Козельск: Издание Введенской Оптиной Пустыни; 1998. 511 с.
9. Николай Сербский. Миссионерские письма о духовной жизни. Москва: Свято-Троицкая Сергиева лавра; 2003. 464 с.
10. Толкование на святого Матфея евангелиста, LIX, 5. Творения Святого Отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского: в 12 т. Т. 7. Кн. 2. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии; 1901.
11. Бердяев Н. Русская идея. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2008. 318 с.
12. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского: в 2 т. Т. 2. Москва: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры; 1996. 643 с.
13. Афанасий Великий. Послание к монаху Аммуну. Творения: в 4 т. Т. 3. Москва: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря; 1994.
14. Никодим Святогорец. Пидалион: правила Православной Церкви с толкованиями: в 4 т. Т. 4. Екатеринбург: Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь, 2019. 524 с.

REFERENCES

1. Augustine the Blessed. About the City of God. Works: in 4 vol. Vol. 3: Books XIV–XXII. St. Petersburg: Aletheia; Kyiv: UTSIMM-Press; 1998. 584 p. (In Russ.).
2. Philaret. Works. Words and Speeches: in 5 vol. Vol. 5: Moscow: Novospassky Monastery; 2007. 581 p. (In Russ.).
3. Berdyaev N. A. Philosophy of Inequality. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2012. 624 p. (In Russ.).
4. Bulgakov S. N. Reflections on the War. *Zvezda*. 1993;(5):138–162. (In Russ.).
5. Catechism of the Catholic Church. Moscow: Dukhovnaya Biblioteka; 2001. 814 p. (In Russ.).
6. Cahill Lisa Sowle. Love Your Enemies: Discipleship, Pacifism, and Just War Theory. Minneapolis: Fortress Press; 1994. 252 p.
7. All-Union Conference of Evangelical Christians and Baptists in Moscow from October 26 to 29, 1944 (Recordings of the meetings). *Bratsky Vestnik*. 1945;1:15–16. (In Russ.).
8. Soul-profitings teachings of St. Theophan the Recluse. Kozelsk: Publication of the Vvedenskaya Optina Hermitage; 1998. 511 p. (In Russ.).
9. Nikolai Serbskii. Missionary letters on spiritual life. Moscow: Holy Trinity Lavra of St. Sergius; 2003. 464 p. (In Russ.).
10. John Chrysostom. Interpretation of St. Matthew the Evangelist, LIX, 5. Works of our holy father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople: in 12 volumes. Vol. 7. Book 2. St. Petersburg: Izd. Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii; 1901. (In Russ.).
11. Berdyaev N. Russian idea. St. Petersburg: Azbuka-klassika; 2008. 318 p. (In Russ.).
12. Nicodemus (Milash). Rules of the Orthodox Church with interpretations: in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Izd. Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry; 1996. 643 p. (In Russ.).

13. Athanasius the Great. Epistle to the monk Ammun. In: Athanasius the Great. Works: in 4 vol. Vol. 3. Moscow: Izd. Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1994. (In Russ.).
14. Nicodemus of the Holy Mountain, Pedalion: Rules of the Orthodox Church with interpretations: in 4 volumes. Vol. 4. Yekaterinburg: Alexander Nevsky Novo-Tikhvinsky Convent; 2019. 524 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алексей Викторович Малов — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Alexey V. Malov — Cand. Sci. (Phil.), Assoc. Prof., Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-7271-0333>
AVMalov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.03.2025; принята к публикации 09.07.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 01.03.2025; accepted for publication 09.07.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-47-54
УДК 101.1:572 (045)

Биосоциальная сущность человека с позиций эволюционной антропологии

Г.Э. Ирицян

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Новороссийский филиал, Новороссийск, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье представлен биологический подход к проблеме сущности человека и общества. В фокусе внимания оказывается противоречие между гуманитарными концепциями человека и биологическим подходом к данному вопросу. Гуманитарные концепции в рамках культурологии, философии, экономики и других наук представляют человека как существо сугубо культурное и рациональное. Игнорируются или прямо отрицаются эволюционные, биологические корни человека. Слова Декарта «Мыслю, следовательно, существую» являются лучшей иллюстрацией определения природы человека с точки зрения гуманистов. Но исследования в области этологии, социобиологии и генетики за последние 70-80 лет вынуждают не соглашаться с гуманитарными подходами. Выводы биологов позволяют предположить, что биологическая, эволюционная природа человека продолжает оставаться основой, от которой зависит как индивидуальное поведение, так и масштабные социальные процессы. Сущность человека предопределена его эволюционной историей, которая по сути своей есть процесс стохастический и не запрограммированный заранее. Биологический, эволюционный детерминизм можно считать релевантной теорией, объясняющей и социальные процессы. С позиций современной эволюционной антропологии человек есть биосоциальное существо, которое остается в большой степени зависимым от своей природной, естественной сущности. Необходимо признать серьезную противоречивость человеческой природы, так как разум не доминирует в жизни ни индивида, ни общества в целом. В этой противоречивости и видятся причины тех вызовов, с которыми сталкивается современное человечество. Речь идет и о глобальных проблемах, таких как всеобщая милитаризация, тяготение к решению конфликтов силовыми методами, голод и массовые болезни, расслоение общества, загрязнение окружающей среды, и многом другом.

Ключевые слова: человек; общество; эволюционная антропология; генетика, инстинкты и рефлексy; культура; глобальная экология; биологическая обусловленность социальных процессов; биосоциальная сущность человека

Для цитирования: Ирицян Г.Э. Биосоциальная сущность человека с позиций эволюционной антропологии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):47-54. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-47-54

ORIGINAL PAPER

The Biosocial Essence of Man from the Standpoint of Evolutionary Anthropology

G.E. Iritsyan

Financial University under the Government of the Russian Federation, Novorossiysk Branch, Novorossiysk, Russian Federation

ABSTRACT

The article presents a biological approach to the problem of the essence of man and society. The focus is on the contradiction between human's humanitarian concepts and the biological approach to this issue. Humanitarian concepts within the framework of cultural studies, philosophy, economics and other sciences represent a person as a purely cultural and rational being. The evolutionary, biological roots of man are ignored or directly denied. Descartes' words "I think, therefore I exist" are the best illustration of the definition of human nature from the point of view of humanitarians. But research in the field of ethology, sociobiology and genetics over the past 70-80 years has forced us to disagree with humanitarian approaches. The biologists' conclusions suggest that the biological, evolutionary nature of man continues to be the basis on which both individual behavior and large-scale social processes depend. The essence of man is predetermined by his evolutionary history, which is essentially a stochastic process and not programmed in advance. Biological and evolutionary determinism can be considered a relevant theory explaining social processes. From the point of view of modern evolutionary anthropology, man is a biosocial being who remains heavily dependent on his natural

self. It is necessary to recognize the serious inconsistency of human nature, since reason does not dominate the life of either an individual or society as a whole. This inconsistency is seen as the reason for the challenges faced by modern humanity. We are also talking about global issues such as general militarization, the tendency to resolve conflicts by force, hunger and mass diseases, stratification of society, environmental pollution, and much more.

Keywords: human; society; evolutionary anthropology; genetics, instincts and reflexes; culture; global ecology; biological conditioning of social processes; biosocial essence of man

For citation: Iritsyan G.E. The biosocial essence of man from the standpoint of evolutionary anthropology. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):47-54. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-47-54

ВВЕДЕНИЕ

Рационалистическая традиция, возникшая в Новое время¹, игнорировала природную, естественную сущность человека. Мыслители пришли к выводу, что человечество на определенном этапе своего существования приобрело новое качество, отличное от первобытного состояния. Это новое качество сосуществования людей определили как социум и предположили, что в данной уникальной сфере существуют свои особые, совершенно не похожие на биологические социальные законы. Человек стараниями ряда авторитетных мыслителей² возведен в статус венца природы, объявлен надприродным существом, а общество определялось как явление из ряда вон выходящее по сравнению с сообществами животных.

Такой подход к сущности человека и общества в определенной степени повторял идеи религиозные, но уже с привлечением научной риторики и аргументации. Это особенно ярко выражается в философии Гегеля. «Гегель продолжит считать сущностью человека Абсолют, сохранит понимание единородности Бога и человека. ...Человек — это Бог, принявший земное бытие и конечную форму» [1, с. 53–54].

Сформировавшийся разум человека, а также язык и культура вселили уверенность, что он полностью и бесповоротно вышел из состояния «животности». Произошла, по сути дела, абсолютизация рациональной и социокультурной составляющих в сущности человека. Природная, биологическая, бессознательная основа в достаточной степени игнорировалась как якобы не влияющая на поведение людей, а значит, и на социальные отношения и процессы.

Исходя из этого, объектом исследования является сложившаяся на данный момент естественнонаучная «картина» сущности человека. Предмет исследования — доминирование биологических, эволюционных основ в комплексе биосоциальности

человека. Цель работы — анализ научных подходов к вопросу о соотношении биологического и социального в сущности *homo sapiens*.

Представляется, что между эволюционной антропологией, как одной из естественных наук, и социально-гуманитарными дисциплинами существует определенное недопонимание, касающееся проблемы генезиса, сущности человека и человеческого общества. Философия и другие социо-гуманитарные науки идут своим путем в деле осмысления сущности человека и общества, а антропология — своим, не похожим на путь гуманитариев. Налицо противоречие в вопросах антропологии между естественнонаучным подходом и гуманитарным. Данное обстоятельство связано с тем, что биологические дисциплины за последнюю сотню лет вступили в область, считающуюся гуманитариями своей. Антропологи взялись со своих позиций объяснять закономерности не только генезиса человека, его поведения, но и современного состояния и перспектив дальнейшего существования человека как явления глобального масштаба. Гуманитарии с преувеличением влияния биологической стороны на поведение человека чаще всего не согласны и продолжают оставаться на своих особых философских, экономических, культурологических и т.д. позициях. Они критикуют этологов и социобиологов как за «очеловечивание животных», так и за «зоологизацию людей» [2, с. 123]. Считают, что «...невозможен редукционизм в форме сведения человека к животным; возможно отрицание человека» [2, с. 129].

Суть всего обозначенного можно свести к следующему вопросу: является ли человек феноменом социобиологическим или же биосоциальным? Другими словами, гуманитарии не отрицают биологические основы человека, а биологи — социокультурные. Вопрос заключается в том, что из этих двух частей, составляющих сущность человека, играет ведущую роль, каково взаимодействие и взаимоотношение этих начал. Каждая сторона, соответственно, «тянет одеяло на себя», отдавая пальму первенства только своей точке зрения, пренебрегая либо принижая научную значимость противопо-

¹ Новое время — период всемирной истории, охватывающий примерно 1500–1900 гг. н.э. Точка завершения эпохи Нового времени — 1914 г., начало Первой мировой войны.

² Например, И. Кант, Г. Гегель и др.

ложной. Нам представляется, что данная задача еще далека от своего удовлетворительного решения.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

С позиций современной биологии человек есть существо природное, сформировавшееся в результате долгого и сложного процесса эволюции. Этот процесс затрагивает все живое на планете Земля и за ее пределами. В свою очередь, эволюция биологических видов в значительной мере зависит от окружающей среды, к которой относят космические, геологические, географические, экологические и другие факторы, то есть живая природа окружена и живет в среде неживой и наоборот. Хорошо известно также, что часто живая природа изменяет окружающую неорганическую среду, — этим как раз и занимается современная наука экология.

Биологический подход к сущности человека берет свое начало в XIX в. с работ эволюционистов, затем, дополняясь и обогащаясь данными генетики и экологии, вырабатывает свою версию генезиса человека. Формируется научная картина, которая, конечно, требует дальнейших уточнений, но сама основная парадигма вполне ясна как для антропологов и биологов вообще, так и для тех гуманитариев, которые в состоянии и желают прислушаться к выводам эволюционной биологии, антропологии и генетики в отношении человека.

В естествознании под эволюцией подразумевают, прежде всего, процесс видообразования. Утверждается, что в течении естественной истории происходило возникновение и развитие (усложнение) видов. Одни виды возникали, другие исчезали, многие исчезают прямо на наших глазах, в том числе по причине влияния человечества на окружающую среду. Известно, что есть виды старые, то есть очень древние, а есть и относительно молодые. К последним, достаточно молодым видам относят и человека, возраст которого исчисляется всего лишь двумя сотнями тысяч лет, хотя сам процесс антропогенеза растянулся на 1,5–2 млн лет [3]. Наш вид, с точки зрения современной биологии, относится к царству животных, типу хордовых, классу млекопитающих, подклассу плацентарных, отряду приматов, семейству гоминид, роду *homo* (человек), виду *sapiens* (разумный), подвиду *Homo sapiens sapiens*.

С точки зрения эволюционной антропологии человек есть существо далекое от совершенства. Идеальными не являются ни тело, ни разум человека. Это не удивительно, ведь с точки зрения современных научных представлений эволюция

того или иного вида есть вариант случайности, то есть тихогенез³ — эволюция на основе случайностей. В космологии существует так называемый «антропный принцип», из сути которого становится ясно, как такой сложный и гармоничный мир, наблюдаемый нами, мог сформироваться случайно. Это мир, в котором эволюционирует живая природа. В данном отношении никакой телеологии не требуется, так как современное естествознание считает гипотезу сверхприродного, разумного начала избыточной для толкования бытия, биология в этом отношении не составляет исключения [4].

Разум человека есть результат эволюции, а эволюция — это естественная статистика, представляющая собой вереницу проб и ошибок. Над природными процессами, точнее, за их пределами нет никакого создателя и режиссера. Проблему случайности в эволюции всего живого замечательно анализирует биолог Евгений Кунин [5]. Одна из извилистых дорожек в развитии природы привела к современному человеку, но существуют сотни тысяч и миллионы путей, приводящих к другим современным или ископаемым видам, каждый из которых по-своему неповторим и значим для природы, если можно так выразиться. Как писал основатель социобиологии Эдвард Уилсон: «Если человеческое поведение может быть в большей или меньшей степени сведено к законам биологии, то человечество становится неуникальным и в определенной степени дегуманизируется» [6].

Сейчас человечество находится в стадии активного культурогенеза, важнейшим этапом которого можно считать возникновение письменности и обретение теоретических знаний в рамках философии, естественных и точных наук. Эта последняя культурная стадия эволюции человека, длящаяся всего около 5–6 тыс. лет, представляет собой мгновение на шкале эволюционной летописи. За этот малый отрезок времени люди многого достигли и многое стали понимать — этому способствовали религия, философия и, в последние 300 лет, наука. Успешность нашего вида, с точки зрения эволюционного учения, не подлежит сомнению, численность человечества постоянно растет, а вместе с количеством людей улучшается и качество жизни, по крайней мере, в среднем.

Такое довольно благоприятное положение дел среди гуманитариев породило антропоцентризм. В рамках антропоцентризма человек представляется как венец развития всего живого, то есть

³ Тихогенез (от греч. *týche* — случай).

эволюции природы, а все процессы и тенденции на Земле и в Космосе рассматриваются с точки зрения доминирования человека над прочими созданиями. Антропоцентризм уходит своими корнями в Эпоху Возрождения, когда человек мыслителями гуманистами того времени был «перемещен» из периферии мироздания в его центр, а среди важнейших способностей человека стали выделять творческие.

Представители же современной биологии уверены в том, что антропоцентризм не соответствует действительности. Только в том случае, если мы откажемся от взгляда на человека как на существо, фундаментально отличающееся от других животных и противостоящее им, мы сможем еще ближе подойти к пониманию его сущности. Как считает отечественный генетик Н.А. Курчанов, «проблема гуманитариев состоит в том, что они не имеют четких представлений о принципах эволюции и законах генетики» [7, с. 41].

Сегодня общепринято считать, что мы вступили в новую эпоху. Во-первых, ее называют постиндустриальной, во-вторых, ее определяют как информационную, в-третьих, ее считают эрой углеродов, дающих большую часть используемой человечеством энергии, есть еще и постмодернистская интерпретация современности [8]. Все эти дефиниции по-своему верны и отражают ту или иную важную сторону социальной действительности. Культурная эволюция человека зашла достаточно далеко и возможности как общества в целом, так и отдельного индивида заметно возросли по сравнению с доиндустриальными временами.

С другой стороны, невозможно утверждать, что каждый отдельный человек представляет собой полностью или хотя бы большей частью разумное существо, которое подобно абстрактному человеку Канта или Гегеля совершало бы только целесообразные, гуманные и оправданные действия. Также следует констатировать тот факт, что все человечество не представляет собой некую разумную общность, целостность, способную на спланированные и согласованные действия. Достаточно обратить внимание на весь перечень глобальных проблем, влекущих современный социум в системный кризис.

СООТНОШЕНИЕ ОСОЗНАННОГО И НЕОСОЗНАННОГО В ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Согласно данным современной биологии люди на протяжении всей своей жизни не только рефлексируют и действуют осознанно, но и существуют вне контроля сознания под сильным воздействием

рефлексов и иррациональных побуждений [9]. Это может означать, что люди чувствуют, воспринимают образы, испытывают эмоции, находятся в состоянии сна, алкогольного и наркотического опьянения и т.д. Это с одной стороны, а с другой, человек, как и прочие высокоразвитые млекопитающие, подвержен сильнейшему влиянию как минимум условных и безусловных рефлексов, витальных потребностей, без которых его существование невозможно. Все эти рефлексы, бессознательные и неконтролируемые состояния прямо или косвенно влияют на поведение и сознательные решения индивидов.

Возможно, что ответ, полученный в результате анализа биологических концепций, покажется не совсем гуманным и отрицающим первостепенную важность человеческого «рацио». Но необходимо непредвзято посмотреть на самих себя со стороны, в данном случае со стороны биологической или, как часто определяют, биологизаторской концепции человека и его поведения. Как, например, это сделал известный нидерландский приматолог Франс де Вааль, который писал: «Особое место человечества в мироздании — это место претензий, от которых пришлось отказаться, и постоянно меняющихся определений того, что значит быть человеком» [7, 11].

Флагманами биологизаторского подхода к сущности человека и его поведения являются социобиология и этология. Эти науки сформировались во второй половине XX в. и дали новую и достаточно богатую пищу для размышлений над проблемой эволюционных, природных основ поведения человека. Как справедливо считает С.А. Никольский, признание биологических основ социальности человека, эволюционировавшей в живом по мере его прогрессивного развития (а не возникшей без естественной предыстории лишь на стадии антропосоциогенеза), — важный мировоззренческий элемент позиции социобиологов⁴.

С точки зрения этих научных направлений человек сам по себе не представляет чего-то особенного, выделяющегося из мира животных. На человеческое общество воздействуют те же природные факторы, что и на другие виды. Разум человека всего лишь эффективный инструмент, выполняющий те же функции, что у слонов их вес, размеры, бивни и хобот, у кротов передние лапы и так далее, то есть функции, позволяющие человеку как виду преуспевать среди других видов животных на планете

⁴ Никольский С.А. Социобиология — биосоциология человека? URL: <https://ethology.ru/library/?id=166>

Земля. На данном этапе эволюционная биология определяет, что разум, посредством которого *homo sapiens* выживает и господствует, сформировался в результате сложной и случайной эволюции, путем мутаций и приспособлений к постоянно трансформирующейся окружающей среде на протяжении последних 2 млн лет [10, 11].

Надо заметить, что еще до появления этологии встречались подходы, схожие с рассматриваемыми по духу и по смыслу. Вот что писал, например, еще в начале XX в. немецкий зоолог Генрих-Эрнст Циглер (1858–1925) в работе «Душевный мир животных»: «В особенности происхождение инстинктивных влечений и страстей человека следует искать в истории развития зоологических предков человека. У многих млекопитающих можно наблюдать боязливость и страх, гнев и ненависть, зависть и ревность, симпатию и влечение, любопытство и задор, инстинкты семейные и общественные. Поэтому характерным собственно для человека оказывается не самая наличность у него этих душевных состояний, а та относительная степень развития, какой они у него достигают» [12, с. 45].

По поводу восприятия данных этологии и социобиологии в широкой научной среде мы согласимся с мнением отечественного исследователя И.Г. Лаверычевой. Она утверждает, что современная социобиология, изучающая объективные закономерности нравственного и социально-культурного развития человека, достаточно убедительна. Она открывает новые перспективные направления для научных исследований, и интерес к ее концепциям у специалистов не только естественнонаучного, но и гуманитарного профиля — философов, психологов и социологов — сегодня неуклонно растет [13, с. 339].

В результате анализа научной литературы⁵ [14–17] выясняется, что с точки зрения биологической науки человеческим поведением управляет в достаточно большей мере неосознаваемая индивидом часть его природы в виде рефлексов и, может быть, инстинктов при непосредственном участии нейрогуморальной системы [18]. По всей видимости, сознательная часть нашего существа имеет адаптивное, относительно важное, но не первостепенное значение в процессе жизнедеятельности. Большинство наших функциональных способностей действует в автоматическом режиме, эти системы отрабатывались и настраивались

в процессе нескольких миллионов лет эволюции. В то же время человек не представляет собой завершённый вид, так как целый ряд фундаментальных биологических потребностей, оставшихся в нашей природе и продолжающих функционировать, часто входят в противоречие с изменившимися условиями существования. К таковым этологи и социобиологи относят агрессию, стремление к выяснению иерархии, борьбе за власть и удержание власти. Кроме того, считается, что природную, эволюционную основу имеют такие, казалось бы, сугубо человеческие склонности, как альтруизм и эгоизм. Они также возникли в процессе развития как полезные коллективные адаптации, способствующие выживанию вида. Отсюда вытекает и биологическая трактовка проблемы свободы воли у человека: согласно этому подходу реальной свободы воли не существует [19]. Логично предположить, что индивиды не способны полностью и осознанно контролировать процессы своей жизнедеятельности. Это касается как внутренних функций организма, так и внешних действий и поступков. Свобода воли ограничена слишком большим кругом факторов как биологических, так и социально-исторических [20].

ВЫВОДЫ

Природа человека бинарная; она включает в себя и биологическую основу, и социокультурную, развившуюся на поздних этапах эволюции. Если убрать любую из двух частей, то смысл и сущность человека теряется. На вопрос, что из этого тандема является ведущим, а что ведомым, в биологии дается однозначный ответ — природная, генетическая основа, в которой заложены, по сути, все основные признаки и особенности нашего вида.

В рамках современного естествознания делается предположение о том, что эволюционная, генетически обусловленная природа человека является тем детерминантом, от которого зависит как его индивидуальное поведение, так и масштабные социальные процессы. В результате вполне можно говорить о биологическом детерминизме. В таком случае социальную сферу и процессы можно рассматривать как часть биологической, природной действительности. И это возможно по причине того, что принципы взаимодействия нашего вида с окружающей средой сходны с принципами взаимодействия других, схожих с нами по определенным параметрам видов [21].

Даже если на определенном уровне человечеству удастся уходить от воздействий каких-то природных закономерностей, то на более высоких уров-

⁵ Уилсон Э. Социобиология: новый синтез. Гл. 26. URL: <http://ethology.ru/library/?id=126>

нях, в более длительных временных и масштабных пространственных измерениях оно неизбежно столкнется с ограничениями, связанными с естественной, эволюционной сущностью человека.

Для объяснения многих противоречий, связанных с человеком и обществом, есть смысл принимать во внимание степень несовершенства вида *homo sapiens*. В каждой личности существует множество противоречивых тенденций — все это отражается и на общественных процессах в целом. Зачастую данное обстоятельство не учитывается не только политическими, правовыми и экономическими центрами, но и многими гуманитарными научными направлениями и школами. Представляется, что для лучшего понимания и осмысления сложных социальных процессов вполне допустим своего рода биологический редукционизм. Большинство теорий, объясняющих сущность и поведение человека и общества, сводимы к природным и инстинктивным основам, то есть к биологическому базису. Речь здесь может идти об экономическом, географическом и демографическом детерминизме.

Среднестатистический индивид находится в плену своей противоречивой биосоциальной природы, когда рефлекс и природные потребности еще работают, а разум не в состоянии контролировать те из них, которые толкают к деструктивному и антисоциальному поведению. Поэтому человек — существо полное недостатков и, по-ви-

димому, в этом кроется одна из причин многих бед, усложняющих социальную жизнь. На взгляд биологов, человек остается природным, естественным, биосоциальным. Как показывает проведенный анализ данных биологии и экологии, современное человеческое общество в полной мере не избавилось от воздействия на него природных, экологических законов и принципов [22, с. 129–163]. За последние полстолетия стал общепризнанным целый ряд глобальных проблем, вызванных в том числе и активной жизнедеятельностью людей на планете Земля. Становится ясным, что человеческое сообщество подпадает под влияние закона, согласно которому существует предел воздействия определенных организмов на среду обитания⁶. Человечество как сообщество биологических организмов вплотную подошло к подобному пределу. Время бесконтрольного, экстенсивного развития, характерного хищническим и потребительским отношением к окружающей среде, подошло к концу, настал момент (а может быть, уже и прошел) серьезного пересмотра всей системы взаимоотношений человека и природы⁷.

⁶ Миркин Б.М., Наумова Л.Г. Краткий курс общей экологии. Часть I: Экология видов и популяций: Учебник. Уфа: Изд-во БГПУ; 2011. 206 с.

⁷ Московкин В.М. Доклад «Римского клуба». URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/21969/1/Moskovkin_Doklad_Rimskogo_kluba.pdf

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александров А.А. Проблема человека в философии Гегеля. *Известия УрГУ*. 2005;34:49–55. URL: <https://elibrary.ru/kgcqqrn>
2. Тен В.В. Биология и философия. Почему биологи отрекаются от естественнонаучных подходов? *Свободная мысль*. 2020;1(1679):121–130. URL: <https://elibrary.ru/pgannj>
3. Дробышевский С.В. Достающее звено. Кн. 2. Люди. Москва: АСТ, Corpus; 2017. 592 с.
4. Рубаков В.А., Штерн Б.Е. Антропный принцип: «постулировать нельзя объяснить?» *Земля и Вселенная*. 2020;1:27–35. DOI: 10.7868/S 004439482001003X
5. Кунин Е.В. Логика случая: О природе и происхождении биологической эволюции. Пер. с англ. Москва: Центрполиграф; 2014. 528 с.
6. Уилсон Э. О природе человека. Пер. с англ. Москва: Изд-во Кучково поле; 2015. 352 с.
7. Курчанов Н.А. Поведение: эволюционный подход. Санкт-Петербург: СпецЛит; 2012. 232 с.
8. Ирицян Г.Э. Конец постмодерна или его кризис? *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2016;4:63–66. URL: <https://elibrary.ru/wyorkr>
9. Франц де Вааль. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. Москва: Изд. дом «Высшая школа экономики»; 2016. 272 с.
10. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. Санкт-Петербург: Че-Ро-на-Неве: Паритет; 2003. 320 с.
11. Воронцов Н.Н. Эволюция, видообразование, система органического мира: Избр. труды. Москва: Наука; 2005. 365с.
12. Циглер Г.Э. Душевный мир животных. Москва: Ленинград: Земля и фабрика; 1925. 59 с.

13. Лаверычева И.Г. Альтруизм и эгоизм с естественнонаучной точки зрения. *Биосфера*. 2016;8(3): 338–361. URL: <https://elibrary.ru/wzisdх>
14. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Пер. с нем. Москва: Республика; 1998. 393 с.
15. Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). Москва: «Современные тетради»; 2003. 776 с.
16. Holden C. Genetics of Personality. *Science*. 1987;237:242–244. URL: <https://eric.ed.gov/?id=EJ358451>
17. Горелова Т.Н. Биологический подход к тайне морали (в порядке дискуссии). *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки*. 2009;1(1):71–86. URL: <https://elibrary.ru/mideyd>
18. Жуков Д.А. Биология поведения: гуморальные механизмы. Санкт-Петербург: Речь; 2007. 443 с.
19. Алишев Б.С. Мозг, сознание и свобода воли. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2012;154(6):211–223. URL: <https://elibrary.ru/puuqbr>
20. Свааб Д. Мы — это наш мозг: От матки до Альцгеймера. Пер с нидерл. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха; 2017. 544 с.
21. Гринин Л.Е., Марков, А.В., Коротаев А.В. Макроэволюция в живой природе и в обществе. Москва: Изд-во ЛКИ. 2008; 248 с.
22. Ирицян Г.Э. Человек и общество в свете данных современной биологии. Москва: Изд-во Прометей; 2021. 188 с.

REFERENCES

1. Alexandrov A.A. The problem of man in Hegel's philosophy. *USU News*. 2005;34:49–55. URL: <https://elibrary.ru/kgcqrn> (In Russ.).
2. Ten V. V. Biology and philosophy. Why do biologists reject natural science approaches? *Free thought*. 2020;1(1679):121–130. URL: <https://elibrary.ru/pgannj> (In Russ.).
3. Drobyshevsky S.V. The missing link. Book 2. People. Moscow: AST, Corpus; 2017. 592 p. (In Russ.).
4. Rubakov V.A., Stern B.E. The anthropic principle: "Is it impossible to postulate an explanation?" *The Earth and the Universe*. 2020;1:27–35. (In Russ.). DOI: 10.7868/S 004439482001003X
5. Kunin E. V. Logic of chance: On the nature and origin of biological evolution. Transl. from Eng. Moscow: Tsentrpoligraf; 2014. 528 p. (In Russ.).
6. Wilson E. About human nature. Transl. from Eng. Moscow: Kuchkovo Field Publishing House; 2015. 352 p. (In Russ.).
7. Kurchanov N.A. Behavior: An evolutionary approach. Saint Petersburg: SpecLit; 2012. 232 p. (In Russ.).
8. Iritsyan G.E. The end of postmodernity or its crisis? *Intelligence. Innovation. Investment*. 2016;4:63–66. URL: <https://elibrary.ru/wyorkr> (In Russ.).
9. Franz de Waal. Politics in chimpanzees. Power and sex in primates. Moscow: Publishing house "Higher School of Economics"; 2016. 272 p. (In Russ.).
10. Dolnik V.R. The naughty child of the biosphere. Conversations about human behavior in the company of birds, animals and children. Saint Petersburg: Che-Ro-on-Neva: Parity; 2003. 320 p. (In Russ.).
11. Vorontsov N.N. Evolution, speciation, the system of the organic world: Selected works. Moscow: Nauka; 2005. 365 p. (In Russ.).
12. Ziegler G.E. The spiritual world of animals. Moscow: Leningrad: Zemlya & Fabrika; 1925. 59 p. (In Russ.).
13. Laverycheva I.G. Altruism and egoism from a scientific point of view. *The biosphere*. 2016;8(3):338–361. URL: <https://elibrary.ru/wzisdх> (In Russ.).
14. Lorenz K. The reverse side of the mirror: Transl. from Germ. Moscow: Republika; 1998. 393 p. (In Russ.).
15. Semenov Yu.I. Philosophy of history. (General theory, main problems, ideas and concepts from antiquity to the present day). Moscow: "Modern notebooks"; 2003. 776 p. (In Russ.).
16. Holden C. Genetics of Personality. *Science*. 1987;237:242–244. URL: <https://eric.ed.gov/?id=EJ358451>
17. Gorelova T.N. A biological approach to the mystery of morality (in the order of discussion). *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical sciences*. 2009;1(1):71–86. URL: <https://elibrary.ru/mideyd> (In Russ.).
18. Zhukov D.A. Biology of behavior: Humoral mechanisms. St. Petersburg: Speech; 2007. 443 p. (In Russ.).
19. Alishev B. S. Brain, consciousness and free will. *Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities*. 2012;154(6):211–223. URL: <https://elibrary.ru/puuqbr> (In Russ.).

20. Swaab D. We are our brain: From the uterus to Alzheimer's. Transl. from Neth. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House; 2017. 544 p. (In Russ.).
21. Grinin L.E., Markov, A.V., Korotaev A.V. Macroevolution in wildlife and society. Moscow: LKI Publishing House. 2008; 248 p. (In Russ.).
22. Iritsyan G.E. Man and society in the light of modern biology data. Moscow: Prometheus Publishing House; 2021. 188 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Гурген Эдмундович Ирицян — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры информатики, математики и общегуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Новороссийский филиал, Новороссийск, Российская Федерация

Gurgen E. Iritsyan — Dr. Sci. (Phil.), Assoc. Prof., Prof. of Department “Informatics, Mathematics and General Humanitarian Sciences”, Financial University under the Government of the Russian Federation, Novorossiysk Branch, Novorossiysk, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-4421-1689>

Girits@yandex.ru, geiritsyan@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.09.2024; принята к публикации 09.07.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 01.09.2024; accepted for publication 09.07.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-55-68
УДК 398+81'373.2:811.111+811.521(045)

Отражение концептов ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, РИСКИ в английских и японских паремиях

Ю.А. Филясова, Д.С. Левин

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты сопоставительного анализа внутренней формы паремий английского и японского языков, содержащих концепты ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, РИСКИ. Объектом исследования стали семантические связи, структурные формы и образные структуры паремий, отобранные методом дифференциальной выборки. Актуальность проблематики обусловлена необходимостью изучения аксиологического потенциала паремий в английской и японской лингвокультурах для понимания межкультурных различий в мировосприятии и аттитюдов культурных кодов. В соответствии с полученными данными, концептуальная структура паремий представляет собой, главным образом, контраст и отождествление, реже исключение, инкорпорирование и параллелизм. Дифференциальным признаком английских пословиц является повторение структур в повелительном наклонении с явно выраженным побуждением к действию, в то время как японские пословицы чаще интегрируют противоположные смысловые элементы в единое целое. Образная структура пословиц характеризуется природными метафорами, при этом в английских паремиях дополнительно были отмечены анималистические метафоры. Семантические связи концептов ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, РИСКИ раскрывают принципиальную разницу в подходах к пониманию концептов: в английской лингвокультуре они рассматриваются с точки зрения управления человеком финансовыми, временными ресурсами и неопределенностью, в то время как в японской лингвокультуре больше внимания уделяется воспитанию положительных качеств личности, способствующих притяжению материальных ресурсов и возможностей. Общими семантическими компонентами концепта ВРЕМЯ являются рациональность, осознание невосполнимости, своевременности действий, проактивность. Концепт ДЕНЬГИ рассматривается, с одной стороны, как средство реализации планов, проектов и личностного роста, с другой стороны – как влиятельный ресурс, потенциально связанный с опасностью злоупотребления и неправомерного использования. Интегральный смысловой компонент концепта РИСКИ заключается в комплексном и сознательном отношении к данному явлению, при этом в паремиях английского языка он в большей степени ассоциируется с опасностью, в то время как в японском языке – с преодолением страха и получением ценного опыта.

Ключевые слова: картина мира; концептуальная структура пословицы; семантическое ядро; пословичная метафора; антонимическое сравнение; семантическое отождествление; анималистическая метафора

Для цитирования: Филясова Ю.А., Левин Д.С. Отражение концептов ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, РИСКИ в английских и японских паремиях. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):55-68. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-55-68

ORIGINAL PAPER

TIME, MONEY, RISK Concept Representation in English and Japanese Paroemias

Yu.A. Filyasova, D.S. Levin

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article presents the results of a comparative analysis of the internal form of English and Japanese paroemias containing TIME, MONEY, and RISK concepts. The object of the study is semantic relations, structural forms and figurative structures of the paroemias selected by the differential sampling method. The relevance of the problem is conditioned by the necessity to study the axiological potential of paroemias in the English and Japanese linguocultures with an aim to understand intercultural differences in worldviews and attitudes of cultural codes. The findings show that the conceptual structure of paroemias is mainly contrast and identification, less frequently – exclusion, incorporation, and parallelism. A distinctive feature of the English proverbs is the frequent repetition of structures in the imperative mood with a clearly expressed

inducement to action, while the Japanese proverbs more frequently contain the integration of the opposite semantic elements into a single entity. The figurative structure of the proverbs of both languages is characterised by natural metaphors, with animalistic metaphors additionally noted in the English proverbs. The semantic links of TIME, MONEY, and RISK concepts reveal a fundamental difference in approaches to their understanding: in the English linguoculture they are considered from the point of view of managing financial, time resources and uncertainty, while in the Japanese linguoculture more attention is paid to the cultivation of positive personal qualities that contribute to the attraction of material resources and opportunities. The common semantic components of TIME concept are rationality, awareness of irreplaceability, timeliness of actions, and proactivity. MONEY concept is considered, on the one hand, as a means of implementing plans, projects and achieving personal growth; on the other hand – as an influential resource, potentially associated with the danger of unfair use. The general semantic element of RISK concept consists in a complex and conscious attitude to this phenomenon; meanwhile, in the English paroemias it is more associated with danger, while in the Japanese proverbs it is associated with overcoming fear and gaining valuable experience.

Keywords: worldview; proverbial conceptual structure; semantic core; proverbial metaphor; antonymic comparison; semantic equivalence; animalistic metaphor

For citation: Filyasova Yu.A., Levin D.S. TIME, MONEY, RISK concept representation in English and Japanese paroemias. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):55-68. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-55-68

ВВЕДЕНИЕ

Паремии (греч. *παροιμία* — поговорка, пословица, притча) формируют систему репрезентации знаний и когнитивных структур языка, отражающих «фреймовый принцип мышления, когнитивную способность установления семантических узлов и составления концептуальных схем, обеспечивающих постоянный анализ отношений между элементами когнитивных систем и экстраполяцией значений» [1]. Благодаря своей емкости, авторитетности и метафоричности паремии выполняют воспитательную функцию, передавая опыт и накопленные знания последующим поколениям в лаконичной форме [2]. Изучение паремий может способствовать исследованию ценностей культурного кода [3], тональности восприятия культурного образа народа [4], общественного сознания [5], восприятия качества жизни [6], а также пониманию способов адаптации носителей языка к текущим социальным условиям жизни [7]. Так, например, анализ концепта ПАТРИОТИЗМ с точки зрения когнитивной лингвистики позволил выявить уровень осознанности его языковой презентации [8], в то время как с политической точки зрения — ценности социального равенства и справедливости [9]. В семантической структуре концепта СВОЙ-ЧУЖОЙ определены оценочные и пространственные оппозиции [10]. Образы традиционного фольклора, отражающие особенности культуры и мировоззрения, служат информационными мишенями [11]. Использование паремий в рекламе доказывает их усиливающее информационное воздействие, экспрессивную и оценочную функции [12, 13].

Изучение концептов в диахроническом аспекте обнаружило процессы деаксиологизации языковой картины мира [14], эволюции политико-культурных

явлений [15]. Выявление семантических связей ключевых концептов спорта позволяет выявить особенности семантической структуры и смысловых связей для проведения дальнейших релевантных исследований [16–19]. Лексико-фразеологическая система японского языка, репрезентирующая концепт КИМОНО, позволила обозначить сложную природу данного типа одежды в японской культуре. Элементы кимоно традиционно использовались для демонстрации различных видов поведения его владельцев, включая обозначение социальной принадлежности к определенному социальному классу, привлечение внимания собеседника, отношение к противоположному полу, выражение уровня богатства и благосостояния, степень открытости и готовности к коммуникации [20].

В восточнославянских пословицах ГОЛОД, с одной стороны, рассматривается как следствие лени, пьянства и глупости; с другой стороны, как сила, побуждающая человека к решительным действиям, и воспитательный инструмент. СЫТОСТЬ далеко не всегда является положительным явлением, напротив, в паремиях распространены отрицательные ассоциации с отсутствием эмпатии, жестокосердечностью и скупостью [21]. Фразеологические словосочетания, содержащие компонент ВЕТЕР, выражают целый ряд метафорических значений, связанных с идеями свежести и свободы, условиями жизни, ироничной или критической тональности речи, одобрением, осуждением, положительным или отрицательным результатом деятельности, уверенностью в успехе, пожеланием удачи, изменением взглядов, убеждений, неосмотрительностью, непредсказуемостью, неопределенностью и др. [22].

Компаративные исследования культуры позволяют актуализировать ценностные и смысловые

основания традиционных культур с целью повышения культурологической компетентности студентов и развития межкультурного взаимодействия в современном мире [23]. Так, например, изучение русского и китайского языков способствовало пониманию различий в рациональном и образном мышлении, когнитивных аналогиях и ассоциациях, вертикальной и горизонтальной категоризации [24]. Терминосистемы и процессы смыслообразования формируются, в том числе, под влиянием менталитета народа [25, 26], экспрессивные средства и концептуальные метафоры характеризуются языковыми различиями [27, 28], культурно-познавательные стили обучающихся из разных стран имеют культурно-специфические особенности [29]. Коммуникативные стратегии вежливости различаются в русском и казахском языках [30], восприятие юмора является отражением культурных традиций и социальных норм [31], метафорическая репрезентация языка в сфере экономики раскрывает опыт цветового миропонимания [32]. Семантические связи концептов ЖЕНЩИНА, СЕМЬЯ, ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ раскрывают различия в восприятии в разных лингвокультурах [33–37].

Цель данного исследования — изучение внутренней формы паремий английского и японского языков (далее АЯ и ЯЯ), содержащих концепты ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, РИСКИ. Материалом исследования послужили пословицы АЯ и ЯЯ общим объемом 200 единиц по 100 пословиц каждого языка, отобранные методом дифференциальной выборки и классифицированные с помощью метода семантической категоризации. Метод сопоставительного анализа позволил выявить и сравнить их семантические связи, структурные формы и образные структуры. **Актуальность изучения** пословиц АЯ и ЯЯ определяется их существенным аксиологическим потенциалом и лаконичностью, которые позволяют передавать ценности, опыт и убеждения носителей соответствующих языков и культур для успешного социального взаимодействия в межкультурной коммуникации. **Научная новизна исследования** заключается в попытке выявить особенности восприятия ключевых концептов деловой среды ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, РИСКИ в разных лингвокультурах, необходимых для осуществления успешной профессиональной коммуникации.

Теоретическая ценность изучения пословиц АЯ и ЯЯ состоит в исследовании картины мира и особенностей восприятия действительности, отраженного в фольклоре и закрепленного в форме

кратких автономных единиц смысла, обобщающих коллективный жизненный опыт. **Практическая значимость** исследования заключается в возможности использования полученных результатов при обучении студентов вузов АЯ и ЯЯ для профессиональной коммуникации, наряду с идиоматическими и фразеологическими единицами для формирования коммуникативной и межкультурной компетенций [38, 39]. В контексте реализации программ студенческой мобильности и обучения иностранных студентов необходимо повышение осведомленности об их социальных установках и аттитюдов культурных профилей [40–42].

Концепты ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, РИСКИ были рассмотрены отдельно в паремиях английского и японского языков.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепт ВРЕМЯ в английских паремиях

Время представляет собой ценный ресурс, открывающий возможности для осуществления любой деятельности. В пословицах АЯ отражены концептуальные аспекты времени, его управления, рациональности использования, а также взаимосвязи различных семантических компонентов. Рассмотрим их более подробно.

Ценность и невосполнимость времени представлены в семантическом содержании следующих пословиц: *An ounce of gold will not buy an inch of time* (перевод: *Унция золота не купит и дюйма времени*), *Time and tide wait for no man* (перевод: *Время и прилив никого не ждут*), *He that has time has life* (перевод: *У кого есть время, у того есть жизнь*). Адаптация к течению и ритму времени, рациональное планирование задач, распределение ресурсов — необходимые условия реализации различных аспектов деятельности, поскольку время — это объективная категория, существующая вне зависимости от человеческого общества. По данной причине первая пословица подчеркивает более высокое значение времени над материальными ценностями. Будучи неосязаемым активом, время, тем не менее, может иметь прямую связь с таким ресурсом, как и деньги: *Time is money* (перевод: *Время — деньги*). Время можно использовать для достижения материального благополучия, а его потеря равносильна финансовым потерям, например, при появлении инновационного решения компании используют его как конкурентное преимущество, предлагая товары и услуги, созданные на основе данного инновационного решения, по более высокой цене. После появления аналогов

и копий эти товары и услуги теряют преимущество на рынке, удешевляются и уже не приносят столь высокого дохода.

Использование благоприятных возможностей, как один из аспектов времени, заключено в смысловом потенциале пословиц: *Make hay when the sun shines* (эквивалент: *Запасай сани летом*), *Strike while the iron is hot* (эквивалент: *Куй железо, пока горячо*) и *The early bird catches the worm* (перевод: *Ранняя птичка ловит червяка*). Раннее начало предвещает наличие большего числа возможностей и успешную реализацию планов. Использование подходящего момента, выгодных обстоятельств, решительные и своевременные действия являются благоприятствующей основой для достижения поставленных целей. В деловом контексте ранний выход на новый рынок может обеспечить конкурентное преимущество.

Своевременность выполнения действий, характерная для ответственных и целеустремленных людей, отражена в пословице: *A wise person does at once, what a fool does at last* (перевод: *Мудрый человек делает сразу, а глупый — в последний момент*). Мудрый подход заключается в проактивности и способности распознавания необходимости действий в нужный момент, в отличие от глупой прокрастинации, потери времени и упущенных возможностей. *Don't put off until tomorrow what you can do today* (перевод: *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*) — накопление дел неизбежно приводит к повышению уровня стресса и неэффективности. *Better three hours too soon than a minute too late* (перевод: *Лучше на три часа раньше, чем на минуту позже*) — опоздания исключают подготовительный этап к проведению и участию в мероприятиях, производят отрицательное впечатление на окружающих, подчеркивая их неважность, и оказывают неблагоприятное воздействие на исход запланированных действий.

Временной континуум в пословицах АЯ рассматривается, главным образом, в аспекте настоящего и его очевидного преимущества. Неопределенность будущего, умозрительность планируемых результатов, необоснованная спекулятивность носят коннотативно отрицательный смысл: *Don't count your chickens before they hatch* (эквивалент: *Цыплят по осени считают*), *There is no time like the present* (перевод: *Нет времени лучше, чем настоящее*).

Многогранность категории времени характеризуют такие пословицы как *Good things come to those who wait* (перевод: *Хорошее приходит к тем, кто ждет*) и *Work expands so as to fill the time available* (пе-

ревод: *Работа расширяется, чтобы заполнить свободное время*). В первой пословице имплицитно различие между краткосрочными и долгосрочными целями. Далеко не все действия имеют мгновенный эффект и незамедлительный результат. Под «хорошим» понимается нечто фундаментальное, составляющее основу жизни — то, что формируется в течение длительного времени, например, репутация компании, которая, как правило, оценивается с точки зрения длительной истории, исчисляемой десятилетиями. Вторая пословица по семантике совпадает с законом С.Н. Паркинсона, сформулированным в 1955 г., указывающим на необходимость установления четких сроков выполнения задач для повышения эффективности использования временных ресурсов.

Таким образом, проанализированные пословицы АЯ отражают ценность, невосполнимость, важность эффективного управления временем на основе принципа рациональности, своевременности действий и использования благоприятных возможностей. Кроме того, пословицы предупреждают о контекстуальной зависимости восприятия времени и осторожности при планировании будущих действий.

Концепт ВРЕМЯ в японских паремиях

Время как одна из основополагающих философских категорий отражается в паремиях ЯЯ. Значимые результаты требуют времени, усилий, терпения и настойчивости в достижении целей: 首振り三年ころ八年 (перевод: *Для того чтобы получить плоды своих действий, часто требуется восемь лет*). Результаты деятельности не появляются мгновенно, а созревают постепенно, требуя терпеливого ожидания и веры в успех. Связь с концепцией непрерывного совершенствования 改善 «кайдзен» подразумевает, что даже небольшие ежедневные улучшения со временем приводят к значительным результатам.

港口で難船 (перевод: *Сложный корабль у входа в гавань*) — предостерегает от самодовольства и переоценки своих сил, особенно на завершающем этапе. Постоянная бдительность и осторожность являются неотъемлемым условием успеха, даже когда цель кажется близкой. Эта мудрость отражает осознание непредсказуемости жизни и необходимости быть готовым к неожиданным препятствиям в любой момент.

早起きは三文の徳 (перевод: *Ранняя птичка получает червячка*) — подчеркивает преимущество начала дела как можно раньше, чтобы увеличить шансы на успех. Пословица: 鉄は熱いうちに打て (пе-

ревод: *Бей, пока горячо*) — призывает действовать решительно и не упускать наиболее благоприятных условий. Обе пословицы отражают понимание времени как ценного ресурса, который необходимо использовать эффективным способом. Они также акцентируют важность проактивности и готовности к действию вместо пассивного ожидания.

光陰矢の如し (こういんやのごとし) (перевод: *Как стрела под светом*) — отражает осознание быстротечности времени и напоминает о необходимости ценить каждое мгновение. 残り物には福がある (перевод: *Последнее, но не менее важное*) — призывает дорожить каждой свободной минутой, даже если она кажется незначительной, поскольку даже небольшие промежутки времени, использованные с пользой, могут оказаться результативными.

Таким образом, пословицы ЯЯ о времени содержат такие ключевые идеи, как терпение и настойчивость, осторожность и бдительность, своевременность и проактивность, бережное отношение к ресурсам и своевременность предпринимаемых действий.

Концепт ДЕНЬГИ в английских паремиях

Пословицы, связанные с различными аспектами обращения с финансовыми средствами, являются важным источником информации о социокультурных представлениях и моральных ценностях, передавая сложное и неоднозначное отношение к богатству, труду и связанным с ними моральным дилеммам. Основные смысловые связи охватывают ценность и природу денег, труд и доход, морально-этические аспекты, ожидания и реальность, а также разумное управление финансовыми ресурсами. Рассмотрим их более подробно.

Пословицы отражают представление о том, что деньги — это динамичный ресурс, оказывающий существенное влияние на общество. Пословицы: *Money makes the world go around* (перевод: *Деньги заставляют землю вращаться*) и *Money makes the mare go* (перевод: *Деньги заставляют кобылу идти вперед*) — подчеркивают значительную роль финансов в современной экономике и их способность оказывать влияние на принятие решений в глобальном масштабе. *Money talks* (перевод: *Деньги говорят*) — указывает на финансы как инструмент влияния и убеждения, включая переговорные процессы. Пословица: *Bad money drives out good* (перевод: *Плохие деньги вытесняют хорошие*) — имеет сходное значение с экономическим законом Коперника — Грешема, согласно которому при обращении денег с одинаковой номинальной стоимостью более

ценные денежные знаки или более ценный товар постепенно исчезают из обращения, будучи вытесненными менее ценными денежными знаками или товарами.

No bees, no honey; no work, no money (перевод: *Нет пчел — нет меда; нет работы — нет денег*) — подчеркивает прямую связь дохода с трудолюбием и приложенными усилиями, мотивируя ответственное отношение к трудовым обязанностям, и указывает на продуктивную деятельность как основу экономического благосостояния. Финансовые ресурсы не бесконечны и требуют бережного отношения: *Money does not grow on trees* (перевод: *Деньги на деревьях не растут*). Экономия и умеренность в потреблении является одним из способов увеличения капитала: *A penny saved is a penny earned* (перевод: *Экономленная копейка — заработанная копейка*). Пословица: *Money is not everything* (перевод: *Деньги — это еще не все*) — напоминает о существовании других, не менее важных ценностей в жизни, таких как здоровье, любовь, дружба, духовное развитие и некоторые другие.

Отдельные пословицы подчеркивают важность рационального подхода к финансовым вопросам. *You pay your money and you take your choice* (перевод: *Вы платите деньги и делаете свой выбор*) — отмечает необходимость обдуманного выбора, принятия взвешенного решения и ответственности. Пословица: *A fool and his money are soon parted* (перевод: *Дурак и деньги быстро расстаются*) — предупреждает о том, что неразумные и импульсивные траты ведут к быстрой потере финансовых ресурсов. *Put your money where your mouth is* (перевод: *Кладите деньги около рта*) — подразумевает полное соответствие между намерениями, словами и действиями.

There is no such thing as a free lunch (перевод: *Бесплатных обедов не бывает*) — напоминает о том, что за все в этой жизни приходится платить, не стоит рассчитывать на случайную прибыль или необоснованную выгоду. Пословица: *A bad penny always turns up* (перевод: *Плохая копейка всегда под рукой*) — акцентирует неизбежность возврата к прошлым проблемам или ошибкам, связанным с финансами, например, к необходимости оплаты долгов.

В отдельных паремиях содержится предостережение об опасностях: деньги в чрезмерном объеме могут стать источником потенциальных проблем и моральных компромиссов. Необоснованная жажда обогащения может привести к неэтичным поступкам и разрушению человеческих отношений: *Love of money is the root of all evil* (перевод: *Любовь к деньгам — корень всех зол*). Финансовые ресурсы способны не только открывать возможности, но

и становиться причиной моральных искушений и негативных последствий: *Money makes many things, but also makes devil dance* (перевод: *Деньги делают многое, но также заставляют танцевать дьявола*). Концептуальная метафора devil указывает на осознание злого умысла и отрицательных последствий. Незаконные способы обогащения нарушают принцип справедливости, поскольку несоблюдение баланса между заслуженным и чрезмерным доходом предостерегает от неизбежных потерь: *Money earned by deceit, goes by deceit* (перевод: *Деньги, заработанные обманом, уходят обманом*).

Суммируя вышесказанное, пословицы АЯ характеризуют деньги как влиятельный ресурс, требующий ответственного отношения владельца капитала ввиду их неоднозначного эффекта, оказывающего как положительное влияние на статус человека, так и нежелательные последствия при ненадлежащем обращении. Осмотрительное отношение необходимо как при получении доходов, так и при планировании расходов.

Концепт ДЕНЬГИ в японских паремиях

Сематический потенциал пословиц ЯЯ о денежных средствах свидетельствует об их роли в современном обществе, будучи тесно связанным с трудом, трудолюбием, результативностью и моральными аспектами жизнедеятельности человека одновременно.

Фундаментальная идея жизни — материальное обеспечение человеческого существования — отражена в пословице: *お金は命の源* (перевод: *Деньги — источник жизни*). Доступ к финансовым ресурсам обуславливает возможность удовлетворения базовых потребностей человека в еде, месте проживания, физической безопасности.

Принцип постепенного накопления денежных средств содержится в пословице: *塵も積もれば山となる (ちりもつもればやまとなる)* (перевод: *Если пыль накопится, она превратится в гору*). Небольшие сбережения, откладываемые регулярно, со временем могут привести к значительному состоянию. Постоянство и дисциплину в достижении финансовых целей можно сравнить с концепцией сложного процента в контексте долгосрочных инвестиционных вложений.

貯金は宝 (перевод: *Сбережения — это сокровище*) — подчеркивает ценность умеренности и бережливости, так как капитал обеспечивает стабильность и уверенность в будущем. Рациональность и разумное использование накоплений является основой финансовой культуры Японии. С позиции экономического анализа сбережения можно

рассматривать как важный фактор долгосрочного экономического роста.

Явно категоричное отношение к бедности прослеживается в пословице: *貧乏は罪、富は財産* (перевод: *Бедность — грех, богатство — собственность*). Бедность как результат лени или слабости противопоставлено богатству как следствию трудолюбия и таланта.

忍耐は苦い。しかし、その実は甘い (にんたいはにがい。しかし、そのみはあまい) (перевод: *Деньги растут на дереве упорства*) — напрямую связывает богатство с трудолюбием и настойчивостью. Метафорическое сравнение «дерева» с накоплениями указывает на то, что богатство является результатом приложенных усилий и систематической работы на протяжении длительного времени.

С позиции планирования целей и эффективности деятельности пословица: *金は身を守り、身は道を守る* (перевод: *Деньги защищают вас, а ваше тело защищает дорогу*) — несколько оттесняет роль материальных благ, рассматривая их лишь как ресурс, используемый человеком для достижения целей. Активная позиция, личные усилия и ответственность являются ключевыми факторами успешного существования. Сходная позиция наблюдается в паремиологическом выражении: *お金は足元に見える* (перевод: *Деньги выглядят как примечание*), которое интерпретирует деньги как инструмент по отношению к нематериальным, однако не менее важным аспектам жизни.

悪銭身に付かず (あくせんみにつかず) (перевод: *Богатство и знатность, полученные нечестным путем, исчезают, как облако*) — здесь подчеркивается, что способ обретения богатства имеет значение с точки зрения норм поведения и социального взаимодействия. Законы и этические принципы обеспечивают контроль и регулирование общественных отношений, в том числе в финансовой сфере. Несоответствие способов накопления сбережений принятым критериям нравственности и морали всегда имеет негативные последствия.

Следовательно, концептуальная область ДЕНЬГИ в паремиологическом фонде ЯЯ имеет прямые корреляционные связи с такими концептами как трудолюбие, упорство, бережливость, дисциплина и честность. Соответствие моральным принципам отражает правила экономического поведения в контексте общественных отношений.

Концепт РИСКИ в английских паремиях

Ситуация риска как вероятность появления опасности содержит в себе потенциальную угрозу в связи

с внутренним ощущением повышенного уровня стресса и отчаяния: *A drowning man will clutch at a straw* (перевод: *Утопающий хватается за соломинку*). В экстремальных ситуациях появляется готовность к отчаянным мерам, которые в нормальных условиях кажутся незначительными и малоэффективными. В контексте управления рисками необходима разработка планов действий в чрезвычайных ситуациях — заранее определенных алгоритмов действий для минимизации негативных последствий, в том числе корректировка стратегий и поиск нестандартных решений.

Проактивный подход к управлению рисками включает профилактику и предотвращение рисков — идентификацию, оценку и смягчение, являющиеся более эффективными мерами, чем исправление последствий: *An ounce of prevention is worth a pound of cure* (перевод: *Унция профилактики стоит фунта лечения*). Примерами в деловой среде могут быть страхование имущества, диверсификация продуктового портфолио, обучение персонала и некоторые другие.

При наличии нескольких вариантов необходим выбор оптимального пути, сопряженного с минимальными рисками: *Cross the stream where it is shallowest* (перевод: *Переходите ручей там, где он наиболее мелководен*). Решение принимается на основе анализа возможных сценариев и оценки потенциальных выгод и потерь.

Смысловое содержание пословицы: *Don't put all your eggs in one basket* (перевод: *Не кладите все яйца в одну корзину*) — совпадает с экономическим принципом диверсификации рисков о равномерном распределении активов и ресурсов для снижения потенциальных потерь и убытков.

Осторожность и осмотрительность являются ведущими ориентирами в ситуациях с высоким уровнем неопределенности: *Discretion is the better part of valour* (перевод: *Осмотрительность — лучшая часть доблести*); *Better safe than sorry* (перевод: *Лучше перестраховаться, чем потом жалеть*). Минимизация вероятности реализации негативного риска предполагает принятие консервативных решений и отказ от деятельности, связанной с неприемлемо высоким уровнем риска.

Пословица: *If you play with fire, you'll get burned* (перевод: *Если вы играете с огнем, то обожжетесь*) — содержит предупреждение о неизбежности последствий и ответственности при принятии решений, связанных с риском.

Наконец, *Fortune favors the bold* (перевод: *Удача благоволит смелым*) — передает альтернативный

взгляд на риск. Удача, или фортуна, согласно определению¹, означает совокупность благоприятных и неблагоприятных событий, способных оказать влияние на исход дела; смелость — личностное качество, ассоциирующееся с отсутствием страха перед опасностью². Допущение определенной доли опасности уравнивается открывающимися возможностями.

Таким образом, пословицы о рисках АЯ предупреждают от неосмотрительности и формируют ответственное отношение к неопределенности. Совокупность смысловых компонентов рассмотренных пословиц формирует комплексное отношение, основанное на идее управления рисками: оценку, поиск альтернативных вариантов, анализ сбалансированного сценария, допущение риска или его полное избегание.

Концепт РИСКИ в японских паремиях

Многогранность риска и необходимость учета всех возможных угроз отражены в пословице: *一の裏は六* (перевод: *Суть дела заключается в шести аспектах*). Простота ситуации может быть кажущейся, будучи фактически многоплановой. Комплексность ситуаций подчеркивает важность всестороннего анализа и оценки перед принятием решений, сопряженных с различными рисками. Пословица акцентирует потребность в холистическом подходе, направленном на исключение поверхностных суждений, повышение внимания к деталям, учет взаимосвязи всех факторов, повышающих вероятность достижения основной цели.

Содержание пословицы: *碁で負けたら将棋で勝て* (перевод: *Если вы проиграли в го, вы можете выиграть в сёги*) — сосредоточено на умении адаптироваться, переключаться на другую деятельность, использовать приобретенный опыт посредством минимизации негативных последствий и поиска новых возможностей. Пословица передает оптимистичный взгляд на риски, подчеркивая важность гибкости и умения использовать различные навыки для достижения цели.

Приобретение опыта рассматривается как необходимый этап на пути к успеху, предоставляющий ценные уроки и стимулы к личностному развитию: *失敗は成功の基 (もと)* (перевод: *Неудача — основа успеха*). Неудачи предстают как возможности для обучения и роста.

¹ URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fortune?q=fortune+>

² URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/bold>

Метафорическое сравнение невзгод и трудностей с дождем, приносящим временные неудобства, указывает на их благоприятный эффект в долгосрочной перспективе благодаря укреплению силы воли, развитию устойчивости и формированию прочного фундамента для личностного развития: 雨降って地固まる (перевод: Дождь делает землю твердой). Пословица подчеркивает трансформирующую силу риска, способного закалить характер и подготовить к будущим вызовам.

Ценность времени и использование открывающихся возможностей сравнимы с периодом молодости: 若い時は二度とない (перевод: Вы больше никогда не будете молоды). В более молодом возрасте, или в переносном смысле — на более ранних стадиях реализации проектов, человек обладает более широкими возможностями, активами, ресурсами, позволяющими достигать цели. Идея отваги, смелости и активных действий раскрывается в пословицах: 物は試し (перевод: Доказательство пудинга — в его поедании) и 身を捨ててこそ浮かぶ瀬もあれ (перевод: Ничего не предпринимать, ничего не приобретать).

Таким образом, в японских паремиях РИСК предстает как многогранное явление, которое, с одной стороны, может быть источником опасности, с другой стороны — возможностью для развития. Позитивное отношение к риску способствует преодолению страха перед неудачами и их восприятию как ценного опыта. Мудрый и ответственный подход к риску призывает к осознанному принятию решений, к извлечению уроков из неудач и использованию возможностей. Пословицы ЯЯ отражают глубокое понимание риска в качестве эффективного инструмента личностного роста.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ внутренней формы паремий, содержащих концепты ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ — РИСКИ, указывает на сходства и различия в АЯ и ЯЯ. На рассмотренном материале наблюдаются соответствия в концептуальной структуре пословиц:

контраст — противопоставление смысловых элементов: *A wise person does at once, what a fool does at last* (перевод: Мудрый человек делает сразу, а глупый — в последний момент); 塵も積もれば山となる (чиримотуморебаяमतонару) (перевод: Если пыль накопится, она превратится в гору);

отождествление — установление идентичности между ключевыми элементами: *A penny saved is a penny earned* (перевод: Сэкономленная копейка — заработанная копейка); お金は命の源 (перевод: Деньги — источник жизни);

исключение — признание особенной уникальности: *There is no time like the present* (перевод: Нет времени лучше, чем настоящее); 若い時は二度とない (перевод: Вы больше никогда не будете молоды);

инкорпорирование — включение разнородных элементов: *Money makes many things, but also makes devil dance* (перевод: Деньги делают многое, но также заставляют танцевать дьявола); —の裏は六 (перевод: Суть дела заключается в шести аспектах);

параллелизм — сопоставление процессов или явлений по принципу одновременности: *Strike while the iron is hot*, 鉄は熱いうちに打て (перевод: Бей, пока горячо).

К дифференциальным признакам можно отнести следующие. В пословицах АЯ чаще встречается открытая назидательная синтаксическая модель в повелительном наклонении: *Don't count your chickens before they hatch* (эквивалент: Цыплят по осени считают); *Don't put off until tomorrow what you can do today* (перевод: Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня); *Don't put all your eggs in one basket* (перевод: Не кладите все яйца в одну корзину). Для пословиц ЯЯ с контрастной структурой характерно объединение противоположностей в смысловое целое: 失敗は成功の基 (もと) (перевод: Неудача — основа успеха); 雨降って地固まる (перевод: Дождь делает землю твердой); 物は試し (перевод: Доказательство пудинга — в его поедании).

Образная структура пословиц АЯ включает природные метафоры, например, о ручье, огне, приливе, деревьях: *Cross the stream where it is shallowest* — значение опасности; *If you play with fire, you'll get burned* — значение опасности; *Time and tide wait for no man* — значение времени; *Money does not grow on trees* — значение аккумуляции. Пословицы ЯЯ содержат природные метафоры, например, о горах, деревьях, дожде, свете, облаках: 塵も積もれば山となる (чиримотуморебаяमतонару) (перевод: Если пыль накопится, она превратится в гору) — значение накопления; 忍耐は苦い。しかし、その実は甘い (にんたいはいがい。しかし、そのみはあまい) (перевод: Деньги растут на дереве упорства) — значение самодисциплины; 雨降って地固まる (перевод: Дождь делает землю твердой) — значение преодоления; 光陰矢の如し (こういんやのごとし) (перевод: Как стрела под светом) — значение времени; 悪銭身に付かず (あくせんみにつかず) (перевод: Богатство и знатность, полученные нечестным путем, исчезают, как облако) — значение нелегитимности незаконных источников доходов.

На исследованном материале АЯ были отмечены анималистические метафоры, например, о цыплятах, пчелах, птицах, лошадях: *Don't count your chickens before they hatch* — значение результативности; *No bees, no honey; no work, no money* — значение трудолюбия; *The early bird catches the worm* — значение раннего начала; *Money makes the mare go* — значение влияния.

Семантическое ядро концепта ВРЕМЯ составляют такие интегральные компоненты, как рациональность, осознание невосполнимости, своевременности действий, проактивность. К дифференциальным признакам относятся управление временными ресурсами и использованием благоприятных возможностей в АЯ; терпение, настойчивость, осторожность, самодисциплина, бдительность — в ЯЯ.

Концепт ДЕНЬГИ в АЯ образован смысловыми элементарными, определяющими его как влиятельный ресурс, требующий от обладателя осознанного отношения как на этапе получения, так и на этапе расходования, поскольку рациональное использование финансовых средств имеет положительные результаты, в то время как нерациональные траты чреваты негативными последствиями. В ЯЯ концепт ДЕНЬГИ ассоциируется с трудолюбием, упорством, бережливостью, дисциплиной и чест-

ностью. В обеих лингвокультурах ДЕНЬГИ рассматриваются как один из ресурсов наряду с другими, как средство реализации планов, проектов и личностного роста. Из трех рассмотренных концептов ДЕНЬГИ имеют наиболее сходную семантику.

Сходный смысловой компонент концепта РИСК заключается в комплексном и сознательном отношении к данному явлению. В паремиях АЯ акцентируются минимизация, диверсификация и проактивность, поскольку риск воспринимается, главным образом, как опасность. Паремии ЯЯ, напротив, направляют внимание на преодоление страха, поиск возможностей для развития, получение ценного опыта, в том числе отрицательного, а также использование ситуаций неопределенности для личностного роста.

В результате выполненного анализа можно проследить разные подходы к пониманию концептов: в английской лингвокультуре ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ и РИСК рассматриваются с точки зрения управления человеком финансовыми, временными ресурсами и неопределенностью, в то время как в японской лингвокультуре больше внимания уделяется воспитанию положительных качеств человека для того, чтобы они способствовали притяжению материальных и нематериальных ресурсов и возможностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Филясова Ю.А. Концептуализация и категория концепта в когнитивной теории Р. Лангакера и Л. Талми: интеграция когнитивных и языковых структур. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2024;2(10):173–190. URL: <https://elibrary.ru/txeymt>
2. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мамедова А.Р. Паремия в азербайджанском, турецком, английском и немецком языкознании: определение, особенности изучения. *Вопросы прикладной лингвистики*. 2025;(57):161–187. DOI: 10.25076/vpl.57.06
3. Шатилов А.Б., Волхонская З.И., Осинина Д.Д. Приоритетные ценности «генетического кода» российской государственности. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2023;1(25):97–112. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-97-112
4. Шатилов А.Б. Влияние политической конъюнктуры на трансформацию образа России в кинопродукции Голливуда (1930–2020-е гг.). *Власть*. 2024;4(32):159–166. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-4-159-166
5. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Огнев А.С. Общественное сознание как предмет современных научных исследований. *Власть*. 2024;3(32):127–132. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-127-132
6. Зубец А.Н. Разработка и апробация системы индикаторов качества жизни: на примере российских городов. *Социально-гуманитарные знания*. 2022;(3):166–180. DOI: 10.34823/SGZ.2022.3.51839
7. Белоконов С.Ю., Левина Е.В. Социально-политические детерминанты социального самочувствия населения: теоретико-прикладной аспект. *Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2024; 4(11):401–411. DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-401-411
8. Колодина Н.И., Победа А.Ю. Уровни осознанности когнитивного конструкта (на материале исследования концепта ПАТРИОТИЗМ). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023;10(16):3293–3300. DOI: 10.30853/phil20230511
9. Расторгуев С.В. Современные подходы к концепту «Патриотизм» в научном дискурсе. *Власть*. 2024;1(32):96–101. DOI: 10.31171/vlast.v32i1.9955

10. Ковш Е.В., Савченко Е.П. Вербализация концепта «свой-чужой» (на материале паремического фонда английского и русского языков). *Вопросы прикладной лингвистики*. 2025;(57):131–160. DOI: 10.25076/vpl.57.05
11. Карабулатова И.С., Лосева Р.В., Саутиева Ф.Б. Постинтерпретации традиционного фольклора как проблема сохранения исторической памяти. *Новый филологический вестник*. 2025;1(72):352–367. DOI: 10.54770/20729316-2025-1-352
12. Анисимова Е.Д., Анисимов В.Е., Денисенко В.Н. Паремия в контексте современной французской социальной интернет-рекламы. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023;1(14):70–87. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-70-87
13. Шубина Э.Л., Пугачева Т.А. Вариативный потенциал немецкой пословицы «Geld allein macht nicht glücklich» в экономическом медиадискурсе Германии. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 2025;1(7):50–69. DOI: 10.24833/2687-0126-2025-7-1-50-69
14. Коннова М.Н., Хорохорина С.Е. К вопросу о деаксиологизации языковой картины мира: семантические трансформации лексемы COMFORT. *Новый филологический вестник*. 2025;1(72):269–283. DOI: 10.54770/20729316-2025-1-269
15. Шатилов А.Б., Ерохина О.В. Трактовка взаимоотношений «леса» и «степи» в историософии классического евразийства. *Вопросы истории*. 2021;5(12):107–117. DOI: 10.31166/Voprosyistorii202201statyi28
16. Филясова Ю.А., Лавриненко А.Ю. Концепт «Физическая активность» в англоязычном научном дискурсе. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2024;3–48(13): 80–85. URL: <https://elibrary.ru/torkoy>
17. Филясова Ю.А., Николаева А.Е., Бокарев М.М. Сопоставительный анализ концептов «футбол» и «баскетбол» в англоязычном научном дискурсе: профессиональный аспект. *Преподаватель XXI век*. 2025;(1–2):413–426. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-1-413-426
18. Филясова Ю.А., Пшуков В.С. Концепт «Физическая сила» в англоязычном спортивном академическом дискурсе. *Современное профессиональное образование*. 2024;(4):141–148. URL: <https://elibrary.ru/tklehf>
19. Филясова Ю.А., Мохаммад М. Концепт «Силовая тренировка» в контексте англоязычных научных исследований: профессиональный аспект. *Номинум*. 2024;3(15):92–114. URL: <https://elibrary.ru/bvwpzk>
20. Лихолетова О.Р. Концепт «КИМОНО» в образных единицах японского языка. *Филологические науки в МГИМО*. 2023;4(9):83–95. DOI: 10.24833/2410-2423-2023-4-37-83-95
21. Андрианова Д.В., Игнатъева Н.Д. Диада ГОЛОД–СЫТОСТЬ как одна из аксиологических доминант восточнославянской лингвокультуры (на базе пословичного фонда). *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2022;3(46):90–97. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.79.56.015
22. Позднякова А.А., Чепкова Т.П., Морозова Л.Ю. Лингвокультурная коннотация английских и русских фразеологизмов с компонентом «WIND/ВЕТЕР». *Преподаватель XXI век*. 2024;(3–2):464–481. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-464-481
23. Beloglazova E. V., Osmak N. A., Shuvalova E. K. Russian culture through the prism of English, Finnish and Japanese languages: Reflections or refractions? *Training, Language and Culture*. 2024;2(8):42–51. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-2-42-51
24. Чжан К., Денисенко В.Н. Выражение, мышление и познание: истоки различий русского и китайского языка. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2024;3(15):841–855. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855
25. Юйхань, Лазарева О.В., Баров С.А., Веред В.Т. Особенности формирования терминосистемы сферы международная торговля: лингвокультурологический и эколингвистический аспекты. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2024;2(15):457–473. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-457-473
26. Chernyavskaya V. E., Zharkynbekova S. K. Code switching patterns in Kazakh-Russian hybrid language practice: An empirical study. *Training, Language and Culture*. 2024;2(8):9–19. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-2-9-19
27. Malyuga E. N., Dzhagatspanyan O. A. Pragmatic value of noun phrase and verb phrase ellipsis in corporate communication. *Training, Language and Culture*. 2024;3(8):86–94. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-86-94
28. Филясова Ю.А. Функционально-семантическое поле английских концептуальных метафор HEAVEN и HELL в новостных медиазаголовках. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 2023;3(5):26–48. DOI: 10.24833/2687-0126-2023-5-3-26-48

29. Hackett-Jones A.V., Sokolova Z. N., Ivanenko E. A. Building a multilingual classroom for Chinese and Russian students: Comparative issues. *Language Studies and Modern Humanities*. 2023;2(5):113–121. DOI: 10.33910/2686-830x-2023-5-2-113-121
30. Ергазы Н., Денисенко А. В. Реализация стратегий позитивной и негативной вежливости в казахском и русском семейном дискурсе ток-шоу. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2024;4(15):1232–1244. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1232-1244
31. Фефелова Г. Г., Анисимова А. Г. Исследование комического дискурса через призму языка и культуры. *Вопросы прикладной лингвистики*. 2025;(57):71–97. DOI: 10.25076/vpl.57.03
32. Бородулина Н. Ю., Гливенкова О. А., Макеева М. Н. Колориты в метафорической репрезентации языка экономики (на материале русского, английского и французского языков). *Преподаватель XXI век*. 2024;(4–2):394–405. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-394-405
33. Новоспасская Н. В., Раадранириана А. М., Лазарева О. В. Образ женщины в русской, французской, испанской и малагасийской лингвокультурах на материале паремий. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019;2(10):301–322. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322
34. Новоспасская Н. В., Ян С., Михайленко А. Ю. Образ женщины в китайских и русских паремиях. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023;3(14):633–646. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-633-646
35. Филясова Ю. А., Лун Х. Моделирование когнитивной матрицы концепта «Семья» на материале английских и китайских СМИ. *Дискурс профессиональной коммуникации*. 2024;(3):47–59. DOI: 10.24833/2687-0126-2024-6-47-59
36. Силласте Г. Г. Институт семьи и смена моделей репродуктивного поведения россиян в условиях формирования нового социогендерного порядка и страновой демографической среды. *Цифровая социология*. 2024;2(7):4–12. DOI: 10.26425/2658-347X-2024-7-2-4-12
37. Филясова Ю. А., Лун Х. Медиаобраз концепта ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ на материале английского, китайского и русского языков. *Вопросы прикладной лингвистики*. 2024;(55):52–71. DOI: 10.25076/vpl.55.03
38. Ачкасов А. В. Субстандарт в русскоязычных переводах рубежа XX–XXI веков. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023;9(16):3078–3084. DOI: 10.30853/phil20230481
39. Минина О. Г. Формирование универсальных компетенций студентов магистрантов педагогических направлений. *Профильная школа*. 2021;1(9):50–56. DOI: 10.12737/1998-0744-2021-9-1-50-56
40. Понявина М. Б., Расторгуев С. В., Селезнев П. С., Сучилина А. А., Шатилов А. Б. Мониторинг социальных установок иностранных студентов. *Высшее образование в России*. 2021;8–9(30):80–92. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-80-92
41. Храмченко Д. С. Взаимосвязь языка и мозга: как повысить эффективность обучения иностранному языку при помощи нейролингвистической методологии. *Вопросы прикладной лингвистики*. 2023;(51):32–60. DOI: 10.25076/vpl.51.02
42. Bazhutina M. M., Chizhatkina E. D. What can a foreign language textbook for Engineering majors be like? A case of developing and evaluating its sociocultural content. *Training, Language and Culture*. 2023;4(7):81–93. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-4-81-93

REFERENCES

1. Filyasova Yu. A. Conceptualization and the category of concept in R. Langacker's and L. Talmy's cognitive theory: Integration of cognitive and linguistic structures. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2024;2(10):173–190. URL: <https://elibrary.ru/txeymt> (In Russ.).
2. Bredis M. A., Lomakina O. V., Mammadova A. R. Paroemia in Azerbaijani, Turkish, English and German linguistics: Definition, study features. *Issues of Applied Linguistics*. 2025;(57):161–187. (In Russ.). DOI: 10.25076/vpl.57.06
3. Shatilov A. B., Volkhonskaya Z. I., Osinina D. D. Priority values of the “genetic code” of the Russian statehood. *RUDN Journal of Political Science*. 2023;1(25):97–112. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-97-112
4. Shatilov A. B. Influence of political conjuncture on the transformation of the image of Russia in Hollywood film products (1930s–2020s). *Vlast'*. 2024;4(32):159–166. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071-5358-2024-4-159-166
5. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Ognev A. S. Social Consciousness as a subject of modern scientific research. *Vlast'*. 2024;3(32):127–132. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-127-132

6. Zubets A. N. Development and approbation of a system of quality of life indicators: On the example of Russian cities. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2022;(3):166–180. (In Russ.). DOI: 10.34823/Sgz.2022.3.51839
7. Belokonev S. Yu., Levina E. V. Socio-political determinants of social well-being of the population: Theoretical and applied aspect. *RUDN Journal of Public Administration*. 2024;4(11):401–411. (In Russ.). DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-4-401-411
8. Kolodina N. I., Pobeda A. Yu. Levels of awareness of a cognitive construct (based on the study of the patriotism concept). *Philology. Theory & Practice*. 2023;(10):3293–3300. (In Russ.). DOI: 10.30853/phil20230511
9. Rastorguev S. V. Modern approaches to the concept of PATRIOTISM in scientific discourse. *Vlast'*. 2024;1(32):96–101. (In Russ.). DOI: 10.31171/Vlast.V32i1.9955
10. Kovsh E. V., Savchenko E. P. Verbalization of the concept OWN-STRANGER (on the material of the paremic fund of the English and Russian languages). *Issues of Applied Linguistics*. 2025(57):131–160. (In Russ.). DOI: 10.25076/vpl.57.05
11. Karabulatova I. S., Loseva R. V., Sautieva F. B. Postinterpretation of traditional folklore as a problem of historical memory preservation. *The New Philological Bulletin*. 2025;1(72):352–367. (In Russ.). DOI: 10.54770/20729316-2025-1-352
12. Anisimova E. D., Anisimov V. E., Denisenko V. N. Paroemia in the Context of Modern French Public Internet Advertisin. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023;1(14):70–87. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-1-70-87
13. Shubina E. L., Pugacheva T. A. The Variational potential of the German proverb “Geld allein macht nicht glücklich” in economic media discourse. *Professional Discourse & Communication*. 2025;7(1):50–69. (In Russ.). DOI: 10.24833/2687-0126-2025-7-1-50-69
14. Konnova M. N., Khorokhorina S. E. Axiological dimension of English worldview revisited: Semantic transformations of COMFORT. *The New Philological Bulletin*. 2025;1(72):269–283. (In Russ.). DOI: 10.54770/20729316-2025-1-269
15. Shatilov A. B., Erokhina O. V. Interpretation of the relationship between FOREST and STEPPE in the Historiosophy of Classical Eurasianism. *Voprosy Istorii*. 2021;5(12):107–117. (In Russ.). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202201Statyi28
16. Filyasova Yu. A., Lavrinenko A. Y. The PHYSICAL ACTIVITY concept in English academic discourse. *Baltic Humanitarian Journal*. 2024;3–48(13):80–85. URL: <https://elibrary.ru/torkoy> (In Russ.).
17. Filyasova Yu. A., Nikolaeva A. E., Bokarev M. M. A comparative analysis of the FOOTBALL and BASKETBALL concepts in the English academic discourse: A professional aspect. *Prepodavatel XXI vek*. 2025;(1–2):413–426. (In Russ.). DOI: 10.31862/2073-9613-2025-1-413-426
18. Filyasova Yu. A., Mokhammad M. The RESISTANCE TRAINING concept in the context of English scientific research papers: A professional aspect. *Hominum*. 2024;3(15):92–114. URL: <https://elibrary.ru/bvwpsz> (In Russ.).
19. Filyasova Yu. A., Pshukov V. S. The PHYSICAL STRENGTH concept in the English sports academic discourse. *Modern Professional Education*. 2024;(4):141–148. URL: <https://elibrary.ru/tklehf> (In Russ.).
20. Likholetova O. R. The concept KIMONO in figurative units of the Japanese language. *Linguistics & Polyglot Studies*. 2023;4(9):83–95. (In Russ.). DOI: 10.24833/2410-2423-2023-4-37-83-95
21. Andrianova D. V., Ignatieva N. D. The hunger-satiety dyad as one of the axiological dominants of East Slavic linguoculture (based on the proverbial fund). *Relevant Issues of Modern Philology and Journalism*. 2022;3(46):90–97. (In Russ.). DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.79.56.015
22. Pozdnyakova A. A., Chepkova T. P., Morozova L. YU. Linguistic and cultural connotation of English and Russian phraseological units with the component WIND. *Prepodavatel XXI vek*. 2024;(3–2):464–481. (In Russ.). DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-464-481
23. Beloglazova E. V., Osmak N. A., Shuvalova E. K. Russian culture through the prism of English, Finnish and Japanese languages: Reflections or refractions? *Training, Language and Culture*. 2024;2(8):42–51. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-2-42-51
24. Zhang K., Denisenko V. N. Expression, Thinking, and Cognition: Origins of Differences between the Russian and Chinese Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024;3(15):841–855. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855

25. Yuhan, Lazareva O.V., Barov S.A., Vered V.T. Peculiarities of formation of the term system of international trade: Linguocultural and ecolinguistic aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024;2(15):457–473. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-457-473
26. Chernyavskaya V.E., Zharkynbekova S.K. Code switching patterns in Kazakh-Russian hybrid language practice: An empirical study. *Training, Language and Culture*. 2024;2(8):9–19. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-2-9-19
27. Malyuga E.N., Dzhagatspanyan O.A. Pragmatic value of noun phrase and verb phrase ellipsis in corporate communication. *Training, Language and Culture*. 2024;3(8):86–94. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-86-94
28. Filyasova Yu.A. Functional and semantic field of the English conceptual metaphors HEAVEN and HELL in news media headings. The discourse of professional communication. 2023;3(5):26–48. (In Russ.). DOI: 10.24833/2687-0126-2023-5-3-26-48
29. Hackett-Jones A.V., Sokolova Z.N., Ivanenko E.A. Building a multilingual classroom for Chinese and Russian students: Comparative issues. *Language Studies and Modern Humanities*. 2023;2(5):113–121. DOI: 10.33910/2686-830x-2023-5-2-113-121
30. Yergazy N., Denisenko A.V. Implementation of positive and negative politeness strategies in Kazakh and Russian family discourse talk show. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024;4(15):1232–1244. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1232-1244
31. Fefelova G.G., Anisimova A.G. The study of comic discourse through the prism of language and culture. *Issues of Applied Linguistics*. 2025;(57):71–97. (In Russ.). DOI: 10.25076/vpl.57.03
32. Borodulina N. Yu., Glivenkova O.A., Makeeva M.N. Coloronyms in metaphoric representation of the language of economics (on the material of Russian, English and French languages). *Prepodavatel XXI vek*. 2024;(4–2):394–405. (In Russ.). DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-394-405
33. Novospasskaya N.V., Raadraniyana A.M., Lazareva O.V. Image of a woman in Russian, French, Spanish and Malagasian linguocultures on the material of paremia. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2019;2(10):301–322. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322
34. Novospasskaya N.V., Yang X., Mikhaylenko A.Y. Image of a woman in Chinese and Russian paroemiae. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023;3(14):633–646. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-633-646
35. Filyasova Yu.A., Long H. FAMILY concept representation in English and Chinese media: A cognitive matrix modelling approach. *Professional Discourse & Communication*. 2024;3(6):47–59. (In Russ.). DOI: 10.24833/2687-0126-2024-6-47-59
36. Sillaste G.G. Family institution and change of reproductive behaviour patterns of Russians in the formation of a new socio-gender order and country demographic environment. *Digital Sociology*. 2024;2(7):4–12. (In Russ.). DOI: 10.26425/2658-347x-2024-7-2-4-12
37. Filyasova Yu.A., Long H. The media image of the HIGHER EDUCATION concept in the English, Chinese and Russian languages. *Issues of Applied Linguistics*. 2024;(55):52–71. (In Russ.). DOI: 10.25076/vpl.55.03
38. Achkasov A.V. Substandard in Russian-Language translations at the turn of the 20th and 21st centuries. *Philology. Theory & Practice*. 2023;9(16):3078–3084. (In Russ.). DOI: 10.30853/Phil20230481
39. Minina O. Formation of universal competencies of undergraduate students of pedagogical directions. *Profilnaya shkola*. 2021;1(9):50–56. (In Russ.). DOI: 10.12737/1998-0744-2021-9-1-50-56
40. Ponyavina, M.B., Rastorguev, S.V., Seleznev, P.S., Suchilina, A.A., Shatilov, A. B. Monitoring the Social Attitudes of Foreign Students. *Higher Education in Russia*. 2021;8–9(30):80–92. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-80-92
41. Khramchenko D.S. Bridging brain and language: Enhancing language learning and communication through neurolinguistic insights. *Issues of Applied Linguistics*. 2023;(51):32–60. (In Russ.). DOI: 10.25076/vpl.51.02
42. Bazhutina M.M., Chizhatkina E.D. What can a foreign language textbook for Engineering majors be like? A case of developing and evaluating its sociocultural content. *Training, Language and Culture*. 2023;4(7):81–93. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-4-81-93

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Юлия Анатольевна Филясова — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Yulia A. Filyasova — Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. of the English Language Department for Professional Communication, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-9728-9458>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
phill.yield@gmail.com

Дмитрий Сергеевич Левин — магистрант 2-го курса, Институт востоковедения, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Dmitry S. Levin — Master's Degree Student, 2nd year, the Institute of Oriental Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0000-7945-8070>
indianalink@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Ю.А. Филясова — разработка общей концепции статьи, анализ материала на английском языке.

Д.С. Левин — подготовка и анализ материала на японском языке.

Authors' declared contributions:

Yu.A. Filyasova — development of the general concept of the article, analysis of the material in the English language.

D.S. Levin — preparation and analysis of the material in the Japanese language.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 16.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-69-75

УДК 352.075:004(045)

Цифровые практики расширения политического участия на муниципальном уровне

О.В. Ерохина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются цифровые инструменты расширения политического участия на муниципальном уровне в контексте концепции цифрового государства. Основное внимание уделяется анализу практик соуправления на местном уровне, включая гражданскую инициативу, организованные собрания, общественные слушания и референдумы. Цель исследования – выявление наиболее эффективных цифровых практик вовлечения граждан в принятие решений на местном уровне на примере западных стран. Теоретическая база включает анализ ключевых понятий: цифровизация местного самоуправления, политическое участие граждан, соуправление как сотрудничество властных и общественных институтов. Практическая значимость работы определяется растущей ролью цифровых технологий в процессах муниципального управления и необходимостью повышения эффективности принимаемых решений. Автор отмечает высокий потенциал цифровизации в России, несмотря на существующие проблемы цифрового неравенства. Ключевые аспекты исследования охватывают: цифровое измерение институтов политического участия; процедуры работы с гражданскими инициативами; механизмы организации общественных обсуждений; сроки и порядок рассмотрения предложений граждан. Исследование актуально в контексте развития концепции цифрового государства и совершенствования механизмов местного самоуправления.

Ключевые слова: соуправление; местное самоуправление; цифровизация; политическое участие; эффективность управления

Для цитирования: Ерохина О.В. Цифровые практики расширения политического участия на муниципальном уровне. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):69-75. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-69-75

ORIGINAL PAPER

Digital Practices for Increasing Political Participation at the Municipal Level

O.V. Erokhina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article is dedicated to the study of the possibilities of using digital tools to develop practices of political participation at the local government level. Digitalization of participation is in demand in the context of the implementation of the idea of co-governance, one of the most important components of the concept of a digital state. The article is focused on the identification of the most widespread and successfully functioning digital practices for increasing citizen participation in decision-making at the local level using the example of Western countries. The article reveals the essence of the municipal aspect of co-governance by analyzing institutions such as civic initiative, organized meetings and hearings, a referendum, as well as cooperation practices aimed at improving the quality of governance and initiated by government authorities.

Keywords: co-management; local government; digitalization; political participation; management effectiveness

For citation: Erokhina O.V. Digital practices for increasing political participation at the municipal level. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):69-75. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-69-75

ВВЕДЕНИЕ

Основным проблемным вопросом данной статьи выступает возможность применения цифровых инструментов на уровне местного самоуправления в целях повышения эффективности принимаемых решений. Для ответа на поставленный вопрос необходимо определить ряд ключевых понятий, связанных с «локальным» измерением цифровизации. В первую очередь, отметим, что цифровизация местного самоуправления выступает частью более широкого процесса реализации концепции цифрового государства. В рамках названной проблематики востребована его обобщенная трактовка как пространства для взаимодействия, среды для принятия решений [1, 2], а не только как технологии менеджмента, обеспечивающей предоставление электронных услуг населению [3, 4]. Политическое участие рассматривается автором как активная деятельность граждан, не являющихся профессиональными политиками, в сфере реализации политического курса государства, которая осуществляется на добровольной основе [5]. Соуправление в рамках данной работы трактуется как сотрудничество властных и общественных институтов в сфере решения общественно значимых вопросов и рассматривается применительно к локальному (местному) уровню социально-политических процессов. Стоит отметить, что цифровое измерение этого процесса пока не получило подробного и комплексного освещения в научной литературе.

Регулярное проведение выборов в местные органы власти — необходимый, но не достаточный элемент эффективного соуправления. Обобщая, можно выделить следующие институты непосредственного политического участия граждан в муниципальном управлении, наиболее распространенные в западных странах и имеющие «цифровое» измерение: гражданская инициатива; организованные собрания жителей, направленные на обсуждение актуальной повестки и выдвижение обращений либо предложений в адрес органов местной власти; общественные слушания (собрания, дискуссии, опросы) с последующим выдвижением предложений об усовершенствовании управления; референдум.

Необходимо отметить, что высокий уровень развития цифровой инфраструктуры в России, достигнутый в ходе реализации инициированной правительством соответствующей программы, затрагивает процессы принятия решений и открывает широкие перспективы для их изучения,

в том числе на уровне местного самоуправления. При этом проблемы цифрового неравенства и недостаточной эффективности применения новых форм участия остаются актуальными и требуют отдельного рассмотрения [6, 7]. Указанные аспекты имеют большое значение для формирования целостного представления о специфике формирования цифрового государства в РФ, однако остаются за рамками данной работы.

МУНИЦИПАЛЬНОЕ СОУПРАВЛЕНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Гражданская инициатива в контексте проблематики статьи трактуется как право граждан выступить с предложением к органу власти (муниципальный совет) в целях принятия депутатами нормативного акта или иного решения в пределах установленной законом компетенции. Как правило, в перечень возможных гражданских инициатив не входят вопросы финансовой и кадровой политики. Процедура работы с гражданской инициативой предусматривает обязательное обсуждение поступивших предложений в случае, если его поддерживает определенная законодательством часть избирателей, проживающих в муниципалитете (как правило, 5–10%). Также регламентируются сроки рассмотрения (как правило, не более 90 дней) и обязательность информирования граждан об итогах обсуждения, что обеспечивает функционирование института «обратной связи». Цифровые технологии обеспечивают более быстрый механизм подачи инициатив и возможность отслеживания реакции на обращение [8].

Собрание граждан — широко распространенный институт политического участия на местном уровне, однако в настоящее время традиционный формат встреч (face-to-face) уступает место более удобным для жителей формам интернет-коммуникации. Инициатива созыва собраний может принадлежать как местным властям (мэрия, муниципальный совет), так и общественности (число избирателей, которые должны выдвинуть предложение о созыве собрания, определяется законодательно). При этом обязанности по информированию граждан о проведении собрания, повестке и принятых решениях относятся к компетенции муниципальных властей.

Общественные слушания все чаще проводятся с использованием электронных технологий (онлайн-платформы для голосования или опроса, электронная почта и пр.). Отметим, что в западных странах, как правило, законодательно

установлена обязанность местных властей обеспечить условия для проведения слушаний в той или иной форме, при вынесении отрицательного решения граждане имеют право подавать апелляции в установленный законом срок. Зачастую местные власти заинтересованы в привлечении внимания общественности к обсуждению значимых вопросов с тем, чтобы содействовать формированию благоприятного общественного мнения и в результате принятия предварительно одобренного решения приобрести дополнительную легитимность [9]. В этом контексте особую роль играют цифровые СМИ, имеющие значительное преимущество в численности аудитории перед «традиционными» медиа.

В отличие от собраний слушания проходят более неформально, а дискуссии носят характер предварительного обмена мнениями. Факторами, способствующими положительному мнению общественности, выступают систематическая PR-поддержка инициативы со стороны местных властей, качественное и заблаговременное информирование участников об основных аспектах обсуждаемой повестки, привлечение к дискуссии лояльных лидеров мнений. Результаты публичных слушаний обобщаются в отчет и размещаются в открытом доступе (как правило, на интернет-ресурсах муниципалитета). Один из наиболее популярных цифровых инструментов для проведения слушаний и дискуссий на муниципальном уровне — портал PeakDemocracy (США), объединяющий множество местных сообществ. Жители могут получать информацию по интересующим местным вопросам, участвовать в опросах и обсуждениях на официальных форумах, выбирая тему из предложенного местными властями списка. Также для проведения краудсорсинга в форме слушаний и виртуальных «собраний» используются сервисы SeeClickFix (интернет-портал, мобильное приложение) и приложение CitySourced. Ключевые преимущества онлайн-слушаний для граждан, помимо удобства участия, связаны с возможностью общения в режиме реального времени и оперативного получения реакций на выдвигаемые предложения со стороны муниципальных властей.

Референдум — наиболее масштабная практика участия, которая может применяться как на общегосударственном или региональном, так и на местном уровне власти. Практики референдумов многообразны: проводятся в традиционном и в онлайн-формате, как по инициативе

муниципалитета, так и по инициативе активных граждан, причем законодательно установленное число поддержавших эту идею избирателей, как правило, выше, чем в случае проведения собраний либо выдвижения гражданских инициатив (порядка 20% избирателей). Решение, принятое на референдуме, имеет обязательный статус для местных органов власти, однако для повышения эффективности этого инструмента необходима реальная готовность властных структур к реализации решений, соответствующих интересам общественности, а не только лоббистов из числа представляющих бизнес групп интересов [10]. В противном случае может быть получен «обратный эффект» снижения легитимности власти и доверия к институту референдума в целом.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ РАСШИРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ФОРМ УЧАСТИЯ

Необходимо отметить ряд практик организации сотрудничества между местными властями и гражданами, направленных на повышение качества управления и при этом инициируемых властными структурами (в том числе с помощью цифровых технологий стимулирования участия). Речь идет о создании консультативных групп граждан, муниципальном стратегическом планировании, составлении бюджета на основе широкого участия, государственно-частном партнерстве.

Консультативные группы граждан — характерная для демократических культур практика поддержания взаимодействия между властями и обществом, которое носит нерегулярный характер и касается локальных вопросов общественного значения. В наибольшей степени консультативные группы востребованы вне периодов проведения избирательных кампаний. Преимущества этой практики связаны с направленностью на поддержание доверия, кроме того, значителен потенциал для снижения конфликтности: публичное формулирование «советов» местным властям по актуальным проблемам позволяет принимать превентивные меры для снижения социальной напряженности, стабилизации этнополитической ситуации (предотвращение конфликтов между диаспорами). Пример использования цифровых технологий в этом процессе: распространение через мессенджеры памяток-инструкций с основными правилами поведения для мигрантов — носителей иной культурной идентичности. Однако такой подход требует высокой управленческой

компетентности со стороны муниципальных чиновников и весьма затратен с точки зрения политических ресурсов [11].

Практическая реализация муниципального стратегического планирования не требует специальных условий. Эта практика существует на постоянной основе и основывается на принципах краудсорсинга, обращаясь к широкому кругу потенциально заинтересованных участников (граждане — представители локального сообщества, бизнесмены, участники общественных организаций). Стратегическое планирование включает согласование сроков и обязательств (горизонт планирования 5–10 лет), необходимых ресурсов, определение сферы ответственности муниципалитета, его задач, разработку концепции развития и проведение SWOT-анализа (сильные и слабые стороны, возможности и угрозы), определение приоритетов в работе муниципалитета и составление максимально конкретного плана действий (на 1–3 года). Также предусматривается мониторинг процесса реализации плана, и в этой сфере особенно востребованы цифровые инструменты — размещение открытых и доступных данных на интернет-сайтах муниципальных служб позволяет гражданам получать актуальную информацию и сопоставлять стратегические цели с полученными результатами, затрагивающими их жизнь.

Совместное (партиципативное) бюджетирование — актуальный метод участия граждан в процессе финансового планирования. Его использование придает фундаментальную ценность принципам сотрудничества властей и общества и направлено на эффективное распоряжение ресурсами в целях «общего блага» даже в условиях централизации управления на общегосударственном уровне [12]. Финансовые вопросы — одни из наиболее значимых и определяющих отношение населения к местным властям, взаимодействие в этой сфере позволяет более полно реализовать идею местного самоуправления. Ответственность разработку бюджета и за учет мнения жителей местного сообщества несет мэрия, а так как финансовые планы требуют профессиональной компетентности, а заинтересованных сторон в этом случае может быть особенно много (от представляющих разные этнические общины общественных организаций до политических партий и бизнес-структур), то чаще этот метод используется в сочетании с другими практиками гражданского участия, такими как общественные

слушания, консультативные группы и публичные собрания. Цифровые инструменты широко используются в этом случае на этапе сбора предложений общественности и позволяют существенно расширить круг вовлеченных в дискуссию лиц: проголосовать или оставить комментарий на интернет-портале намного проще, чем найти время и силы на посещение мероприятий. Примером площадки для сбора предложений по формированию бюджета может служить использование онлайн-платформ для опросов либо голосования (например, UserVoice.com в Калифорнии). Практика активно используется в крупнейших городах западных стран (США, Германия, Испания, Франция и др.).

Государственно-частное партнерство (ГЧП) — общее наименование разнообразных практик сотрудничества местных администраций, бизнес-структур и общественности. Подобное объединение усилий мотивировано, как правило, реализацией значимого для общества и взаимовыгодного для власти и бизнеса проекта. За организацию совместной деятельности отвечает муниципалитет, за управление — бизнес-партнер(ы), при этом предусматривается возможность вовлеченности граждан в процесс принятия решений на местном уровне. Реализация ГЧП предполагает заключение контракта между муниципальными властями, неправительственным сектором и представителями бизнеса, в котором частная сторона предоставляет государственную услугу или проект, который характеризуется наличием значительного финансового, технического и операционного риска. Общественность, в свою очередь, выступает конечным бенефициаром услуг и решений, предоставляемых бизнес-партнером при содействии муниципальной администрации. В данном случае речь идет и о делегировании гражданам части ответственности за принимаемые решения: реализация проектов ГЧП чаще всего влечет не только позитивные эффекты, связанные с развитием инфраструктуры и повышением качества жизни, но и дополнительные расходы для локального сообщества. В связи с этим для успешной реализации государственно-частного партнерства необходим целый ряд условий, связанных с организацией гражданского участия. Среди них: высокий уровень информированности граждан и мотивации их участия, наличие поддерживающей проект инициативной группы из числа представителей общественности, благоприятный опыт взаимодействия жителей

с муниципальной администрацией на основе доверия, взаимной готовности к диалогу, хорошо организованные каналы информирования жителей, посредством которых общественность может получить «прозрачные» данные о своих выгодах в рамках проекта. Последнее требует от администрации последовательной работы, в том числе с применением цифровых решений для адекватного и своевременного информирования граждан. Необходимо продуктивно использовать не только официальные интернет-ресурсы, но и разнообразные популярные у представителей локального сообщества онлайн-площадки. Привлечение авторитетных лидеров мнений и донесение их позиции через онлайн-каналы коммуникации (вне зависимости от их тематической направленности) может способствовать формированию благоприятного общественного мнения более эффективно, чем традиционные форматы взаимодействия (встречи, выступления). Проекты ГЧП зачастую требуют применения комбинированных форм взаимодействия участников и расширения перечня мероприятий, связанных с обеспечением участия граждан в принятии решений, поэтому немаловажную роль играет готовность местных властей к привлечению дополнительных ресурсов, в противном случае эффективность партнерства сужается до решения локальных задач, соответствующих политическим интересам вовлеченных акторов [13].

ВЫВОДЫ

Одним из наиболее эффективных способов расширения участия и вовлечения граждан в управленческий процесс, а также повышения стабильности политических институтов сообществ в рамках демократического подхода является децентрализация. Будучи основанной на принципе субсидиарности, децентрализация подразумевает «приближение» власти к гражданам. Однако реализовать эти идеи на практике возможно лишь при наличии устойчивых институтов сотрудничества, постоянно поддерживаемых целенаправленными усилиями властей и основанных на взаимной заинтересованности власти и общества во взаимодействии, их общей готовности к поддержанию коммуникации и гибкому, компромиссному подходу. Этим объясняется то, что наиболее активно цифровые формы соуправления развиваются на муниципальном уровне власти, преимущественно в западных странах, где выше уровень индивидуального политического

участия и исторически более развита система органов местного самоуправления.

Тем не менее в настоящее время говорить о равноправном партнерстве властных и общественных структур даже на муниципальном уровне власти и управления пока не приходится. С точки зрения расширения возможностей для участия граждан наблюдаются положительные тренды: переход от одностороннего информирования населения о принимаемых решениях к практикам сотрудничества и делегирования полномочий технологически возможен и вполне вероятно, что цифровых инструментов для привлечения граждан к управлению станет еще больше. Однако с точки зрения влияния граждан на процесс принятия решений цифровизация управления находится на начальном этапе.

Для обеспечения эффективного применения цифровых инструментов участия общественности в процессе принятия решений необходимо сочетание следующих основных условий: проработанная законодательная база, в рамках которой возможна адаптация технологических новаций к деятельности властных и общественных институтов; значительно распространенная культура участия в новом, цифровом измерении; наличие политической воли к полноценному использованию цифровых технологий и взаимная готовность власти и общества реализации концепции соуправления, предполагающей делегирование гражданам части полномочий и распределение ответственности за принимаемые решения. Становление цифровой политической культуры связано с переосмыслением понятий личной свободы и безопасности и с формированием осознанного отношения к проблеме управления данными, готовности делегировать функции обеспечения личной информационной безопасности властным структурам. Вероятно, значимые изменения в этой сфере произойдут по мере активного включения в общественно-политические процессы нового «цифрового поколения», представители которого максимально широко используют цифровые услуги и сервисы во всех сферах жизни. Наиболее востребованными критериями привлекательности цифровых инструментов взаимодействия власти и общественности могут стать скорость предоставления информации, ориентация на потребности пользователя, многофункциональность и легкость в использовании технологий, приоритет анализа данных (получение новых данных на основе анализа имеющейся информации).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gil-García R., Dawes S., Pardo T. Digital government and public management research: Finding the crossroads. *Public Management Review*. 2018;20(5):633–646. DOI: 10.4324/9781003258742–1
2. Мухаметов Д. Р. Цифровое государство в России в кросс-страновой перспективе. *Экономика, предпринимательство и право*. 2024;14(12):7045–7058. DOI: 10.18334/epp.14.12.122175
3. Clarke A. Digital government units: What are they, and what do they mean for digital era public management renewal? *International Public Management Journal*. 2020; 23(3):358–379. DOI: 10.1080/10967494.2019.1686447
4. Yao Y. Digital government information platform construction: Technology, challenges and prospects. *International Journal of Social Sciences and Public Administration*. 2024;(2):48–56. DOI:10.62051/ijsspa.v2n3.06
5. Ерохина О. В. Политическое участие в цифровом обществе. *Власть*. 2022;30(6):77–82. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9348>
6. Груздева М. А. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020;13(5):90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5
7. Басова Е. А. Цифровое неравенство российских регионов: современные вызовы и пути преодоления. *Вопросы территориального развития*. 2021;9(4):1–16. DOI: 10.15838/tdi.2021.4.59.4
8. Bajrami I., Bajrami T. The role and importance of civil initiatives in local governance. *Journal of Governance and Regulation*. 2024;13(2):126–134.
9. Bukalova D., Maland E. Mind the gap: Strategies from California on navigating access to public hearings. *Public Administration Review*. 2022;83(2):435–441. DOI:10.1111/puar.13581
10. Hepburn P. Local democracy in a digital age: Lessons for local government from the Manchester congestion charge referendum. *Local Government Studies*. 2014;40(1):82–101. DOI:10.1080/03003930.2013.829457
11. Castaño-Muñoz J., Colucci E., Smidt H. Free digital learning for inclusion of migrants and refugees in Europe: A qualitative analysis of three types of learning purposes. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2018;19(2):2–18. DOI:10.19173/irrodl.v19i2.3382
12. Kovács, É. The participatory budgeting and the collaborative governance movement at the Hungarian local government level. *Intersections. East European Journal of Society and Politics*. 2024;10(2):74–94. DOI:10.17356/ieejsp.v10i2.1285
13. Kopańska A., Asinski R. Fiscal and political determinants of local government involvement in public-private partnership (PPP). *Local Government Studies*. 2019;45(6):957–976. DOI:10.1080/03003930.2019.1635016

REFERENCES

1. Gil-García R., Dawes S., Pardo T. Digital government and public management research: finding the crossroads. *Public Management Review*. 2018;20(5):633–646. DOI: 10.4324/9781003258742–1
2. Mukhametov D. R. Digital government in Russia in cross-country perspective. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2024;14(12):7045–7058. (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.14.12.122175
3. Clarke A. Digital government units: what are they, and what do they mean for digital era public management renewal? *International Public Management Journal*. 2020;23(3):358–379. DOI: 10.1080/10967494.2019.1686447
4. Yao Y. Digital government information platform construction: Technology, challenges and prospects. *International Journal of Social Sciences and Public Administration*. 2024;(2):48–56. DOI:10.62051/ijsspa.v2n3.06
5. Erokhina O. V. Political participation in the digital society. *Vlast*. 2022;30(6):77–82. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9348>
6. Gruzdeva M. A. Inclusion of population in digital space: Global trends and inequality of Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(5):90–104. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9348>
7. Basova E. A. Digital inequality in Russian regions: Modern challenges and ways to overcome. *Issues of territorial development*. 2021;9(4):1–16. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5
8. Bajrami I., Bajrami T. The role and importance of civil initiatives in local governance. *Journal of Governance and Regulation*. 2024;13(2):126–134. DOI: 10.15838/tdi.2021.4.59.4
9. Bukalova D., Maland E. Mind the gap: Strategies from California on navigating access to public hearings. *Public Administration Review*. 2022;83(2):435–441. DOI:10.1111/puar.13581

10. Hepburn P. Local democracy in a digital age: Lessons for local government from the Manchester congestion charge referendum. *Local Government Studie*. 2014;40(1):82–101. DOI:10.1080/03003930.2013.829457
11. Castaño-Muñoz J., Colucci E., Smidt H. Free Digital learning for Inclusion of migrants and refugees in Europe: A qualitative analysis of three types of learning purposes. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2018;19(2):2–18. DOI:10.19173/irrodl.v19i2.3382
12. Kovács, É. The participatory budgeting and the collaborative governance movement at the Hungarian local government level. *Intersections. East European Journal of Society and Politics*. 2024;10(2):74–94. DOI:10.17356/ieejsp.v10i2.1285
13. Kopańska A., Asinski R. Fiscal and political determinants of local government involvement in public-private partnership (PPP). *Local Government Studies*. 2019;45(6):957–976. DOI:10.1080/03003930.2019.1635016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Оксана Валерьевна Ерохина — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Oksana V. Erokhina — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-5453-4118>

o.v.erokhina@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.05.2025; принята к публикации 09.07.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 01.05.2025; accepted for publication 09.07.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-76-84
УДК 351.74:004(045)

Ориентация деятельности органов исполнительной власти на оказание услуг населению

Л.В. Адамская

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается процесс **цифровой трансформации государственного управления** в России, где предоставление услуг в электронном формате является одной из важных функций исполнительной власти. **Ключевые показатели** развития электронного правительства демонстрируют значительный рост: в 2023 г. через портал «Госуслуги» оказано более 340 млн услуг, что на 100 млн превышает показатели предыдущего периода. **Основные направления** модернизации услуг включают внедрение клиентоцентричного подхода через «жизненные ситуации», развитие суперсервисов (например, «Поступление в вуз онлайн») и создание цифровых платформ («ГосТех», ФГИС ПГС). **Исследовательская цель** работы заключается в анализе методов перехода к сервисно-ориентированной модели управления и выявлении существующих барьеров. Среди основных препятствий отмечены: технологическое неравенство (78,4% доступ к интернету в сельской местности); организационные противоречия (интеграция 68% информационных систем); кадровый дефицит (недостаток 10 тыс. IT-специалистов). **Успешные практики** представлены работой Центров управления регионами (ЦУР) и Платформы обратной связи, охватывающей 20 тыс. органов власти. **Рекомендации** по преодолению проблем включают развитие цифровой инфраструктуры, совершенствование законодательства, внедрение искусственного интеллекта для анализа обращений граждан и усиление информационной безопасности. Реализация предложенных мер направлена на повышение качества государственных услуг, сокращение административных издержек и укрепление доверия граждан к государственным институтам в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровая трансформация; государственное управление; органы исполнительной власти; электронное правительство; развитие инфраструктуры сферы услуг

Для цитирования: Адамская Л.В. Ориентация деятельности органов исполнительной власти на оказание услуг населению. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):76-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-76-84

ORIGINAL PAPER

Orientation of the Activities of Executive Authorities Towards the Provision of Services to the Population

L.V. Adamskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article considers the process of digital transformation of public administration in Russia, where the provision of services in electronic format is one of the important functions of the executive authority. Key indicators for the development of e-government show significant growth: in 2023, more than 340 million services were provided through the Gosuslugi portal, which is 100 million more than in the previous period. The main directions of service modernization include the introduction of a customer-centric approach through “life situations”, the development of superservices (for example, “Online University Admission”) and the creation of digital platforms (Gostech, FGIS PGS). The research objective of the work is to analyze the methods of transition to a service-oriented management model and identify existing barriers. Among the main obstacles noted are: technological inequality (78.4% access to the Internet in rural areas); organizational contradictions (integration of 68% of information systems); staff shortage (lack of 10 thousand IT specialists). Successful practices are represented by the work of the Regional Management Centers (SDGs) and the Feedback Platform covering 20 thousand authorities. Recommendations to overcome the problems include the development of digital infrastructure, improvement of legislation, implementation of Artificial Intelligence to analyze citizens' appeals, and strengthening

information security. The implementation of the proposed measures is aimed at improving the quality of public services, reducing administrative costs and strengthening citizens' trust in government institutions in the digital age.

Keywords: digital transformation; public administration; executive authorities; e-government; development of service sector infrastructure

For citation: Adamskaya L.V. Orientation of the activities of executive authorities towards the provision of services to the population. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):76-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-76-84

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях цифровой трансформации государственного управления ориентация деятельности органов исполнительной власти на оказание услуг в электронной форме населению приобретает особую значимость. Переход от традиционной бюрократической модели к сервисно-ориентированному подходу становится необходимым условием эффективного функционирования государственного аппарата. Данное переформатирование обусловлено целым рядом факторов, определяющих актуальность рассматриваемой темы.

Во-первых, сервисная модель государственного управления предполагает принципиальное изменение взаимоотношений между государством и гражданами, где государство выступает не столько как властный регулятор, а как поставщик качественных услуг. Эта концепция находит свое отражение в современной парадигме государственного управления, получившей название «клиентоцентричный подход». Согласно данным TAdviser, в 2023 г. через портал «Госуслуги» было оказано более 340 млн услуг в электронном виде, что на 100 млн больше, чем в 2022 году¹. Такой значительный рост свидетельствует о востребованности сервисной модели среди населения и подтверждает актуальность ее дальнейшего развития.

Во-вторых, переход к сервисной модели государственного управления неразрывно связан с общим курсом на цифровую трансформацию, который реализуется в Российской Федерации. Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы определена как одна из семи национальных целей развития страны².

В-третьих, курс на переориентацию органов исполнительной власти на оказание услуг насе-

нию нашел отражение в ключевых национальных документах стратегического планирования. Указ Президента РФ № 309 определяет цифровую трансформацию государственного и муниципального управления как одну из национальных целей развития Российской Федерации. В рамках этой цели предусмотрено создание и запуск к 2030 г. цифровой платформы, способствующей формированию, поддержанию и сохранению здоровья человека на протяжении всей его жизни, на базе принципа управления на основе сервисов (например, «Поступление в вуз онлайн») в различных регионах.

Цель данного исследования — анализ методов и инструментов, используемых органами исполнительной власти в векторе ориентации на оказание услуг населению. В рамках работы рассматриваются предпосылки к цифровизации государственных услуг, существующие преграды, влияющие на качественное предоставление электронных государственных услуг в рамках принципа клиентоцентрированности [1], а также решения, позволяющие преодолеть эти барьеры. Полученные результаты могут быть использованы для выработки стратегических решений в области государственного управления в части предоставления органами исполнительной власти услуг населению.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования применен комплексный подход, сочетающий теоретический анализ нормативно-правовой базы и эмпирические методы оценки данных. Теоретическая часть основывалась на изучении ключевых документов стратегического планирования, включая Указ Президента РФ № 309, Федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а также региональные стратегии цифровой трансформации. Дополнительно анализировались материалы Минцифры России, отчеты Счетной палаты РФ и публикации TAdviser, посвященные развитию электронного правительства и суперсервисов.

Эмпирическая часть исследования включала анализ статистических данных, предоставленных Росстатом, Минцифры и Минэкономразвития России. Для оценки динамики цифровизации государствен-

¹ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/

² Суперсервисы: новые возможности для цифровой трансформации жизненных ситуаций. Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1008/>

ных услуг использовались показатели количества пользователей портала «Госуслуги», объема оказанных электронных услуг, уровня цифровой зрелости регионов (табл. 1) и индексов удовлетворенности граждан. Применялись методы сравнительного анализа, в том числе сопоставление эффективности внедрения суперсервисов (например, «Поступление в вуз онлайн») в различных регионах.

Особое внимание уделялось изучению структурных изменений в системе оказания услуг, включая переход к клиентоцентричной модели на базе «жизненных ситуаций», развитие платформенных решений («ГосТех», ФГИС ПГС) и создание Центров управления регионами (ЦУР). Для визуализации данных использовались табличные формы представления информации, такие как рейтинг цифровой зрелости субъектов РФ (табл. 2) и динамика ключевых показателей за 2018–2023 гг.

Кроме того, проведен анализ барьеров цифровой трансформации, включая технологическое неравенство, организационные противоречия и кадровые дефициты, на основе данных мониторингов Минцифры и Счетной палаты. Это позволило сформировать комплекс рекомендаций, направленных на повышение эффективности сервисно-ориентированной модели государственного управления.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Реформирование системы государственного управления и переход к сервисно-ориентированной модели оказания услуг в Российской Федерации имеет длительную историю, начавшуюся в начале 2000-х гг. [2]. Тогда была проведена реформа публичной власти и государственных услуг. В то время были заложены основы для цифровой трансформации госуслуг.

Дорожная карта цифровизации

Также в 2010 г. принят Федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», определивший правовые основы предоставления государственных и муниципальных услуг, права и обязанности органов власти и получателей услуг, а также заложивший основу для создания многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (далее — МФЦ) и развития электронного правительства. Кроме того, в 2008 г. была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, а в 2009 г. — Концепция формирования электронного правительства до 2010 г. Эти документы определили основные

направления и принципы внедрения информационно-коммуникационных технологий в сферу государственного управления³.

В последние пять лет в Российской Федерации ведется интенсивная работа над процессами цифровой трансформации государственного управления и переориентации деятельности органов исполнительной власти на оказание услуг населению [3]. Этот период характеризуется системными изменениями в подходах к предоставлению государственных услуг, внедрением инновационных технологических решений и совершенствованием нормативно-правовой базы. Рассмотрим основные направления реформ, реализуемых в данной сфере с 2020 г.

Одним из ключевых направлений реформирования системы оказания государственных услуг стал переход от ведомственного принципа к клиентоцентричному подходу, основанному на концепции «жизненных ситуаций». Согласно этой концепции услуги должны группироваться вокруг типичных жизненных ситуаций граждан (рождение ребенка, поступление в вуз, выход на пенсию и т.д.), что позволяет обеспечить комплексное решение проблем заявителя при минимальных затратах времени и усилий с его стороны [4]. В рамках реализации данного подхода на портале «Госуслуги» созданы специальные разделы, посвященные различным жизненным ситуациям, где собрана вся необходимая информация и доступны соответствующие услуги. Например, в разделе «Рождение ребенка» можно получить информацию о всех положенных выплатах и льготах, подать заявление на получение свидетельства о рождении, оформить материнский капитал и т.д.⁴.

Важным направлением реформирования системы оказания государственных услуг стало развитие суперсервисов — комплексных государственных услуг, сгруппированных по жизненным ситуациям и предоставляемых проактивно с минимальным участием заявителя. В 2019–2020 гг. Минцифры России совместно с заинтересованными ведомствами разработало концепции 25 суперсервисов, включая «Рождение ребенка», «Поступление в вуз онлайн», «Социальная поддержка онлайн», «Цифровое исполнительное производство», «Онлайн помощь при инвалидности» и др.

³ Электронное правительство России. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>

⁴ Раздел «Жизненные ситуации» единого портала государственных и муниципальных услуг (функций). URL: <https://www.gosuslugi.ru/life-situations>.

Таблица 1 / Table 1

**Индекс цифровой зрелости регионов Российской Федерации (топ-10 регионов, 2023 г.) /
Digital Maturity Index of the Regions of the Russian Federation (Top 10 Regions, 2023)**

Место	Регион / Region	Индекс цифровой зрелости, % / Digital Maturity Index (%)
1	Москва	95,2
2	Санкт-Петербург	92,8
3	Республика Татарстан	91,5
4	Московская область	90,3
5	Ханты-Мансийский АО	89,7
6	Тульская область	88,9
7	Белгородская область	88,4
8	Ямало-Ненецкий АО	87,6
9	Липецкая область	87,2
10	Калужская область	86,8

Источник / Source: данные Минцифры России, 2023 г. / Data from the Ministry of Digital Development of the Russian Federation, 2023.

С 2020 г. началось их поэтапное внедрение. Сервис «Поступление в вуз онлайн» — один из наиболее успешных примеров реализации, позволяющий абитуриентам подавать документы в вузы через Госуслуги без личного посещения приемных комиссий [5, 6]. В 2020 г. к сервису были подключены 54 вуза, в 2021 г. — 135, а в 2023 г. — уже более 1000 образовательных организаций⁵.

Параллельно с развитием суперсервисов шло внедрение платформенных решений, обеспечивающих технологическую основу для цифровой трансформации государственного управления. Ключевым проектом в этой области стала цифровая платформа «ГосТех», запущенная в 2020 г. Платформа «ГосТех» представляет собой единую технологическую среду для создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем⁶. В 2023 г. на базе платформы «ГосТех» была создана Федеральная государственная информационная система «Единая система предоставления государственных и муниципальных услуг (сервисов)» (ФГИС ПГС), которая обеспечивает возможность создания и настройки процессов предоставления государственных услуг в электронном виде без

обширных знаний в области программирования⁷. В 2025 г. Минцифры России подготовило для внедрения в регионах ряд типовых информационных систем на базе ФГИС ПГС, включая «Государственный строительный надзор», «Государственная жилищная инспекция», «Мой питомец», «Управление захоронениями» и др⁸.

Безусловно, переход на систему предоставления услуг в цифровом формате населению на базе принципа клиентоцентричности не был бы возможен без обеспечения должного уровня цифровой готовности субъектов РФ. В связи с этим на региональном уровне в 2021 г. были утверждены стратегии цифровой трансформации всех 85⁹ субъектов Российской Федерации¹⁰. Эти стратегии определили приоритетные направления и мероприятия по цифровизации ключевых отраслей экономики и социальной сферы регионов, включая здравоохранение, образование, государ-

⁷ Цифровизация регионов России. TADVISER. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Цифровизация_регионов_России

⁸ Указ Президента РФ от 04.03.2020 № 172 «О дополнительных мерах по обеспечению социально-экономического развития субъектов Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/

⁹ В 2025 г. субъектов РФ — 89.

¹⁰ Отчет о результатах функционирования Платформы обратной связи в 2023 году. Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/51535/>

⁵ Итоги приемной кампании 2023 года. Минобрнауки РФ URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/72194/>

⁶ URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт: ГосТех_\(Единая_цифровая_платформа_РФ\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт: ГосТех_(Единая_цифровая_платформа_РФ))

ственное управление, городское хозяйство и др. Для координации процессов цифровой трансформации в регионах введены должности руководителей цифровой трансформации (РЦТ) — заместителей высших должностных лиц субъектов РФ, ответственных за реализацию стратегий цифровой трансформации¹¹. С 2025 г. изменена методология расчета рейтинга региональных руководителей цифровой трансформации, что свидетельствует о повышении значимости этого направления в системе государственного управления¹². Так, в 2023 г. Минцифры России поделились информацией по оценке индекса цифровой зрелости регионов Российской Федерации (табл. 1).

Важным элементом цифровой трансформации государственного управления стало создание Центров управления регионами (ЦУР) — организационных структур, обеспечивающих координацию работы органов власти и организаций по мониторингу и обработке обращений и сообщений граждан. ЦУРы созданы во всех субъектах РФ в 2020 г. в соответствии с поручением Президента России¹³, их основные задачи: мониторинг и анализ обращений граждан, выявление первопричин системных проблем, координация работы органов власти по их устранению, а также информирование граждан о принимаемых мерах.

Для обеспечения эффективной обратной связи между гражданами и органами власти в 2020 г. запущена Платформа обратной связи (ПОС) — информационная система, интегрированная с порталом «Госуслуги» и позволяющая гражданам направлять обращения в органы власти, участвовать в опросах и голосованиях, оценивать качество предоставления государственных услуг¹⁴. По состоянию на 2023 г.,

к Платформе обратной связи подключены все субъекты РФ и более 20 тыс. органов власти и организаций¹⁵. Для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти в сфере цифровой трансформации и оказания государственных услуг разработаны различные индексы и рейтинги. В 2020 г. введен показатель «Цифровая зрелость» органов государственной власти, который учитывается при оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ¹⁶. В 2025 г. Минэкономразвития России изменило методику расчета этого показателя, что свидетельствует о постоянном совершенствовании системы оценки¹⁷.

Препятствия для реализации сервисной модели

Несмотря на значительные успехи в цифровой трансформации государственного управления и переориентации деятельности органов исполнительной власти на оказание услуг в цифровом формате населению, в этой сфере сохраняется ряд проблем и барьеров, препятствующих полноценной реализации сервисной модели. Так, выделяют несколько проблем, с которыми сталкиваются органы исполнительной власти при осуществлении перехода на цифровой формат предоставления услуг населению:

1. Технологические барьеры и проблемы цифрового неравенства. По данным исследования Росстата, в 2023 г. доля домохозяйств, имеющих доступ к интернету, составила 85,6%, при этом в городской местности этот показатель достигал 88,2%, а в сельской — только 78,4%. Таким образом, значительная часть населения, особенно в сельской местности, имеет ограниченные возможности для получения государственных услуг в электронном виде.

2. Организационные и административные барьеры. Несмотря на развитие системы межведомственного электронного взаимодействия, многие государственные органы продолжают функциони-

¹¹ Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102040026>

¹² Информационное общество в Российской Федерации. 2023: статистический сборник. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Inf-obs_2023.pdf

¹³ Анализ эффективности функционирования системы межведомственного электронного взаимодействия в 2021–2023 гг. URL: <https://ach.gov.ru/checks/39442?highlight-search-result=KYP&ysclid=mcoitnhub552020527>; https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: ИТ_в_федеральных_ведомствах_России; [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Счетная_Палата_РФ_\(СП_РФ\)#2023:_Выявление_при_проверке_ГИС_нарушений_на_14,1_млрд_рублей](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Счетная_Палата_РФ_(СП_РФ)#2023:_Выявление_при_проверке_ГИС_нарушений_на_14,1_млрд_рублей)

¹⁴ Доклад об оценке фактического воздействия норматив-

ных правовых актов в сфере оказания государственных услуг за 2023 г. Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/razvitie_ocenki_reguliruyushchego_vozdeystviya/

¹⁵ Федеральный закон от 31.03.2023 № 231-ФЗ «О государственных информационных системах». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310057>

¹⁶ Кадровое обеспечение цифровой трансформации государственного управления. Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/>

¹⁷ Мониторинг качества предоставления государственных услуг в 2023 году. Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/vnedrenie_novyh_principov_predostavleniya_uslug/ocenka_kachestva_gosuslug/

ровать в рамках «информационных силосов», что затрудняет обмен данными и комплексное решение проблем граждан. По данным Счетной палаты РФ, в 2023 г. только 68% государственных информационных систем федеральных органов исполнительной власти были интегрированы с системой межведомственного электронного взаимодействия.

3. Проблемы нормативно-правового регулирования. Несогласованность и противоречивость нормативных правовых актов проявляется в наличии различных требований к одним и тем же процедурам в разных нормативных документах. По данным Минэкономразвития России, в 2023 г. было выявлено более 200 нормативных правовых актов, содержащих противоречивые или дублирующие требования в сфере оказания государственных услуг. Отставание законодательства от технологического развития порождает правовые пробелы и неопределенности в регулировании новых форм и способов оказания государственных услуг. Например, до принятия в 2023 г. Федерального закона «О государственных информационных системах» отсутствовало комплексное регулирование вопросов создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем, что затрудняло их эффективное использование для оказания государственных услуг¹⁸.

4. Кадровые проблемы и сопротивление изменениям. наблюдается значительный дефицит специалистов в области информационных технологий в государственном секторе. По оценкам Минцифры России, в 2023 г. потребность федеральных и региональных органов исполнительной власти в ИТ-специалистах составляла около 25 тыс. человек, при этом фактическая численность таких специалистов не превышала 15 тыс.

5. Проблемы обратной связи и учета мнения граждан. По данным мониторинга качества предоставления государственных услуг, проведенного Минэкономразвития России в 2023 г., только 32% граждан, направивших обращения через Платформу обратной связи, были полностью удовлетворены полученными ответами. Многие граждане отмечают формальный характер ответов, отсутствие конкретных решений проблем и длительные сроки рассмотрения обращений [7].

6. Проблемы безопасности и защиты персональных данных. Недостаточный уровень защищенности государственных информационных систем

связан с использованием устаревших технологий, отсутствием комплексного подхода к обеспечению информационной безопасности и недостатком квалифицированных специалистов в этой области. По данным Счетной палаты РФ, в 2023 г. только 72% государственных информационных систем федеральных органов исполнительной власти полностью соответствовали требованиям по защите информации.

Несомненно, рассмотренные проблемные поля и барьеры, встречающиеся на пути к реализации органами исполнительной власти своей функции по оказанию услуг населению, препятствуют движению по траектории взятого вектора на клиентоцентричный подход, который основан на концепции «жизненных ситуаций». Согласно информации Минцифры России и Росстата ежегодно отмечается рост электронных услуг, которые предоставляются населению.

Данные табл. 2 подтверждают рост популярности электронных услуг и удовлетворенность ими населения. За пять лет количество пользователей ЕПГУ увеличилось на 30,23%, или на 26 млн чел. Таким образом, существует необходимость в рассмотрении рекомендаций и решений, которые позволили бы нивелировать эффект воздействия данных барьеров на успешность трансформации в деятельности органов власти.

В урегулировании неравенства технологической оснащенности регионов необходимо стимулировать развитие альтернативных технологий доступа к интернету в труднодоступных районах, включая спутниковый интернет и технологии фиксированного беспроводного доступа.

Очевидно, что преодоление организационно-административных барьеров возможно только с помощью интеграции системы межведомственного электронного взаимодействия в государственные информационные системы. Здесь лучшим решением могло бы стать создание единой цифровой платформы для обмена данными между ведомствами разных уровней власти.

Для устранения противоречий и пробелов в законодательстве, а также снижения административных барьеров можно не только разработать и принять единый кодекс государственных услуг, систематизирующий нормативно-правовое регулирование в данной сфере, но и разработать и внедрить механизмы автоматического предоставления государственных услуг без заявления гражданина при наступлении определенных жизненных событий [8].

Для решения кадровых проблем и преодоления сопротивления изменениям необходимо через

¹⁸ Платформа обратной связи. Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1040/>

Таблица 2 / Table 2

**Динамика развития электронных государственных услуг в Российской Федерации (2018–2023 гг.) /
Dynamics of development of electronic government services in the Russian Federation (2018–2023)**

Показатель / Indicator	Год / Year					
	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Количество пользователей ЕПГУ (млн чел.)	86	94	126	138	99	112
Количество электронных услуг на ЕПГУ (тыс.)	15	17	19	21	23	25
Количество оказанных электронных услуг (млн)	182	223	228	270	310	340
Доля граждан, использующих электронные госуслуги (%)	74,8	77,6	81,2	83,6	85,2	87,5
Количество МФЦ (тыс.)	2,7	2,7	2,7	2,7	2,7	2,7
Количество услуг, оказанных через МФЦ (млн)	85	90	80	85	95	100
Уровень удовлетворенности граждан качеством госуслуг (%)	90,1	90,8	91,2	91,8	92,3	93,1

Источник / Source: данные Минцифры России, Росстата, 2023 г. / Data from the Ministry of Digital Development of the Russian Federation, Rosstat, 2023.

специальные программы привлекать молодых ИТ-специалистов на государственную службу, включая стажировки, программы ротации и наставничества. Также эффективным решением было бы разработать и внедрить модель цифровых компетенций государственных служащих, учитывающую специфику их деятельности и современные технологические тренды.

Чтобы устранить неточности в обратной связи от граждан, стоит разработать и внедрить стандарты обработки обращений граждан, включающие требования к срокам, качеству ответов и последующим действиям [9]. А для того чтобы эффективно использовать новые возможности от упомянутой рекомендации, органы государственной власти могут инициировать внедрение технологии искусственного интеллекта для анализа обращений граждан и выявления системных проблем.

Наконец, последним, но не менее важным шагом для органов исполнительной власти, является решение вопросов информационной безопасности. Для этого стоит создать систему непрерывного мониторинга и аудита информационной безопасности государственных информационных систем. Внедрить современные технологии защиты информации, включая многофакторную аутентификацию, шифрование данных, технологии блокчейн для обеспечения целостности данных [10].

Рассмотренные меры в своей совокупности должны оказать положительный эффект на пути к разрешению проблем, связанных с деятельнос-

тью органов исполнительной власти по оказанию услуг населению. Они комплексно закрывают весь спектр возможных несовершенств — от юридических и организационно-административных до технологических и информационных.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно отметить, что ориентация деятельности органов исполнительной власти на оказание услуг населению является ключевым направлением трансформации государственного управления в современном мире. Этот процесс обусловлен изменением общественных ожиданий, развитием цифровых технологий и необходимостью повышения эффективности государственного управления.

В Российской Федерации за последние годы достигнуты значительные успехи в сфере цифровизации государственных услуг, создана необходимая инфраструктура, разработаны и внедрены ключевые информационные системы. Однако сохраняется ряд проблем и барьеров, препятствующих полноценной трансформации государства в сервисную организацию.

Для преодоления этих проблем необходим комплексный подход, включающий развитие цифровой инфраструктуры, совершенствование нормативно-правовой базы, развитие цифровых компетенций государственных служащих и граждан, внедрение инновационных технологий и методов проектирования услуг.

Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить качество и доступность государственных услуг, снизить административные барьеры, повысить удовлетворенность граждан взаимодейст-

вием с государством и, в итоге, способствовать формированию эффективного, клиентоориентированного государственного управления, отвечающего потребностям и ожиданиям граждан в цифровую эпоху.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Москалюк Д.С. Оценка проблем внедрения клиентоцентричного подхода в системе предоставления государственных услуг. Перспективные направления развития государственного и муниципального управления: материалы I Международной научно-практической конференции, Симферополь, 12 ноября 2024 года. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал»; 2024:133–135. URL: <https://www.elibrary.ru/jbutwe>
2. Рябова Г.М., Рыбакова А.В., Койнов А.В. Использование современных технологий для повышения эффективности предоставления государственных услуг. Актуальные проблемы социального управления: Сборник трудов V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 12 декабря 2024 года. Москва: ООО «Ритм», 2024:108–112. URL: <https://www.elibrary.ru/ntvsfj>
3. Яковлев-Чернышев В.А. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации: преимущества и риски. *Вестник Административного права и практики администрирования*. 2021;2:42–51. DOI: 10.7256/2306-9945.2021.2.36011
4. Якубова Д.Р. Оценка эффективности и качества предоставления государственных и муниципальных услуг. *Плекхановский барометр*. 2023;1(33):56–60. URL: <https://www.elibrary.ru/xbnagk>
5. Попова Н.Ф. Необходимость цифровизации государственного управления в РФ. *Административное право и процесс*. 2020;2:48–53. URL: <https://www.elibrary.ru/xbnagk>
6. Головина С.Ю., Зайцева Л.В. Электронный кадровый документооборот: от правового эксперимента к практике. *Правоприменение*. 2022;2:241–256. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).241-256
7. Мочалова В.А. Совершенствование взаимодействия органов государственной власти с общественными объединениями и гражданами при предоставлении государственных услуг. *Бюллетень науки и практики*. 2022;8(7):427–431. DOI: 10.33619/2414-2948/80/42
8. Чистова М.С. Правовое регулирование организации деятельности органов исполнительной власти по оказанию услуг населению. Теоретические и практические проблемы современного правопонимания: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции Юридического факультета МАГУ, Мурманск, 28–30 ноября 2022 г. Мурманск: Мурманский арктический государственный университет; 2023:341–347. URL: <https://www.elibrary.ru/yjxawa>
9. Ковшова Е.В., Бабаев Д.Б. Предоставление государственных и муниципальных услуг с использованием новых информационных технологий: оценка нормативного регулирования. *Экономика и социум*. 2021;2–1(81):725–732. URL: <https://www.elibrary.ru/alhdbh>
10. Виноградова Е.В., Данилевская И.Л., Патюлин Г.С. Исполнительная власть в конституционно-правовом дизайне современной России. Правительство: статус, полномочия, функции. *Труды Института государства и права РАН*. 2021;5:25–53. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-vinogradova-danilevskaya-patiulin

REFERENCES

1. Moskaluk D.S. Assessment of the problems of introducing a client-centric approach in the public service delivery system. Promising areas for the development of public and municipal administration: Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference, Simferopol, November 12, 2024. Simferopol: Arial Printing House, LLC; 2024:133–135. URL: <https://www.elibrary.ru/jbutwe> (In Russ.).
2. Ryabova G.M., Rybakova A.V., Koinov A.V. The use of modern technologies to improve the efficiency of public services. Actual problems of social management: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, December 12, 2024. Moscow: Ritm LLC, 2024:108–112. URL: <https://www.elibrary.ru/ntvsfj> (In Russ.).
3. Yakovlev-Chernyshev V.A. Digitalization of public administration in the Russian Federation: Advantages and risks. *NB: Administrative law and administrative practice*. 2021;2:42–51. (In Russ.). DOI: 10.7256/2306-9945.2021.2.36011
4. Yakubova D.R. Evaluation of the effectiveness and quality of public and municipal services. *The Plekhanov Barometer*. 2023;1(33):56–60. URL: <https://www.elibrary.ru/xbnagk> (In Russ.).

5. Popova N.F. The need for digitalization of public administration in the Russian Federation. *Administrative Law and Process*. 2020;2:48–53. URL: <https://www.elibrary.ru/xbnagk> (In Russ.).
6. Golovina S. Yu., Zaytseva L. V. Electronic personnel document management: From legal experiment to practice. *Law Enforcement Review*. 2022;2:241–256. (In Russ.). DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).241-256
7. Mochalova V. A. Improvement of the interaction between state authorities with public associations and citizens in the provision of public services. *Bulletin of Science and Practice*. 2022;8(7):427–431. (In Russ.). DOI: 10.33619/2414-2948/80/42
8. Chistova M. S. Legal regulation of the organization of activities of executive authorities for the provision of services to the public. Theoretical and practical problems of modern legal understanding: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference of the MAGU Faculty of Law, Murmansk, November 28–30, 2022. Murmansk: Murmansk Arctic State University; 2023:341–347. URL: <https://www.elibrary.ru/yjxawa> (In Russ.).
9. Kovshova E. V., Babaev D. B. Provision of state and municipal services using new information technologies: Assessment of regulatory regulation. *Economics and society*. 2021;2–1(81):725–732. URL: <https://www.elibrary.ru/alhdbb> (In Russ.).
10. Vinogradova E. V., Danilevskaya I. L., Patulin G. S. Executive power in the constitutional legal design of modern Russia. Government: Status, Authority, Functions. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2021;5:25–53. (In Russ.). DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-vinogradova-danilevskaya-patulin

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Любовь Владимировна Адамская — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Lubov V. Adamskaya — Cand. Sci. (Socio.), Assoc. Prof. at the Department of State and Municipal Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-2863-6855>
adamskaia@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.06.2025; принята к публикации 01.07.2025.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received 23.06.2025; accepted for publication 01.07.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-85-100
 УДК 159.922+159.923.2:316.772.5(045)

Когнитивные и ценностные трансформации современной молодежи в условиях цифровизации

Ю.Е. Овчинникова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется феномен «клипового мышления» как концепта, широко используемого в гуманитарных науках для объяснения негативных тенденций, с которыми сталкиваются более старшие поколения при взаимодействии с молодыми людьми. В частности, преподаватели в вузах отмечают снижение способности к длительной концентрации внимания, социальный цинизм и даже интеллектуальную деградацию молодежи. Несмотря на активное использование термина «клиповое мышление» в российской науке, отсутствует его нейрофизиологическая верификация, что создает пробел в понимании адаптационных механизмов молодого поколения. Также существует представление о некоторых особенностях ценностных ориентаций современной молодежи, которые могут влиять на взаимопонимание между представителями разных поколений. В статье предлагается противопоставить понятию «клиповое мышление» — понятие «цифровое мышление» как способности систематизировать информацию и работать с алгоритмами. Представители поколения Z демонстрируют работу компенсаторных механизмов, обусловленных нейропластичностью. Концепт «клипового мышления» требует пересмотра в пользу модели адаптивной мультифокальности. На основе эмпирических данных были исследованы ценностные профили разных поколений (BB, X, Y, Z) и выявлены специфические черты поколения Z. Ценностный профиль поколения Z характеризуется доминированием гедонизма, достижений и самостоятельности при снижении значимости традиций, что относится к мотивационной направленности «открытость изменениям и самоутверждение». Как показал анализ, личность представителя поколения Z является достаточно прагматичной и практичной. Именно такие качества личности и ценности позволяют добиваться успеха в существующей конкурентной социальной среде и демонстрируют адаптационные стратегии молодежи в условиях «большой неопределенности».

Ключевые слова: клиповое мышление; цифровое мышление; медианогозадачность; поколение Z; ценностные ориентации; когнитивные функции; цифровизация; информационная нагрузка

Для цитирования: Овчинникова Ю.Е. Когнитивные и ценностные трансформации современной молодежи в условиях цифровизации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):85-100. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-85-100

ORIGINAL PAPER

Cognitive and Value Transformations of Modern Youth in the Context of Digitalization

Yu.E. Ovchinnikova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes the phenomenon of “clip thinking” as a concept widely used in the humanities to explain the negative trends that older generations face when interacting with young people. In particular, university professors note a decrease in the ability to concentrate for a long time, social cynicism, and even intellectual degradation of young people. Despite the active use of the term “clip thinking” in Russian science, there is no neurophysiological verification of it, which creates a gap in understanding the adaptive mechanisms of the younger generation. There is also an idea of some features of the value orientations of modern youth that can affect mutual understanding between representatives of different generations. The article proposes to contrast the concept of “clip thinking” with the concept of “digital thinking” as the ability to systematize information and work with algorithms. Representatives of Generation Z demonstrate the work of compensatory mechanisms due to neuroplasticity. The concept of “clip thinking” requires revision in favor of the adaptive multifocality model. Based on empirical data, the value profiles of different generations (BB, X, Y, Z) were studied and specific features of generation Z

were identified. The value profile of generation Z is characterized by the dominance of hedonism, achievements and independence with a decrease in the importance of traditions, which relates to the motivational focus of “openness to change and self-affirmation”. As the analysis showed, the personality of a representative of generation Z is quite pragmatic and practical. It is these personal qualities and values that allow one to achieve success in the existing competitive social environment and demonstrate the adaptation strategies of young people in conditions of “great uncertainty”.

Keywords: clip thinking; digital thinking; media multitasking; generation Z; value orientations; cognitive functions; digitalization; information load

For citation: Ovchinnikova Yu.E. Cognitive and value transformations of modern youth in the context of digitalization. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):85-100. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-85-100

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая трансформация когнитивных процессов и ценностных ориентиров молодежи представляет неоднозначный феномен, сочетающий в себе риски дезадаптации и потенциал эволюционного скачка. Ключевой парадокс современности заключается в противоречии между образовательной системой, основанной на линейных стандартах (ЕГЭ, шаблонные учебные планы), и когнитивным профилем «цифровых аборигенов», требующим нелинейных форматов. Ценностные сдвиги часто трактуются как инфантильность молодого поколения и неспособность решать «важные жизненные задачи». Однако мы иногда забываем факт, что цифровизацию «создали» более старшие поколения, не имевшие собственного опыта пребывания в подобной среде с раннего детства. По сути, сегодня молодое поколение демонстрирует работу адаптивных механизмов, позволяющих приспособиться к этой среде.

Можно сказать, что природа не готовила человеческий мозг к общению с виртуальной реальностью.

Цифровизация трансформирует не только когнитивные процессы, но и ценностные ориентиры молодежи. Поколение Z развивает компенсаторные стратегии, позволяющие адаптироваться к информационной перегрузке, но провоцирующие риски формирования поверхностного мышления, снижения критического анализа.

Ключевая задача гуманитарных наук — учесть нейрокогнитивные особенности «цифровых аборигенов» и сбалансировать развитие системного мышления без подавления их адаптационного потенциала. На этом основании подчеркнем основные задачи исследования:

- 1) выделить когнитивные особенности современного молодого поколения в связи с воздействием цифровизации;
- 2) определить ценностные ориентации молодого поколения в сравнении с другими поколениями;
- 3) определить риски и потенциальные возможности, возникающие в ходе когнитивных и ценностных трансформаций современной молодежи в условиях цифровизации.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОГНИТИВНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Особое место в современных научных дискуссиях занимает понятие «клиповое мышление». Данная теория разрабатывается в основном отечественными учеными и постепенно превращается в некую универсальную конструкцию, которой пытаются объяснить самые разнообразные негативные явления и процессы. В качестве последствий внедрения клипового мышления рассматривают интеллектуальную деградацию молодежи, падение качества образования, эйджизм, социальный цинизм.

Основные характеристики «клипового мышления»: разрозненность, отсутствие систематичности, недостаточная осмысленность, поверхностный характер усвоения информации, нарушение причинно-следственных связей в письменной и устной речи. С помощью клипового мышления человек воспринимает окружающий мир в виде фрагментарных, коротких, разрозненных порций. Иногда его называют еще дефрагментированным мышлением, когда информация потребляется через визуальные образы. Возникновение «клипового мышления» часто связывают с внедрением огромного потока информации, который человеческому сознанию стало трудно охватывать. При этом поток визуальной информации стал преобладать над вербальным. Раньше в качестве основных носителей информации выступали книги, содержащие в себе определенную структуру и закономерность, благодаря чему складывалась более-менее согласованная картина мира. Сегодня же мир предстает в виде коротких и ярких образов, которые сменяют друг друга с высокой скоростью.

Клиповое мышление и медиамногозадачность

В научной среде наблюдается попытка создания концепции данного феномена [1], идет поиск методологических обоснований с позиций культурологии, психологии, лингвистики и философии [2–6]. Исследователи соотносят существование клипового мышления с развитием цивилизации, которое по-

дразует развитие умения переключаться, чтобы успешно усваивать поступающую информацию, защищать психику от чрезмерной информационной нагрузки.

Однако в науке вопрос о существовании клипового мышления дискуссионен. Одним из первых о клиповой культуре и клиповом мышлении стал говорить А. Тоффлер. По его словам, современный человек не получает готовую ментальную модель и вынужден все время ее формировать и переформировывать. С одной стороны, это тяжелая ноша, однако, в то же время, она ведет к развитию индивидуальности, «демассификации» личности и культуры. Кто-то ломается под этим давлением, отступает, испытывая гнев или апатию. А кто-то постоянно растет, формирует себя, становится более грамотным человеком, способным работать на качественно ином уровне [7]. Таким образом, речь идет не о клиповом мышлении, а о клиповой культуре, зародившейся из разнообразных потоков информации, поступающих от современных медиа. Для ее восприятия достаточно фиксировать некие фрагменты информации, между которыми, как правило, отсутствует логическая связь. Параллельно с этим мы можем говорить о возникновении цифрового мышления, кардинальным образом отличающегося от клипового.

Цифровое мышление позволяет выявить и систематизировать алгоритмы информации, упорядочить и найти логику. Таким образом, нельзя сводить мышление «цифровых аборигенов» только лишь к клиповому. Очевидно, что среди современных молодых людей встречаются обладатели как «клипового», так и «цифрового мышления». Основное отличие заключается в том, что у «клиповиков» мышление *мультиканально*, а у «цифровиков» *многозадачно* и способно одновременно работать с разной информацией, а не просто перескакивать с одного на другое [8]. Дискуссия исследователей в гуманитарных науках сводится к обсуждению клипового и цифрового мышления на феноменологическом уровне. Однако интересно обратиться к опыту специалистов в области нейропсихологии и психофизиологии, которые изучают изменение когнитивных функций под воздействием цифровых технологий [9]. Молодое поколение «цифровых аборигенов» выросло в окружении интернет-технологии, которая стремится к большей мощности и, одновременно, компактности.

Нейрофизиологи из Принстонского университета обнаружили, что мозг задействует разные области при реагировании на краткосрочные и долгосрочные вознаграждения. Когда принимаются решения,

мгновенно удовлетворяющие наши потребности, активируется эмоциональный центр мозга, находящийся в лимбической системе. Если вознаграждение отложено во времени и ожидается в будущем, то происходит активизация в мозговых центрах логики в лобной доле и теменной.

Молодое высокотехнологичное поколение часто находит обычное телевидение слишком вялым и скучным. Молодые люди сегодня тратят на отдых гораздо меньше времени, чем когда-либо прежде. Их привлекает медиамногозадачность и постоянная стимуляция. Они стремятся делать несколько дел одновременно, например, делать домашнее задание, переписываться с друзьями и загружать музыку. Но исследования показывают, что слишком высокая многозадачность может привести не только к увеличению стресса и дефицита внимания, а также к снижению производительности труда и личной эффективности. Одновременное выполнение задач приводит к поверхностному представлению и не позволяет глубоко освоить материал [10].

Интернет имеет беспрецедентный потенциал для захвата внимания и это, в первую очередь, ощущают работники сферы образования. Большинство учителей подтверждают, что цифровые технологии создают легко отвлекаемое поколение. Новый термин «медиамногозадачность», появившийся с развитием интернета, подразумевает, что внимание постоянно переключается на гиперссылки, уведомления, подсказки, побуждающие взаимодействовать с ними одновременно.

Исследования медиамногозадачности и ее влияние на когнитивные способности

Е. Ophir и соавторы исследовали влияние медиамногозадачности на когнитивные способности. При сравнении когнитивных тестов двух групп испытуемых доказано, что постоянно пребывающие в режиме медиамногозадачности имеют более низкие показатели в тестах переключения задач, чем люди, избегающие такой практики. Плохие результаты первой группы обусловлены повышенной отвлекаемостью и низкой концентрацией внимания [11].

Есть и психологические исследования изменений когнитивных функций под воздействием интернета. Г.У. Солдатовой проведено исследование когнитивного развития старших подростков — представителей поколения Z и зафиксирована зависимость от пользовательской активности. Так, подростки со средней пользовательской активностью показали более высокую продуктивность при выполнении некоторых нейропсихологических методик. Они

лучше выполняют счетные операции в уме, меньше других допускают ошибки при запоминании двух групп слов и быстрее реагируют в *тесте Точки* (проективная методика Точки), демонстрируют лучшие результаты, воспроизводя запоминаемые фигуры.

Интересным представляется тот факт, что были обнаружены различия в результатах нейропсихологических методик у мальчиков и девочек с различной пользовательской активностью. Мальчики с самой низкой и самой высокой пользовательской активностью лучше выполняли серийный счет в то время, как девочки в крайних группах по пользовательской активности показали самые плохие результаты. Лучшие показатели серийного счета наблюдались у девочек со средней пользовательской активностью. В результатах некоторых методик (составление рассказа, объем слухоречевой памяти, отсроченное воспроизведение слов) у девочек при возрастании пользовательской активности падала продуктивность. У мальчиков с возрастанием пользовательской активности продуктивность становилась, наоборот, лучше [12].

В другом исследовании показана связь медианногозадачности с когнитивными функциями. При выборе в квазиэксперименте более однозадачной стратегии, предполагающей последовательное и внимательное выполнение заданных инструкцией шагов эксперимента, наблюдались более высокие показатели исполнительных функций. У однозадачников зафиксировано меньшее количество ошибок, связанное с оттормаживанием неадекватного ответа. Такое поведение может быть связано с низким уровнем импульсивности. Данный вывод согласуется и с исследованиями других авторов, связывающих медианногозадачность подростков с недостаточным когнитивным контролем и повышенным уровнем импульсивности, влияющим на исполнительные функции [13].

Таким образом, исследования показывают, что представители поколения Z демонстрируют работу компенсаторных механизмов, обусловленных нейропластичностью. Снижение глубины запоминания нивелируется развитием алгоритмического мышления. Однако цена этой адаптации — повышение импульсивности, дефицит долгосрочного планирования, эмоциональное выгорание от многозадачности.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Переходя к рассмотрению вопроса о ценностях поколения Z, следует отметить, что категория «ценностей» является одной из наиболее сложных в психологии, так как представлена одновременно

как мотивационными, так и когнитивными компонентами. Ценности человека формируются под воздействием культуры, определяющей способ отбора информации в процессе общения, выбор стратегий и стилей разрешения конфликтов, характеристики социальных отношений.

Психологические исследования ценностей современной молодежи показывают, что современные поколения выделяют в качестве базовых — ценности личной жизни (здоровье, семья, друзья, любовь). В это же время духовные и социальные ценности (общественное признание, творчество, активная деятельная жизнь, красота природы) не находят значимого отклика. При сравнительном анализе результатов ответы представителей одинаковых возрастных групп 17-летних, но опрошенных в 2005 и 2017 гг. (то есть те, кто сейчас относится к поколениям Y и Z), говорят о различиях в значимых ценностях. У представителей поколения Z снизилась значимость ценности здоровья (с 74,4 до 54,8%), выросла значимость «счастливой семейной жизни» (с 41,9% до 53,7%). Однако исследователи прогнозируют дальнейшее изменение ценностных ориентаций в сторону социальных ценностей (карьеры и благосостояния) по мере взросления поколения [14].

Что касается мотивов и стремлений, то поколение Z, по сравнению с предыдущими, не строит планов об изменении мира. Для современных молодых людей главное — обрести счастье в личной жизни, не быть бедным, но при этом статус не так важен. Гораздо важнее избежать риска. Многие предпочитают работу на себя и уже сегодня зарабатывают деньги в интернете. Частый уход в компьютерную реальность также рассматривается как эскапизм или бегство от проблем. Самая большая проблема подрастающего поколения — инфантилизм и нежелание брать на себя ответственность при решении жизненных проблем. Если раньше границей перехода от детства к взрослости было окончание школы и поступление в ВУЗ, то сейчас детство растягивается и на студенческие годы. Этому способствуют и родители, всячески опекающие и защищающие от столкновения с реальными жизненными проблемами людей, перешагнувших 18-летний рубеж.

Завышенная самооценка и внешний локус контроля — еще одна особенность представителей поколения Z. Иными словами, присутствует постоянное ожидание похвалы со стороны других (в частности, родителей и преподавателей). Молодые люди тяжело реагируют на критику, боятся неудач, и их мотивация характеризуется стремлением избежать

неуспеха. Помимо этого, присутствуют и другие ярко выраженные страхи, такие как страх одиночества, страх не соответствовать собственным ожиданиям и ожиданиям других значимых людей. Выражено стремление получить как можно больше положительных эмоций, присутствует гедонизм (ориентация на удовольствия) [15]. Современные молодые люди хотят иметь сразу высокооплачиваемую должность, долгий путь по карьерной лестнице не представляется им интересным.

Если говорить о положительных моментах, то большинство представителей поколения Z проявляют интерес к сфере высоких технологий, имеют интересы в области биомедицины, робототехнологии, кибернетики, технических и компьютерных наук, гуманитарных технологий. Они легко готовы переходить из одной сферы профессиональной деятельности в другую, проходить обучение и переучиваться, повышать квалификацию. Отсутствует долгосрочное планирование не только в карьере, но и в личной жизни. Но все эти характеристики свидетельствуют о том, что представители поколения Z приспособлены жить в эпоху «большой неопределенности».

Есть мнение, что образование для современных подростков является чем-то обязательным, но не совсем понятным в применении. Во многом это произошло вследствие введения ФГОСов и ЕГЭ. Присутствует «мировоззренческая запутанность», возникшая вследствие противоречивых установок.

Присутствует свобода в выборе индивидуальных образовательных маршрутов, подкрепляемая возможностью использовать важную и интересную информацию в интернете. Одновременно с этим ЕГЭ выступает жестким ограничителем в смене интересов. Шаблонные экзамены противоречат постулату о важности разностороннего мышления.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ПОКОЛЕНИЯМИ

В нашем исследовании предпринята попытка сопоставить ценности различных поколений, живущих сегодня, а также ценности одинаковых возрастных групп молодых людей, но измеренные в разные годы. Это позволило сделать предположение об отличиях в ценностях разных поколений, связанных с возрастными особенностями, а также выявить ценности, присущие именно молодому поколению и отличающие его от других. Выборка составила 386 человек: представители разных поколений россиян в возрасте от 12 до 74 лет. В качестве методики была использована концепция измерения ценностей Ш. Шварца.

Сопоставим данные, полученные в ходе опроса четырех поколений:

BB (baby boom) — поколение, родившееся в 1946–1968 гг.

X — поколение периода 1969–1984 гг.

Y — поколение 1985–1999 гг.

Z — родившиеся в 2000–2008 гг.

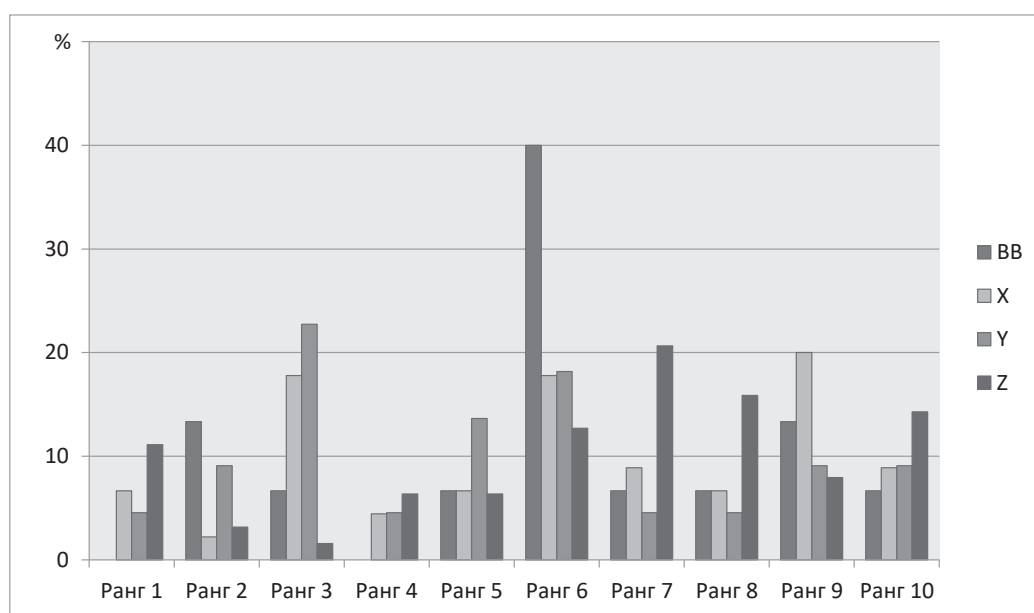

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение по рангам показателей ценности «конформность» у представителей поколений BB, X, Y, Z / Ranking of the “conformity” value indicators among representatives of generations BB, X, Y, Z

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

Вначале рассмотрим сравнительные результаты по ценности «конформность» у всех поколений (рис. 1).

Как видно на рис. 1, ценность «конформность» у всех поколений не является ведущей. Однако если сравнивать показатели по первому рангу, то она больше выражена у представителей поколений Y и Z. Определяющей мотивационной направленностью ценности этого типа является сдерживание

склонностей, имеющих негативные социальные последствия. Приоритетом считается самодисциплина, послушание и вежливость.

Теперь перейдем к рассмотрению сравнительных результатов по ценности «традиции» у всех поколений (рис. 2).

Как можно увидеть, у представителей поколения Z ценность традиций в большей степени занимает

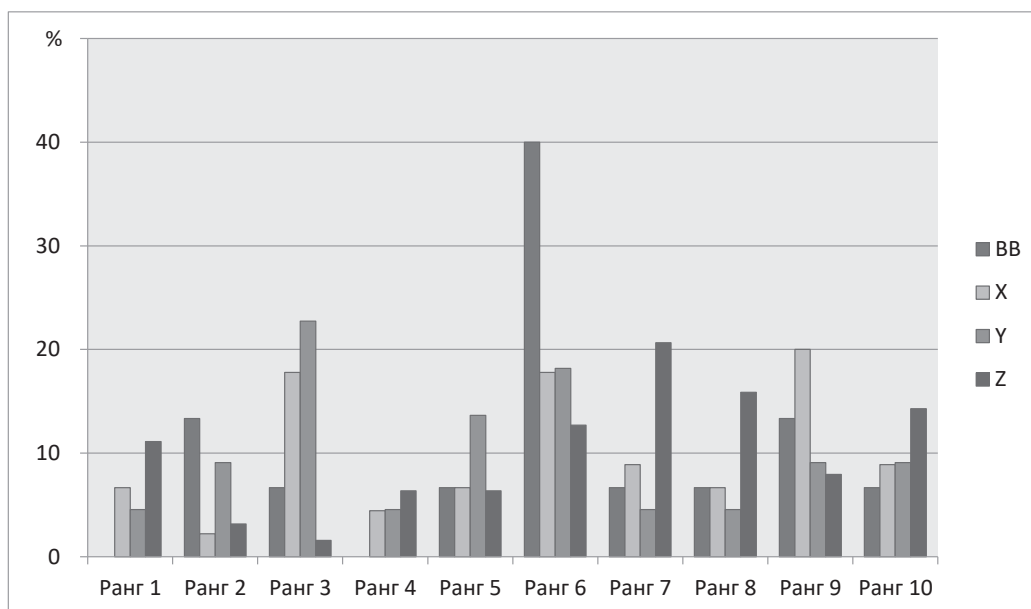

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение по рангам показателей ценности «традиции» у представителей поколений BB, X, Y, Z / Distribution of ranks of the “tradition” value indicators among representatives of generations BB, X, Y, Z

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

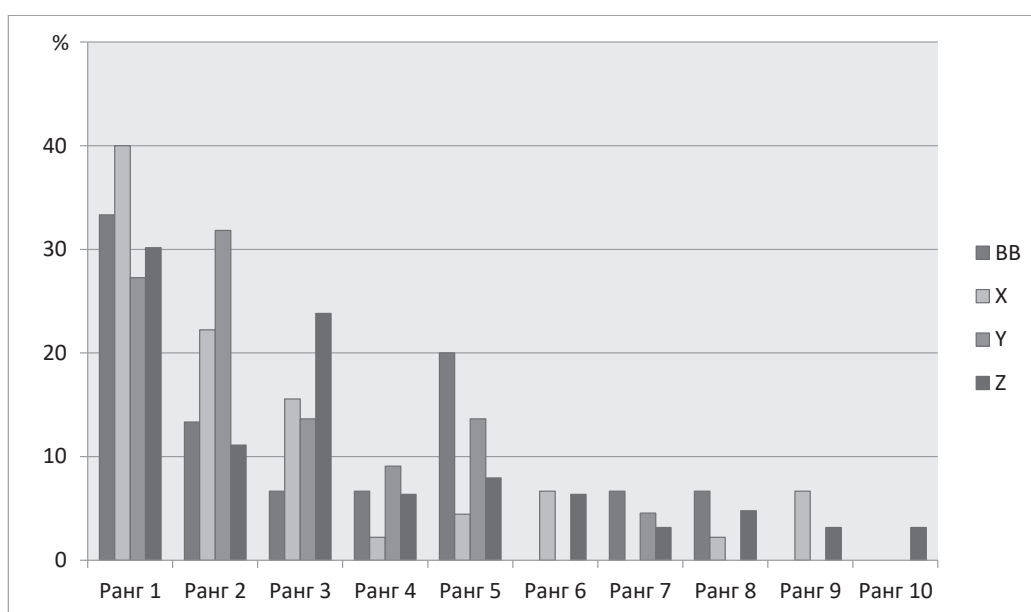

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение по рангам показателей ценности «добродота» у представителей поколений BB, X, Y, Z / Distribution of ranks of the value indicators “kindness” among representatives of generations BB, X, Y, Z

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

средние и нижние ранговые значения. Данная ценность характеризуется традиционными способами поведения как символом групповой сплоченности, выражая единые цели и гарантию выживания. Чаще всего традиции присутствуют в форме верований и религиозных обрядов, принятии обычаев и идей. Для молодого поколения данная ценность на фоне других не является значимой.

Теперь перейдем к рассмотрению сравнительных результатов по ценности «доброта» у всех поколений (рис. 3).

Как видно на рис. 3, для всех поколений характерны высокие значения рангов по ценности «доброта». В основе данного типа ценностей лежит просоциальная направленность, доброжелательность и потребность в теплом взаимодействии с близкими людьми.

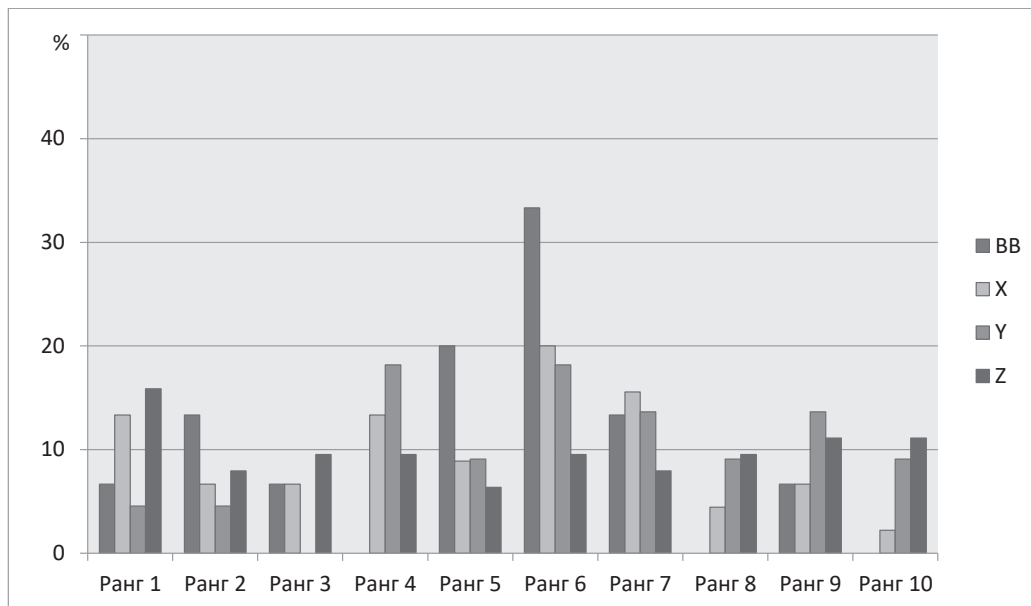

Рис. 4 / Fig. 4. Распределение по рангам показателей ценности «универсализм» у представителей поколений BB, X, Y, Z / Distribution by ranks of the value indicators “universalism” among representatives of generations BB, X, Y, Z

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

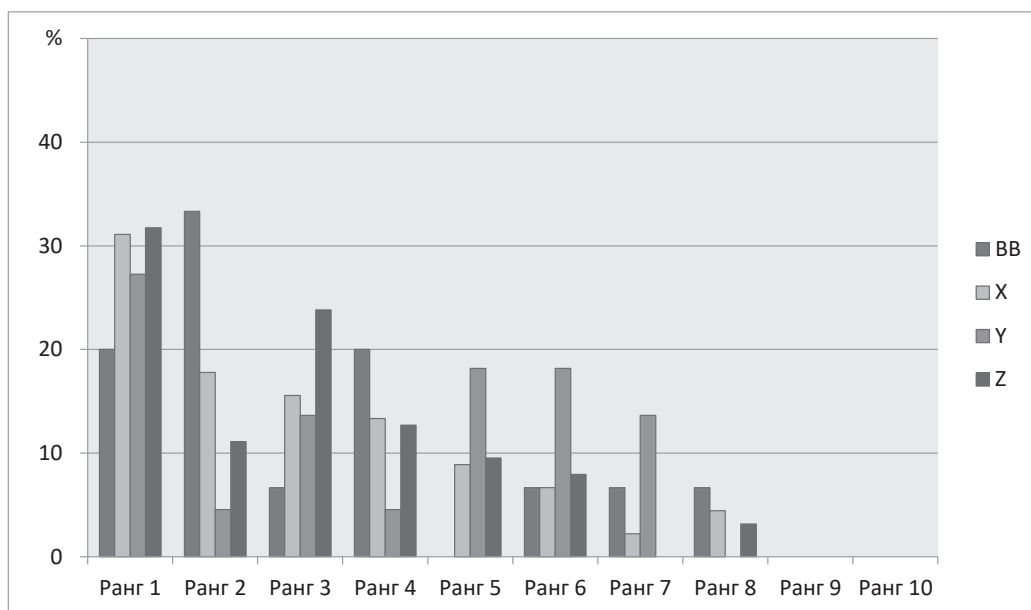

Рис. 5 / Fig. 5. Распределение по рангам показателей ценности «самостоятельность» у представителей поколений BB, X, Y, Z / Distribution of ranks of the “independence” value indicators among representatives of generations BB, X, Y, Z

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

Ядром данной ценности также является потребность в принятии значимой группой. При высоких рангах по данной ценности основной мотивационной целью выделяется желание сохранить благополучие людей, с которыми человек непосредственно контактирует.

Далее рассмотрим сравнительные результаты по ценности «универсализм» у всех поколений (рис. 4).

Показатели по ценности «универсализм» оказались равномерно распределены у представителей всех поколений. Можно предположить, что значимых различий в стремлении защищать благополучие людей и природы на уровне поколений не наблюдается и эта мотивационная цель является в большей степени индивидуальной.

Теперь перейдем к рассмотрению сравнительных результатов по ценности «самостоятельность» у всех поколений (рис. 5).

Определяющей целью данного типа ценностей является самостоятельность мышления, творчества, выбора способов действия. Данная ценность является производной от потребностей в независимости и автономности. Как видно на рис. 5, у всех поколений имеются высокие значения рангов по данной ценности, для всех она является значимой.

Рассмотрим сравнительные результаты по ценности «стимуляция» у всех поколений (рис. 6). Данный тип ценностей имеет в основе организменную потребность в глубоких переживаниях и разнообразии, стремление к новизне, чтобы поддерживать оптимальный уровень активности.

Как видно на рис. 6, у представителей поколения Z наблюдаются как высокие, так и низкие значения рангов по ценности «стимуляция». И, в целом, показатели не сильно отличаются от значений у других поколений.

Теперь перейдем к рассмотрению сравнительных результатов по ценности «гедонизм» у всех поколений (рис. 7).

Мотивационной целью типа ценностей «гедонизм» является наслаждение жизнью и получение чувственных удовольствий. У представителей поколения Z наблюдаются более высокие показатели рангов по данной ценности. У поколений BB, X, Y мы видим большую выраженность в низких рангах по ценности «гедонизм», что может свидетельствовать о меньшем значении данной ценности для старших поколений.

Теперь перейдем к рассмотрению сравнительных результатов по ценности «достижения» у всех поколений (рис. 8).

Основной целью данного типа ценностей является личный успех, проявляющийся в компетентности.

Соответствие доминирующим культурным стандартам является социально одобряемым и служит мерилем достижений. У представителей поколения Z наблюдаются высокие показатели по рангам в рамках данной ценности.

Рассмотрим сравнительные результаты по ценности «власть» у всех поколений (рис. 9).

Основной целью данного типа ценностей является достижение престижа и социального статуса, контроль и доминирование над людьми в рамках целой социальной системы. Проявление ценности выражается в общественном признании, социальной власти, авторитете, богатстве. На рис. 9 мы можем увидеть, что для всех поколений ценность власти не является значимой, при этом представители поколения Z имеют высокие ранги по данной ценности.

Теперь перейдем к рассмотрению сравнительных результатов по ценности «безопасность» у всех поколений (рис. 10).

Мотивационной целью данной ценности является стабильность общества, безопасность для себя и других людей, гармония, стабильность взаимоотношений. Ценность безопасности неразрывно связана с социальным порядком, взаимным расположением, взаимопомощью, чувством принадлежности и здоровьем. Как видно на рис. 10, данная ценность является значимой для представителей всех поколений.

На основе проведенного качественного сравнительного анализа рангов ценностей разных поколений мы увидели, что поколение Z несколько выделяется на фоне других. Так, по сравнению с другими, для поколения Z менее значимой является ценность традиций, а более высокое значение имеют ценности достижений и гедонизма. Однако, чтобы более точно определить, являются ли различия в ценностях между поколениями значимыми, необходимо прибегнуть к средствам математической статистики. Для этого проведем сравнение средних показателей по рангам ценностей всех поколений (табл. 1).

Результаты статистической обработки данных при помощи H-критерия Краскела–Уоллеса подтвердили сделанный ранее вывод о том, что для представителей поколения Z ценность гедонизма является более значимой ($H = 9,807$; $p = 0,02$), чем для представителей других поколений.

Теперь попробуем сопоставить полученные результаты и представить ценности всех поколений в виде модели. Ш. Шварц утверждал, что ценностные типы находятся в динамических отношениях и действия, которые совершаются в соответствии с каждым типом ценностей, могут иметь социальные, психологические и практические последствия,

которые вступают в конфликт или, наоборот, совместимы между собой. Например, ценности доброты могут вступать в конфликт с ценностями достижения, то есть стремление к личному успеху противоречит повышению благополучия других. На *рис. 11* представлена модель отношений между десятью мотивационными типами ценностей, выделенными Ш. Шварцем.

Согласно представленной модели ценностей представим графически средние показатели по рангам ценностей у представителей разных поколений, полученные в ходе нашего исследования (*рис. 12*).

Как видно из *рис. 12*, у представителей поколения Z наиболее выраженными, в том числе и по сравнению с другими поколениями, являются ценности гедонизма, достижений, стимуляции

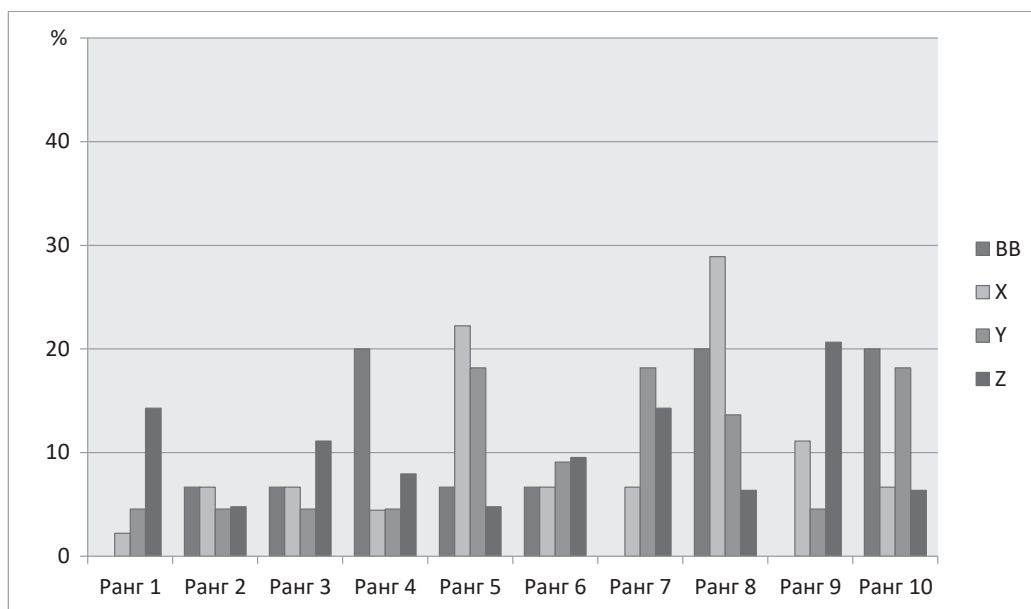

Рис. 6 / Fig. 6. Распределение по рангам показателей ценности «стимуляция» у представителей поколений BB, X, Y, Z / Distribution of ranks of the “stimulation” value indicators among representatives of generations BB, X, Y, Z

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

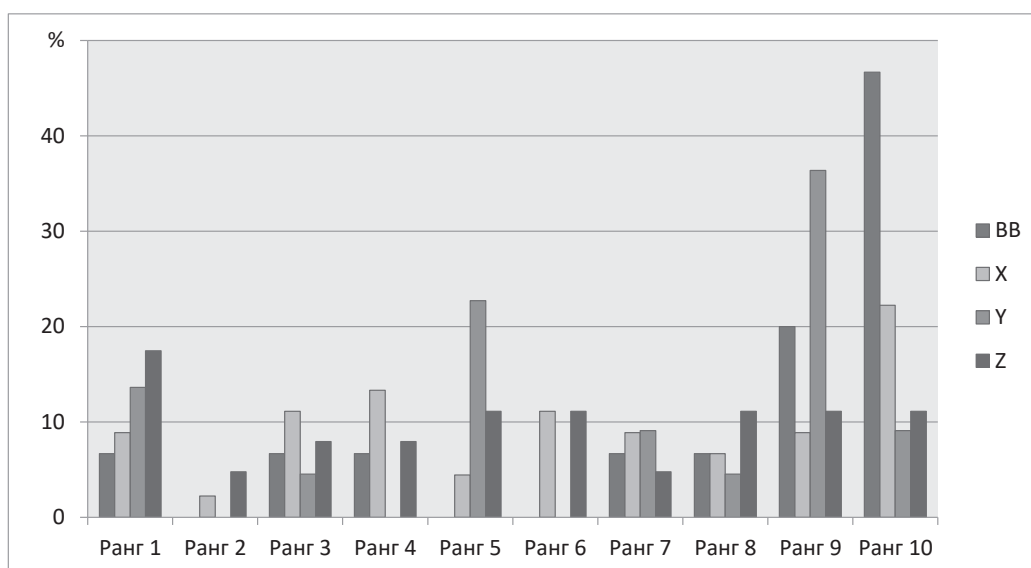

Рис. 7 / Fig. 7. Распределение по рангам показателей ценности «гедонизм» у представителей поколений BB, X, Y, Z / Distribution of ranks of the “hedonism” value indicators among representatives of generations BB, X, Y, Z

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

и самостоятельности, что относится к мотивационной направленности — открытость изменениям и самоутверждение. То есть ценностные ориентации современных молодых людей являются вполне совместимыми между собой и основаны на потребностях в автономности и независимости, стремлении к новизне, разнообразию и глубоким переживаниям,

получении наслаждения и удовольствия от жизни, достижении личного успеха.

Для того чтобы понять, полученные результаты связаны с возрастными особенностями респондентов или данные характеристики действительно присущи поколению Z, проведем еще один анализ. Для этого используем результаты методики Ш. Шварца,

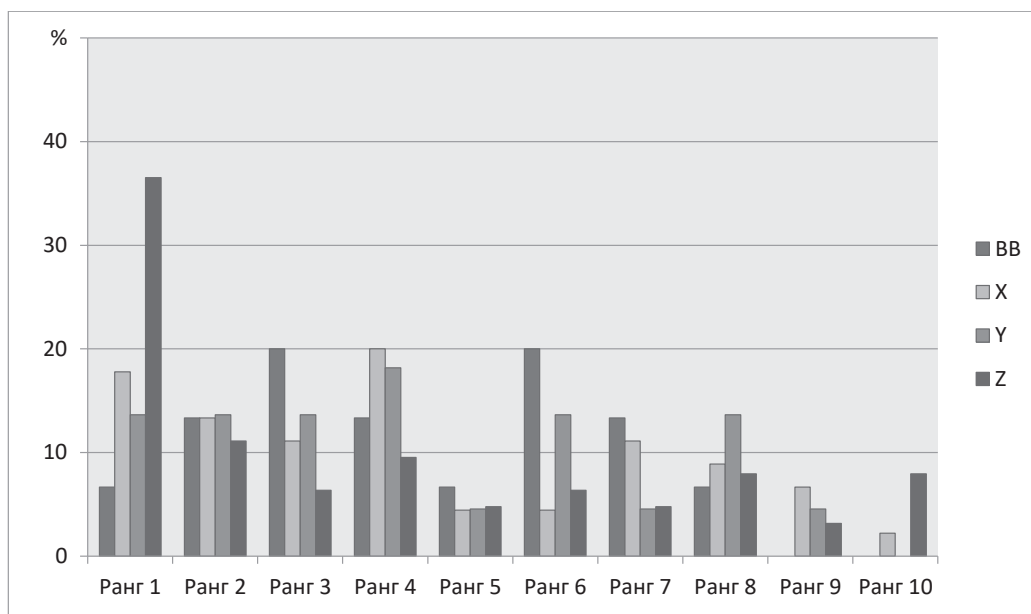

Рис. 8 / Fig. 8. Распределение по рангам показателей ценности «достижения» у представителей поколений BB, X, Y, Z / Distribution of ranks of the "achievement" value indicators among representatives of generations BB, X, Y, Z

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

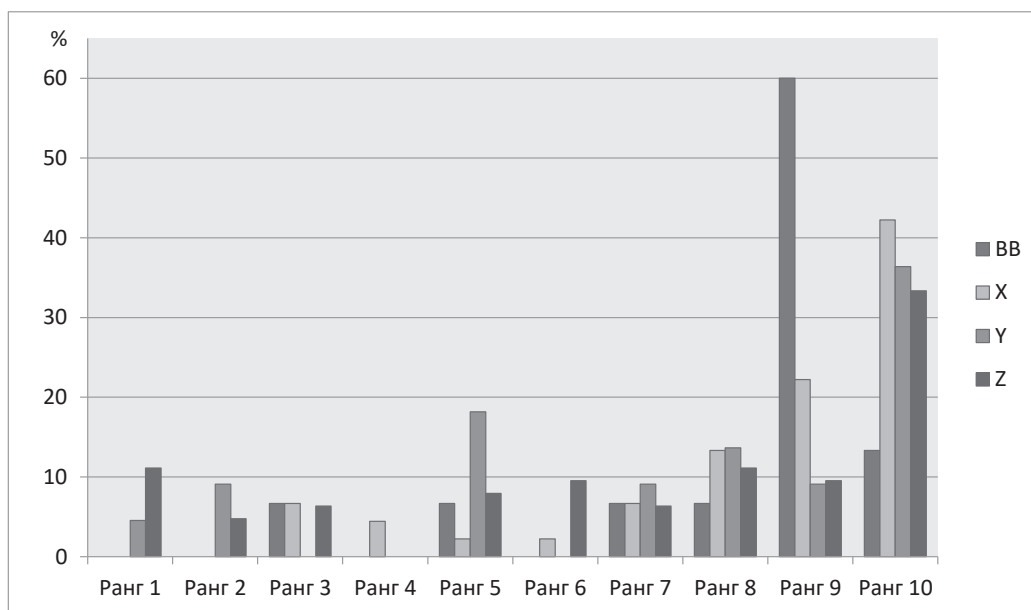

Рис. 9 / Fig. 9. Распределение по рангам показателей ценности «власть» у представителей поколений BB, X, Y, Z / Distribution of ranks of the value indicators "power" among representatives of generations BB, X, Y, Z

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

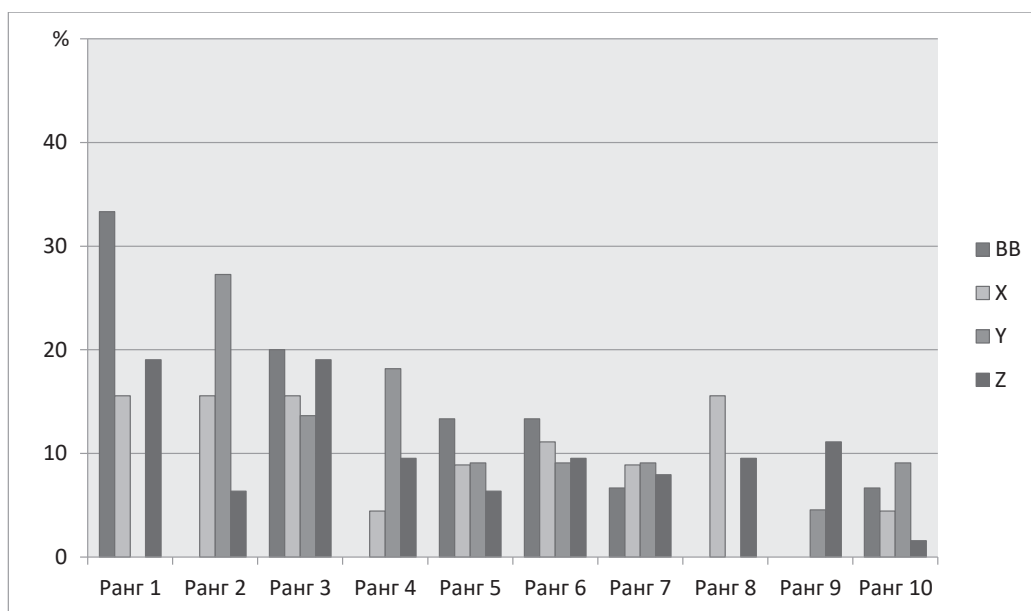

Рис. 10 / Fig. 10. Распределение по рангам показателей ценности «безопасность» у представителей поколений BB, X, Y, Z / Distribution of ranks of the “safety” value indicators among representatives of generations BB, X, Y, Z

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

Таблица 1 / Table 1

Сравнение средних показателей по рангам ценностей у представителей разных поколений (эмпирические значения Н-критерия Краскела-Уоллеса) / Comparison of average values by ranks of values among representatives of different generations (empirical values of the Kruskal-Wallis H-criterion)

Ценность / The value of human quality	Поколение / Generation				Показатель/Indicator	
	BB	X	Y	Z	Statistic	p-Val_star
Конформность	5,467	6,067	5,227	5,063	4,062	0,255
Традиции	6,067	6,067	5,273	6,413	3,58	0,311
Доброта	3,2	2,8	2,682	3,476	2,932	0,402
Универсализм	4,867	5,111	6,227	5,429	2,896	0,408
Самостоятельность	3,067	3,022	3,909	2,968	3,168	0,366
Стимуляция	6,533	6,289	6,5	5,698	1,682	0,641
Гедонизм	8	6,267	6,591	5,492	9,807	0,02*
Достижения	4,467	4,378	4,409	3,905	2,643	0,45
Власть	8,267	8,378	7,273	6,889	5,331	0,149
Безопасность	3,8	4,533	4,636	4,635	1,359	0,715

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

Примечание / Note: *— $p \leq 0,05$.

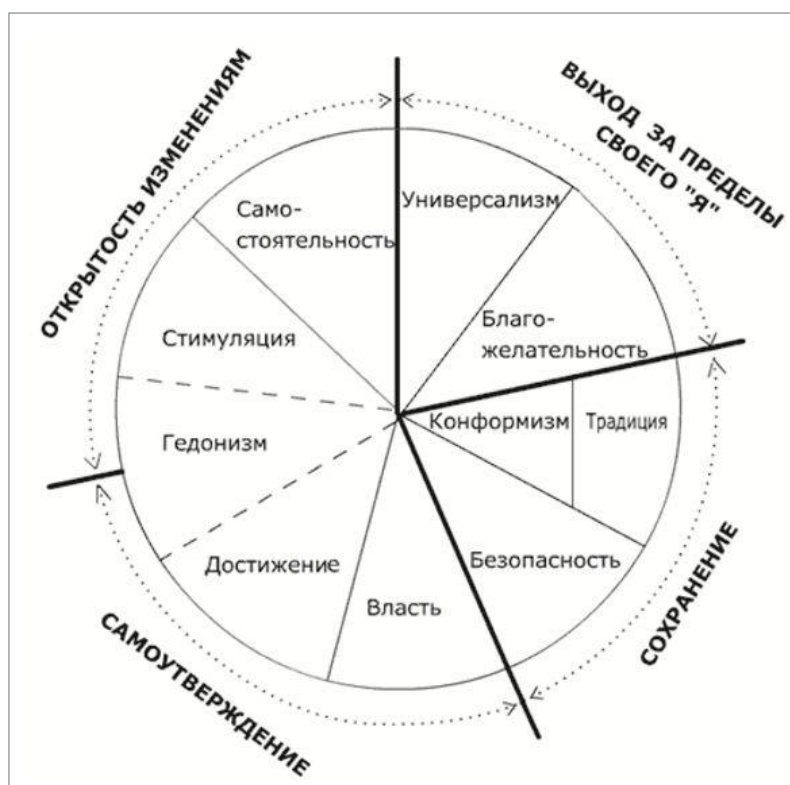

Рис. 11 / Fig. 11. Теоретическая модель отношений между десятью мотивационными типами ценностей (по Ш. Шварцу) / Theoretical model of relationships between ten motivational types of values (according to S. Schwartz)

Источник/Source: Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство [16] / Karandashev V.N. Schwartz's Methodology for Studying Personal Values: Concept and Methodological Guide [16]

полученные в 2014 г. на выборке 20-летних людей, которые являются представителями поколения Y, и сравним с результатами сегодняшних 20-летних людей, являющихся представителями поколения Z. В табл. 2 представлены результаты статистического анализа значений ценностей у данных групп.

Как видно из табл. 2, при сравнении ценности поколений Y и Z в одинаковом возрастном периоде наблюдаются значимые различия. Так, у представителей поколения Z более выражены ценности доброты ($t = 2,863$; $p = 0,005$), универсализма ($t = 2,581$; $p = 0,011$), самостоятельности ($t = 4,128$; $p = 0,000$), стимуляции ($t = 2,507$; $p = 0,014$). В то же время некоторые ценности у представителей поколения Z являются менее выраженными, а именно гедонизма ($t = -2,059$; $p = 0,042$) и власти ($t = -2,42$; $p = 0,017$).

Полученные данные являются несколько противоречивыми. В зависимости от эталона для сравнения мы видим разный портрет современных молодых людей. Ценности самостоятельности и стимуляции выделяются у поколения Z как при сравнении с другими поколениями, так и при сравнении с предыдущим поколением в том же

возрастном периоде. У представителей поколения Z значимо выше ценности гедонизма, вследствие чего на фоне других поколений молодые люди представляются более склонными к чувственным наслаждениям и удовольствиям. При этом предыдущее поколение Y в этом возрасте демонстрировало еще более высокий показатель гедонизма. Однозначно можно утверждать лишь то, что формирование ценностей современной личности идет в процессе адаптации к условиям жизни.

ВЫВОДЫ

Таким образом, представители поколения Z развиваются действительно в новых условиях, опосредованных внедрением цифровых технологий. Цифровой мир подразумевает множество цифровых пространств, трансформацию и ускоренное протекание различных форматов деятельности и, как следствие, широкое распространение стратегии медиамногозадачности. Как показал анализ литературы, данные условия оказывают влияние на когнитивные процессы как в позитивном, так и в негативном ключе. Выбор стратегии однозадачности или многозадачности, преобладание

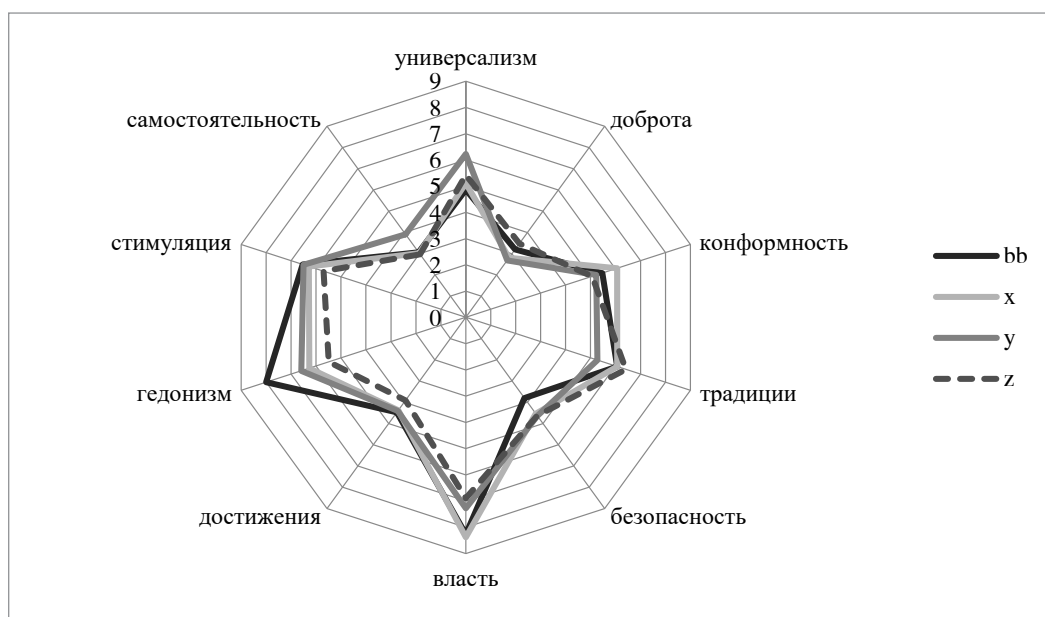

Рис. 12 / Fig. 12. Соотношение ценностей у представителей разных поколений BB, X, Y, Z (ближе к центру наиболее выраженные ценности) / The ratio of values among representatives of different generations BB, X, Y, Z (the most pronounced values are closer to the center)

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

Таблица 2 / Table 2

Сравнение средних показателей по рангам ценностей у представителей поколений Y и Z в возрасте 20 лет (эмпирические значения t-критерия Стьюдента)/ Comparison of average values by ranks of values among representatives of generations Y and Z at the age of 20 (empirical values of Student's t-test)

Ценность / Name	Поколение / Generations		Student's t-test	
	Mean_Y	Mean_Z	t	P-Value_star
Конформность	5,288±2,617	5,063±2,663	0,533	0,595
Традиции	7,173±2,707	6,413±2,745	1,744	0,084
Доброта	4,625±2,438	3,476±2,558	2,863	0,005**
Универсализм	6,644±2,666	5,429±3,109	2,581	0,011*
Самостоятельность	4,279±2,188	2,968±1,858	4,128	0
Стимуляция	6,798±2,261	5,698±3,003	2,507	0,014*
Гедонизм	4,519±2,762	5,492±3,074	-2,059	0,042*
Достижения	4,49±2,516	3,905±3,068	1,277	0,204
Власть	5,721±2,696	6,889±3,203	-2,42	0,017*
Безопасность	4,788±2,305	4,635±2,813	0,365	0,716

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

Примечание / Note: *— $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$

клипового или цифрового мышления связано также с другими психическими свойствами (например, импульсивностью). В целом же, высокий уровень использования интернета влияет на структуру, функции мозга и когнитивное развитие.

Многие представители поколения Z, которые постоянно пребывают в условиях медиамногозадачности, имеют проблему дефицита внимания, долгосрочного запоминания, не чувствуют четкой границы между собственными способностями и возможностями интернета. При этом, если сравнить «тяжелых» многозадачников с теми, кто привык действовать последовательно, можно выделить и некоторые преимущества. Так, многозадачники быстрее и эффективнее вникают в суть проблемы, решают несколько задач одновременно и рационально распределяют свое время. Недостатками их деятельности является поверхностный стиль работы, повышенная вероятность возникновения ошибок и быстрое утомление. Те, кто предпочитает сосредотачиваться на решении одной задачи, более детально анализирует конкретную проблему, что повышает качество работы. Но при последовательном решении текущих задач увеличивается время на их выполнение, что может помешать, например, с ситуации ограничения времени.

Как показал анализ, личность представителя поколения Z является достаточно прагматичной и практичной. Именно такие качества личности и ценности позволяют добиваться успеха в существующей конкурентной социальной среде.

Современные условия формирования личности создают акцент на социальной активности, целеустремленности, предприимчивости, максимальных достижениях в труде и личном успехе, значимости богатства, рациональном и прагматическом подходе к жизни, способности находить оптимальные решения в нестандартных условиях, ориентации на собственные силы. Данные личностные качества способствуют достижению материального успеха, но зачастую могут вступать в противоречие с нормами и ценностями общества, противоречить многовековым духовным традициям российского общества.

Основной современной проблемой формирования нравственного сознания является переориентация сознания молодого поколения в сторону нравственного идеала, который дополнен инициативой, деловой активностью, трудолюбием, стремлением к профессиональному и интеллектуальному росту. Необходим синтез исследований в психологии, нейронауках и педагогике для разработки инструментов, сочетающих цифровые возможности с глубокой познавательной деятельностью. Поколение Z не деградирует, а адаптируется к антропогенной среде, которую создали предыдущие поколения. Задача современной науки не диагностировать «ущербность» мышления молодежи, а перестроить институты образования и социализации под новые когнитивные реалии, минимизируя риски и максимизируя потенциал цифровой эпохи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Исаева А. Н., Малахова С. А. «Клиповое мышление»: психологические дефициты и альтернативы (пространственный фокус). *Мир психологии*. 2015;4:177–191. URL: <https://elibrary.ru/vkaoyz>
2. Базылев Я. С. Особенности когнитивных процессов поколений: X, Y, Z, Alpha. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2024;10:64–69. DOI: 10.24158/spp.2024.10.8
3. Березовская И. П. Проблема методологического обоснования концепта «клиповое мышление». *Философия и культурологические исследования*. 2015;2(220):133–138. DOI: 10.5862/JHSS.220.15
4. Алигаева Н. Н. Клиповое мышление современных обучающихся: миф или реальность. Язык и личность: социокультурные и психологические трансформации. Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 15–16 декабря 2023 года. Москва: Агентство социально-гуманитарных технологий; 2023:172–174. URL: <https://elibrary.ru/fcsoos>
5. Логинов Д. В. Короткий контент — длинные последствия: ответственность в эпоху клипового мышления. *Социальные коммуникации: наука, образование, профессия*. 2025;25:131–135. URL: <https://elibrary.ru/ynyemi>
6. Тюгашев Е. А. Клиповое мышление — современная форма нульмерного мышления. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия*. 2025;7(1):91–101. URL: <https://elibrary.ru/jekvfy>
7. Тоффлер Э. Третья волна. Москва: «Издательство АСТ»; 1999. 261 с. URL: <https://djvu.online/file/RtaWs9SiASoiE?ysclid=md5w4qgqqd683289378>
8. Яркова Е. Н. Теория клипового мышления или эскиз картины регресса человеческого разума. *Дискурс-Пи*. 2019;2(35):77–85. DOI: 10.17506/dipi.2019.35.2.7785

9. Himi S.A., Volberg G., Bühner M., Hilbert S. Individual differences in everyday multitasking behavior and its relation to cognition and personality. *Psychological Research*. 2023;87(3):655–685. DOI: 10.1007/s00426–022–01700-z
10. Емелин В.А. Солдатова Г.У. Феномен многозадачности в контексте культурно-исторических трансформаций и растущей сложности в информационном обществе. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2021;3:4–22. DOI: 10.11621/vsp.2021.03.01
11. Ophir E., Nass C., Wagner A.D. Cognitive control in media multitaskers. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009;106(37):15583–15587. DOI: 10.1073/pnas.0903620106
12. Солдатова Г.У., Алексеева Е.А. Когнитивная сложность как фактор дифференциации онлайн и офлайн-пространств. Подросток в мегаполисе. Сборник трудов XVII Международной научно-практической конференции, Москва, 09–10 апреля 2024 года. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2024:139–142. URL: <https://elibrary.ru/doyzsq>
13. Рассказова Е.И., Солдатова Г.У. Психологические и цифровые факторы отношения студентов к многозадачности. *Образование и наука*. 2023;25(4):211–232. DOI: 10.17853/1994–5639–2023–4–211–232
14. Байков Н.М. Миллениалы и центениалы в региональном социуме: ценностно-мотивационные аспекты. В сборнике: Молодёжь Востока России: история и современность. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2019;77–84. URL: <https://elibrary.ru/kxatjj>
15. Каримова В.Г. Стратегии поведения в конфликте и эмоциональная зрелость студентов педагогического вуза: определение взаимосвязей. *Science for education today*. 2022;12(6):55–78. DOI:10.15293/2658–6762.2206.03
16. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. Санкт-Петербург: Речь; 2004:31. URL: <https://libcats.org/book/770143?ysclid=md60omuvlx29221630>

REFERENCES

1. Isaeva A.N., Malakhova S.A. “Clip thinking”: Psychological deficits and alternatives (spatial focus). *The world of psychology*. 2015;4:177–191. URL: <https://elibrary.ru/vkaoyz> (In Russ.).
2. Bazylev Ya. S. Features of cognitive processes of generations: X, Y, Z, Alpha. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2024;10:64–69. (In Russ.). DOI: 10.24158/spp.2024.10.8
3. Berezovskaya I.P. The problem of methodological substantiation of the concept of “clip thinking”. *Philosophy and cultural studies*. 2015;2(220):133–138. (In Russ.). DOI: 10.5862/JHSS.220.15
4. Aligaeva N.N. Clip thinking of modern students: Myth or reality. Language and personality: Socio-cultural and psychological transformations. Proceedings of the International Scientific and practical conference, Moscow, December 15–16, 2023. Moscow: Agency for Social and Humanitarian Technologies; 2023:172–174. URL: <https://elibrary.ru/fcsoos> (In Russ.).
5. Loginov D.V. Short content — long consequences: Responsibility in the era of clip thinking. *Social communication: Science, education, profession*. 2025;25:131–135. URL: <https://elibrary.ru/ynyemi> (In Russ.).
6. Tyugashev E.A. Clip thinking is a modern form of zero-dimensional thinking. *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Philosophy*. 2025;7(1):91–101. URL: <https://elibrary.ru/jekvfy> (In Russ.).
7. Toffler E. The Third wave. Moscow: ACT Publishing House; 1999. 261 p. URL: <https://djvu.online/file/RtaWs9SiASoiE?ysclid=md5w4qgqqd683289378> (In Russ.).
8. Yarkova E.N. The theory of clip thinking or a sketch of the regression of the human mind. *Discourse-Pi*. 2019;2(35):77–85. (In Russ.). DOI: 10.17506/dipi.2019.35.2.7785
9. Himi S.A., Volberg G., Bühner M., Hilbert S. Individual differences in everyday multitasking behavior and its relation to cognition and personality. *Psychological Research*. 2023;87(3):655–685. DOI: 10.1007/s00426–022–01700-z
10. Emelin V.A. Soldatova G.U. The phenomenon of multitasking in the context of cultural and historical transformations and growing complexity in the information society. *Bulletin of the Moscow University. Episode 14: Psychology*. 2021;3:4–22. (In Russ.). DOI: 10.11621/vsp.2021.03.01
11. Ophir E., Nass C., Wagner A.D. Cognitive control in media multitaskers. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009;106(37):15583–15587. DOI: 10.1073/pnas.0903620106
12. Soldatova G.U. Alekseeva E.A. Cognitive complexity as a factor of differentiation of online and offline spaces. A teenager in a megalopolis: Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 09–10, 2024. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2024:139–142. URL: <https://elibrary.ru/doyzsq> (In Russ.).

13. Rasskazova E.I., Soldatova G.U. Psychological and digital factors of students' attitude to multitasking. *Education and science*. 2023;25(4):211–232. (In Russ.). DOI: 10.17853/1994–5639–2023–4–211–232
14. Baykov N.M. Millennials and centenials in regional society: Value-motivational aspects. In the collection: Youth of the East of Russia: History and modernity. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. 2019;77–84. URL: <https://elibrary.ru/kxatjj> (In Russ.).
15. Karimova V.G. Strategies of behavior in conflict and emotional maturity of students of pedagogical university: definition of interrelations. *Science for education today*. 2022;12(6):55–78. (In Russ.). DOI: 10.15293/2658–6762.2206.03
16. Karandashev V.N. Schwartz's Methodology for studying personal values: Concept and methodological guide. St. Petersburg: Rech; 2004:31. URL: <https://libcats.org/book/770143?ysclid=md60omuvlx292221630> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юлия Евгеньевна Овчинникова — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, руководитель психологической службы управления социальной работы, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Yulia E. Ovchinnikova — Cand. Sci (Psychol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Head of the Psychological Service of the Department of Social Work, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9810-2336>

YUOvchinnikova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.07.2025; принята к публикации 16.07.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 01.07.2025; accepted for publication 16.07.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-101-111

УДК 339.92 (045)

Экономические интересы стран БРИКС в Арктическом регионе

М.Н. Лавниченко, У.С. Буракова, Н.К. Воробьев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Арктический регион приобретает все большую геополитическую и экономическую значимость в условиях изменения климата и роста конкуренции за ресурсы. При этом экономические интересы стран БРИКС в Арктике остаются недостаточно изученными, несмотря на растущую вовлеченность государств в развитие региона. Данная статья посвящена анализу наиболее значимых экономических интересов и целей стран БРИКС в Арктике, оценке возможности их достижения, а также выявлению стратегических приоритетов данных стран и потенциала для сотрудничества в регионе. Научная новизна исследования состоит в проведении всестороннего изучения экономических аспектов арктических стратегий стран БРИКС и учитывает как взаимодействие данных стран внутри политического объединения, так и их отношения с другими акторами арктического региона. Исследование основано на сравнительном анализе актуальных арктических стратегий и экономических программ стран БРИКС, а также на данных международных организаций и экспертных оценках. Особое внимание уделено российской стратегии развития Арктической зоны до 2035 г., китайскому проекту «Полярный шелковый путь», нефтегазовым инициативам Бразилии, энергетическим и логистическим интересам Индии, а также потенциалу ЮАР в научном сотрудничестве. Результаты проведенного анализа позволили выявить как общие тенденции, так и специфические национальные приоритеты стран БРИКС в Арктическом регионе. Было установлено, что каждая страна БРИКС имеет уникальные экономические интересы в Арктике: Россия фокусируется на освоении ресурсов и развитии Северного морского пути, Китай — на инвестициях в инфраструктуру и логистику, Бразилия и ЮАР — на научном сотрудничестве и климатических исследованиях, Индия — на энергетической безопасности и технологическом партнерстве. Полученные результаты отражают актуальные точки пересечения стран БРИКС в вопросах экономического развития арктического региона, при этом подчеркивая разнонаправленность интересов стран БРИКС в Арктике при наличии потенциала для кооперации. Дальнейшая работа должна быть направлена на изучение механизмов координации между странами БРИКС в условиях усиления конкуренции с традиционными арктическими державами.

Ключевые слова: Арктический регион; БРИКС; экономические интересы; Северный морской путь (СМП); Полярный шелковый путь; международное сотрудничество

Для цитирования: Лавниченко М.Н., Буракова У.С., Воробьев Н.К. Экономические интересы стран БРИКС в Арктическом регионе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):101-111. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-101-111

ORIGINAL PAPER

The Economic Interests of the BRICS Countries in the Arctic Region

M.N. Lavnichenko, U.S. Burakova, N.K. Vorobyev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The Arctic region is gaining increasing geopolitical and economic importance in the context of climate change and increasing competition for resources. At the same time, the economic interests of the BRICS countries in the Arctic remain poorly understood, despite their growing involvement in the development of the region. This article analyzes the most significant economic interests of the BRICS countries in the Arctic, the possibility of achieving them is assessed, and identifies the strategic priorities of these countries and the potential for cooperation in the region. The scientific novelty of the study is a comprehensive study of the economic aspects of the Arctic strategies of the BRICS countries, and takes into account both the interaction of these countries within the political association and their relations with other actors in the Arctic region.

The study based on a comparative analysis of current Arctic strategies and economic programs of the BRICS countries, as well as data from international organizations and expert assessments. Special attention paid to the Russian strategy for the development of the Arctic zone until 2035, the Chinese Polar Silk Road project, Brazil's oil and gas initiatives, India's energy and logistics interests, as well as South Africa's potential in scientific cooperation. The results of the analysis revealed general trends and specific national priorities of the BRICS countries in the Arctic region. It was found that each BRICS country has unique economic interests in the Arctic: Russia focuses on resource development and the development of the Northern Sea Route, China on investments in infrastructure and logistics, Brazil and South Africa on scientific cooperation and climate research, India on energy security and technological partnership. The results obtained reflect the actual points of intersection of the BRICS countries in the economic development of the Arctic region, while emphasizing the multidirectional interests of the BRICS countries in the Arctic, given the potential for cooperation. Further work should be directed at exploring coordination mechanisms between the BRICS countries in the context of increased competition with traditional Arctic states.

Keywords: Arctic region; BRICS; economic interests; Northern Sea Route (NSR); Polar Silk Road; international cooperation

For citation: Lavnichenko M.N., Burakova U.S., Vorobyev N.K. The economic interests of the BRICS countries in the Arctic Region. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):101-111. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-101-111

ВВЕДЕНИЕ

Географически Арктика охватывает территории за Северным полярным кругом, включая Северный Ледовитый океан и прилегающие земли восьми государств: России, Канады, Норвегии, Дании, Исландии, США, Финляндии и Швеции. Данный регион занимает порядка 6% поверхности Земли и характеризуется суровым климатом с длительными полярными ночами и днями, обширными ледовыми покровами и вечной мерзлотой, что затрудняет доступ и хозяйственную деятельность в Арктике. Арктический регион, обладающий колоссальными запасами нефти, газа, редкоземельных металлов и уникальными транспортными возможностями Северного морского пути (СМП), становится важным объектом экономических интересов ведущих мировых игроков. Особое место в этом процессе занимают страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), каждая из которых стремится реализовать свои стратегические и коммерческие цели в высоких широтах. Целью данной статьи является комплексный анализ экономических интересов стран БРИКС в Арктическом регионе, выявление ключевых направлений их сотрудничества, а также оценка перспектив реализации совместных экономических проектов в условиях меняющейся геополитической и экономической конъюнктуры. Предметом исследования выступают экономические интересы и стратегии стран БРИКС в Арктическом регионе, включая их инвестиционные приоритеты, участие в ключевых инфраструктурных и ресурсных проектах, а также потенциал экономического сотрудничества или конкуренции между участниками объединения. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе экономических стратегий стран БРИКС в Арктике через призму их взаимодействия как внутри объединения, так и с другими арктическими акторами.

ПРАВОВАЯ БАЗА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Основой правового режима Арктики является Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. UNCLOS, принятая для установления единых правил использования морских пространств и ресурсов. Она ратифицирована большинством арктических государств — Россией, Канадой, Норвегией, Данией, Исландией, Финляндией и Швецией. США не ратифицировали Конвенцию, тем не менее признают ее положения как часть обычного международного права и применяют их на практике. UNCLOS определяет ключевые зоны морской юрисдикции: территориальные воды определены территорией размером до 12 морских миль от базовой линии, прилежащая зона находится в пределах до 24 миль, исключительная экономическая зона — до 200 миль и континентальный шельф до 200 миль, а при определенных геологических условиях — до 350 миль.

В Арктике особое значение имеет регулирование континентального шельфа, где сосредоточены значительные запасы углеводородов. Согласно статье 76 UNCLOS, государства могут расширить свои права на шельф за пределы 200 миль, если докажут, что он является естественным продолжением их континентальной платформы. Этот процесс требует подачи заявки в Комиссию ООН по границам континентального шельфа CLCS. Россия, например, в 2001 г. подала первую заявку, утверждая права на хребты Ломоносова и Менделеева, а в 2015 г. дополнила ее новыми геологическими данными. Канада и Дания также подали заявки, пересекающиеся с российскими, что подчеркивает сложность делимитации в условиях недостатка научных данных и перекрывающихся претензий. UNCLOS также регулирует свободу судоходства в открытом море и право транзитного прохода через проливы, что актуально для Северного мор-

ского пути. Таким образом, UNCLOS обеспечивает универсальную рамку, но ее применение в Арктике осложняется уникальными географическими и климатическими условиями.

На региональном уровне центральную роль играет Арктический совет, учрежденный в 1996 г. Оттавской декларацией как форум высокого уровня для сотрудничества восьми арктических государств — России, Канады, Норвегии, Дании, Исландии, США, Финляндии и Швеции. В Совет также входят шесть организаций коренных народов как постоянные участники и ряд стран-наблюдателей — Германия, Нидерланды, Польша, Великобритания, Франция, Испания, Китай, Индия, Италия, Япония, Южная Корея, Сингапур и Швейцария, — что отражает глобальный интерес к региону. Основная цель Совета — содействие устойчивому развитию и защите окружающей среды, при этом обсуждение военных вопросов исключено, что закреплено в его мандате.

Арктический совет не обладает полномочиями принимать юридически обязательные решения, но служит платформой для выработки мягкого права и практических договоренностей. За время существования под его эгидой заключено несколько ключевых соглашений. «Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании», заключенное в 2011 г., координирует действия государств в случае катастроф в труднодоступных арктических условиях, разделяя регион на зоны ответственности. «Соглашение о сотрудничестве в готовности и реагировании на загрязнение нефтью в Арктике», заключенное в 2013 г., обязывает страны разрабатывать планы предотвращения и ликвидации разливов, что особенно важно в свете роста добычи углеводородов. Третье «соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества от 2017 года» упрощает доступ ученых к арктическим территориям и обмен данными, способствуя совместным исследованиям климата и экосистем. Эти документы, хотя и обязательны для подписантов, однако зависят от национальной имплементации, что иногда снижает их эффективность. Совет также поддерживает рабочие группы, такие как Рабочая группа по реализации программы арктического мониторинга и оценки (АМАР) и Рабочая группа по защите арктической морской среды (РАМЕ), которые готовят рекомендации и оценки, влияющие на политику государств. Таким образом, несмотря на отсутствие принудительных механизмов, Арктический совет остается уникальным инструментом

регионального взаимодействия, адаптированным к специфике Арктики.

Тем не менее, несмотря на значимую роль Арктического совета в международном сотрудничестве и взаимодействии в рассматриваемом регионе, изменение геополитической обстановки, а также стратегическая значимость Арктики для дальнейшего развития стран способствует принятию государствами собственных стратегий, представляющих собой собственный план освоения и развития арктических территорий для достижения национальных целей. В частности, подобные стратегии обозначают ключевые экономические интересы стран в данном регионе, а также способы достижения поставленных задач. Однако схожесть экономических интересов определенных стран открывает широкие возможности по кооперации в рамках достижения поставленных целей. Подобное сотрудничество происходит в рамках политических блоков и альянсов, одним из которых выступает БРИКС. Для оценки возможностей кооперации стран БРИКС в рамках экономического освоения Арктики в ходе исследования были проанализированы стратегии, а также ключевые экономические проекты, реализуемые основными акторами БРИКС в Арктическом регионе.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевым документом, определяющим основные направления деятельности Российской Федерации в Арктическом регионе, является утвержденная Президентом Российской Федерации в 2020 г. «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». Фактически это комплексный план, направленный на устойчивое развитие региона по целому ряду направлений, включая экономический аспект.

Развитие экономического направления в Арктической зоне заточено на создание устойчивой ресурсной базы с целью обеспечения национальной безопасности страны. Большой акцент в стратегии делается на разработке новых месторождений и увеличении добычи нефти, газа и иных стратегически важных полезных ископаемых, при этом особое внимание уделяется созданию перерабатывающих производств непосредственно в регионе. В соответствии с данной задачей в России ежегодно проводится работа по открытию источников углеводородного сырья. Так, по данным Роснедр, в 2024 г. было обнаружено 39 новых источников углеводо-

родов, позволивших нарастить базу доступной для добычи нефти на 592 млн тонн, а природного газа — на 708 млрд куб. метров. Впрочем, так же активно развиваются проекты по непосредственной добыче ископаемых.

Например, в 2020 г. крупнейшая нефтяная компания России «Роснефть» анонсировала запуск проекта «Восток Ойл», который к 2030 г. должен выйти на ежегодный уровень добычи нефти в 100 млн тонн. Арктическая стратегия государства в вопросе полезных ископаемых констатирует стратегическую важность работы по данному направлению, а также то, что после 2035 г. именно Арктическая зона должна стать ключевым источником полезных ресурсов в РФ.

Другим важным аспектом экономического развития Арктического региона выступает рост привлекаемых инвестиций. Основным инструментом привлечения новых инвесторов выступает особый экономический режим «Арктическая зона РФ», предлагающий целый ряд преференций и налоговых льгот резидентам, действующим в регионах Арктики. Так, к началу 2025 г. на территории АЗРФ действуют 915 компаний-резидентов, благодаря которым уже создано 11,2 тыс. новых рабочих мест, а общий объем фактически осуществленных резидентами инвестиций составил 175 млрд руб. На данный момент уже реализовано 216 инвестпроектов. Кроме того, в марте 2025 г. было анонсировано создание арктического инвестиционного фонда, который позволит привлечь еще большее число российских и зарубежных вложений в арктические проекты РФ. При этом стоит констатировать, что климатический фактор представляет собой фундаментальное ограничение для дальнейшего развития Арктического региона со стороны РФ — экстремально низкие температуры, достигающие -50°C в зимний период, сложные ледовые условия и таяние вечной мерзлоты создают существенные препятствия для хозяйственной деятельности. Последнее особенно критично, так как, по данным исследований, до 40% арктической инфраструктуры уже подвержено деформациям из-за деградации мерзлых грунтов, что может потребовать привлечения дополнительных инвестиций.

Важно отметить, что Стратегия России предполагает сохранение Арктического региона как зоны мира, устойчивого развития и взаимовыгодного партнерства посредством, в частности, интеграции и наращивания взаимодействия с другими арктическими игроками в рамках инвестиционных проектов. Однако в условиях актуального изменения

геополитической ситуации Россия пересмотрела свою арктическую стратегию, сделав акцент на сотрудничестве с неарктическими государствами, что создает все большие перспективы для развития арктического экономического сотрудничества в рамках БРИКС [1].

Впрочем, достижение экономических целей Российской Федерации в Арктическом регионе осложняется и другими факторами. Например, технологические вызовы усугубляются международными санкциями, ограничивающими доступ к высокотехнологичному оборудованию для шельфовой добычи. Российские компании сталкиваются с проблемой импортозамещения критически важных технологий, таких как системы сейсморазведки или ледостойкие платформы, при этом собственный научно-технический потенциал развивается неравномерно. Инфраструктурный дефицит проявляется в недостатке современных портовых сооружений, оптоволоконных линий связи и ремонтных баз вдоль Северного морского пути.

Необходимо отметить, что экономические ограничения носят структурный характер. В Арктике вносят свой вклад в себестоимость добычи низкие проницаемости, сложное геологическое строение залежей, инфраструктурные сложности и неблагоприятные с климатической точки зрения условия работы. Санкционное давление привело к выходу ключевых международных партнеров из совместных проектов и усложнило привлечение долгосрочных инвестиций. Геополитическая конкуренция проявляется в усилении военного присутствия стран НАТО в регионе, что вынуждает Россию перенаправлять значительные ресурсы на оборонные нужды. По данным Центра стратегических и международных исследований (CSIS), в период с ноября 2020 по декабрь 2023 г. в Арктическом регионе было проведено 77 войсковых учений, из них учений стран НАТО и их партнеров — 52, учений стран НАТО и их партнеров в европейской Арктике — 38.

Социально-демографические проблемы включают устойчивую миграционную убыль населения, старение трудовых ресурсов и дефицит квалифицированных кадров для высокотехнологичных производств. Демографический спад в арктических регионах России происходит значительно быстрее, чем в среднем по стране. Особенно резкое сокращение населения наблюдается в Республике Карелия, Республике Коми, Архангельской и Мурманской областях. Этот процесс обусловлен как

естественной убылью (превышением смертности над рождаемостью), так и интенсивным оттоком жителей в другие регионы.

Преодоление этих вызовов требует комплексного подхода, включающего ускоренное развитие отечественных технологий, создание специальных экономических режимов для арктических проектов, развитие международного сотрудничества с не западными партнерами и совершенствование системы управления рисками. Особое значение приобретает цифровизация арктической инфраструктуры и внедрение «зеленых» технологий, что может стать конкурентным преимуществом России в долгосрочной перспективе [2]. Успешная реализация арктической стратегии возможна только при условии сбалансированного учета всех перечисленных факторов и разработки адаптивных механизмов реагирования на изменяющиеся внешние условия.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР

Другим ключевым игроком альянса БРИКС, принимающим активное участие в экономическом освоении Арктики, является Китайская Народная Республика. КНР, не имея территорий за Полярным кругом и прямого выхода к Северному Ледовитому океану, тем не менее активно позиционирует себя как «государство, близкое к Арктике». Этот термин, впервые официально закрепленный в Белой книге «Политика Китая в Арктике» 2018 г., отражает стремление Китая играть значимую роль в регионе, несмотря на географическую удаленность. Интерес Пекина к Арктике обусловлен несколькими ключевыми факторами. Во-первых, это доступ к огромным природным ресурсам. Во-вторых, СМП, проходящий вдоль российского побережья, сокращает время транспортировки грузов из Азии в Европу на 10–15 дней по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал, что делает его стратегически важным для китайской экономики, ориентированной на экспорт. В-третьих, изменения климата в Арктике напрямую влияют на Китай, так как таяние льдов повышает уровень моря, угрожая прибрежным городам, таким как Шанхай, и нарушает сельскохозяйственные циклы в северных провинциях.

Экономическая стратегия Китая в Арктике сосредоточена на ресурсах и транспорте, ключевую роль играет проект «Полярный шелковый путь», предложенный в 2017 г. в рамках инициативы «Пояс и путь». Данный проект направлен на развитие СМП совместно с Россией. При этом Китай стремится интегрировать проекты по добы-

че энергоносителей с развитием сопутствующей инфраструктуры [3]. Такая синергия позволяет обеспечить бесперебойную работу транспортных коридоров, гарантируя эффективное перемещение ресурсов и снижая логистические расходы. В частности, Китай инвестирует в развитие судостроения и логистики. В партнерстве с российскими компаниями «НОВАТЭК» и «Совкомфлот» китайская COSCO Shipping участвует в создании флота ледокольных газозовозов, что позволяет Пекину активно использовать Северный морской путь в своих торговых интересах. Согласно последним данным, в 2024 г. было заказано четыре современных ледокола, оснащенных инновационными технологиями для работы в условиях экстремально низких температур. Эти новые суда способны обеспечить круглогодичное судоходство по арктическим водам, что позволяет увеличить пропускную способность Северного морского пути на 30% и существенно снизить логистические издержки. В энергетической сфере Китай участвует в проекте «Ямал СПГ», запущенном в 2017 г. «НОВАТЭК». В частности, крупнейшая китайская нефтегазовая корпорация CNPC и Фонд Шелкового пути уже вложили в данный проект порядка 12 млрд долл. [4]. Также Китай участвует в «Арктик СПГ-2». Эти проекты обеспечивают Китаю стабильные поставки сжиженного природного газа, что имеет критическое значение для энергетической безопасности страны [5].

Кроме того, Китай ведет геологоразведку полезных ископаемых. В 2017 г. китайская корпорация Minmetals подписала контракт с Международным органом по морскому дну на проведение разведочных работ в Арктике. Добыча редкоземельных металлов и других стратегически важных ресурсов способствует укреплению промышленного потенциала Китая, который активно развивает высокотехнологичные отрасли. В итоге экономическая стратегия Китая в Арктике демонстрирует комплексный подход, объединяющий добычу ресурсов, развитие транспортной инфраструктуры и укрепление энергетической безопасности, что позволяет Пекину не только обеспечивать свои внутренние потребности, но и усиливать глобальное экономическое влияние через освоение арктических возможностей.

Тем не менее Пекин сталкивается с рядом проблем в процессе реализации своей арктической стратегии. Одной из ключевых проблем является геополитическое сопротивление со стороны арктических государств. Несмотря на заявления о мирном и научно-экономическом характере своих

интересов, Китай воспринимается США, Канадой и странами Северной Европы как внешний игрок, чьи долгосрочные цели могут угрожать региональной стабильности. Особую озабоченность вызывает активность КНР в сфере инфраструктурных проектов, таких как портовые терминалы и инвестиции в добычу ресурсов, что рассматривается как попытка усилить стратегическое влияние. Даже Россия, несмотря на тесное экономическое партнерство с Китаем в Арктике, сохраняет осторожность в вопросах, связанных с СМП, опасаясь чрезмерной зависимости от китайских инвестиций.

Правовые ограничения также играют значительную роль в сдерживании китайской арктической экспансии. Поскольку Китай не является приарктическим государством, его деятельность регулируется международными соглашениями, включая Конвенцию ООН по морскому праву (UNCLOS), что ограничивает возможности Пекина. Так, что касается ресурсов морской Арктики, то, согласно Конвенции, суверенные права на их разведку и разработку на континентальном шельфе принадлежат прибрежным странам. Более того, обладая статусом наблюдателя в Арктическом совете, Китай имеет лишь совещательные полномочия, ограниченные участием в рабочих группах, без права решающего голоса.

Наконец, суровые природные условия, неразвита логистика и высокая себестоимость арктических проектов делают их экономически рискованными, особенно в условиях нестабильности мировых цен на энергоресурсы.

Таким образом, несмотря на активное продвижение арктической стратегии, Китай сталкивается с рядом структурных ограничений, требующих гибкой дипломатии, технологического развития и поиска компромиссов с ключевыми игроками региона. Будущее китайского присутствия в Арктике будет зависеть от способности Пекина адаптироваться к меняющейся геополитической и экологической повестке, минимизируя риски и укрепляя международное сотрудничество, в частности, в рамках объединения БРИКС.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИНДИИ

Другой страной, входящей в состав БРИКС, чей интерес к Арктическому региону неуклонно возрастает, выступает Республика Индия. Подтверждением этого служит разработка и реализация стратегии «Индия и Арктика: построение партнерства в интересах устойчивого развития» [6]. Являясь одной из 13 стран-наблюдателей в Арктическом совете,

межправительственной организации высокого уровня, Индия участвует в обсуждении вопросов, направленных на устойчивое развитие Арктики и защиту интересов ее коренных народов. Также страна входит в большое количество арктических институтов, включая Экспертную группу по черному углероду и метану, Совет Университета Арктики и Азиатский форум полярных наук. Еще одной причиной, объединяющей страны БРИКС в освоении Арктики, выступает энергетический фактор. В условиях растущего энергопотребления Индия заинтересована в диверсификации своих источников энергии и рассматривает возможность участия в разработке арктических месторождений. Важную роль Индия отводит разработке углеводородных месторождений в Арктике, особенно на территории России [7]. Однако после начала СВО вклад Индии в развивающиеся российские проекты заметно уменьшился, например, прекратилось финансирование «Арктик СПГ-2». Переговоры по данному проекту вели крупный индийские компании Petronet LNG и ONGC Videsh. Тем не менее потребность Индии в подобной кооперации с Россией осталась, так как в Арктике набирает силу другой неарктический актер — Китай, которому Индии необходимо противостоять в зонах влияния в Азии. Немаловажно обозначить логистические и научные интересы. Таяние арктического льда открывает новые возможности для судоходства по Северному морскому пути, который может значительно сократить время и стоимость доставки грузов между Европой и Азией. Индия заинтересована в использовании СМП для развития торговли и укрепления своих экономических связей с другими странами. Перспектива интеграции морского транспортного коридора «Владивосток — Ченнаи» в проект развития Северного морского пути создает взаимовыгодную логистическую систему, способствующую достижению определенных целей устойчивого развития (ЦУР 9 — индустриализация, инновации и инфраструктура, ЦУР 17 — партнерство в интересах устойчивого развития), что подтверждает вклад обеих стран в глобальную устойчивость [8]. В дальнейшем развитие арктической стратегии Индии будет зависеть от развития климатических изменений, геополитической обстановки и возможности найти баланс между экономическими амбициями и экологической ответственностью.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ БРАЗИЛИИ

Бразилия — одно из крупнейших государств мира, которое сегодня является лидером политических

и экономических процессов в южноамериканском регионе и важным действующим лицом в рамках БРИКС. Несмотря на то, что ее столица, Бразилиа, находится достаточно далеко от Северного полюса, Бразилиа также проявляет интерес к арктическому региону.

Помимо заинтересованности в научном сотрудничестве, бразильские эксперты также видят возможности в разведке нефти и газа на арктическом шельфе, в коммерческом судоходстве, туризме и рыболовстве [9]. По данным Всемирного фонда дикой природы, Арктика уже сегодня обеспечивает мир примерно 10% добываемой нефти и 25% природного газа. В свою очередь, согласно отчетам Геологической службы США (USGS), в Арктике сосредоточено около 22% всех неразведанных запасов нефти и газа в мире. В связи с этим Бразилиа намерена внести свой вклад в освоение энергетических ресурсов в регионе, используя свои знания и технологии в области разработки углеводородов. Более того, Бразилиа экспортирует оборудование для глубоководной добычи нефти и газа в арктические государства и считает дальнейшее участие в Арктике необходимым следующим шагом к развитию собственной нефтегазовой промышленности.

Также важно отметить, что сокращение площади ледников приведет к открытию новых морских путей, которые позволят сократить и снизить транспортные расходы, а также дать толчок развитию и других сфер, таких как туризм. В связи с этим для Бразилии представляет значительный интерес участие в регулировании морских маршрутов для обеспечения безопасности судоходства в регионе.

Сегодня в своей деятельности по освоению Арктики Бразилиа сотрудничает с рядом стран, в том числе и с партнерами по БРИКС. Так, совместно с Норвегией Бразилиа развивает проекты в области нефтедобычи, а бразильская горнодобывающая компания Vale SA владеет железнодорожными линиями и рядом морских портов на арктической территории Канады. Что касается стран БРИКС, то в 2015 г. была создана Рабочая группа по исследованиям океана и полярных зон, которая призвана углубить сотрудничество между странами в области океанологии и полярных исследований. В данной группе Бразилиа играет одну из заметных ролей, обладая значительным опытом в сфере океанических наук, а также передовыми технологиями в области добычи полезных ископаемых.

Таким образом, несмотря на отсутствие обособленной арктической стратегии, активное развитие арктической политики Бразилии способствует

повышению ее роли в международных процессах как в рамках БРИКС, так и в мире.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЮАР

Наконец, в отличие как от непосредственно арктических держав, так и ведущих членов БРИКС, ЮАР не имеет институционализированной стратегии в отношении Арктического региона. Подобное обстоятельство в первую очередь объяснимо географической удаленностью государства от Арктики. Тем не менее среди основных направлений антарктической деятельности ЮАР, которые могут в будущем служить основой для присутствия в Арктике, в антарктической стратегии выделяются «исследования океанов и морских экосистем в условиях изменения климата, наблюдение за земной экосистемой, изучение биоразнообразия, внедрение инноваций и развитие, а также предпринимательство». Соответственно, участие ЮАР в научном сотрудничестве в Арктике может стать стартовой площадкой для вовлечения в регион: в арктических условиях релевантным может стать опыт Бразилии, ЮАР, КНР и Индии в производстве солнечных панелей и развития технологий аккумулирования солнечной энергии, что в перспективе позволит заместить часть электростанций в полярных широтах России, работающих на дизельном топливе (ЦУР 7 — недорогостоящая и чистая энергия) [10].

При этом сдерживающим фактором для развития экономического направления в рамках освоения Арктической зоны для ЮАР остается ее географическое положение. Так, проходящий через Арктический регион Северный морской путь не затрагивает саму страну, и в первую очередь ориентирован на государства Европейского Союза, Северной Америки, Россию и часть азиатских государств — Китай, Японию и Южную Корею.

Сегодня именно ЮАР является одним из лидеров по выработке дискурса стран «Глобального Юга», представляя в том числе их интересы. Вместе с Россией страна выступает против милитаризации Арктического региона и переноса на его территорию имеющихся противоречий и конфликтов между государствами. Соответственно один из главных принципов Южной Африки в отношении Арктики заключается в мирном использовании ее потенциала, необходимости содействовать интенсификации научно-технического и экологического сотрудничества государств, что может стать ключевой предпосылкой для дальнейшей интеграции ЮАР в кооперацию в Арктике в рамках союза БРИКС.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СТРАН БРИКС В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Анализ экономических интересов стран БРИКС выявил их уникальные подходы и общие тенденции в освоении Арктики. Представленная ниже *таблица* обобщает результаты этого исследования, подчеркивая влияние национальных интересов и геополитических факторов на действия России, Китая, Индии, Бразилии и ЮАР. Эти данные иллюстрируют потенциал для сотрудничества в регионе и служат основой для обсуждения перспектив взаимодействия в рамках устойчивого развития Арктики.

Сравнительный анализ арктических стратегий стран БРИКС, представленный в *таблице*, выявляет различия в приоритетах и масштабах вовлеченности каждой страны в арктические процессы. Так, в отличие от других стран БРИКС, Российская Федерация обладает арктическим побережьем, что обуславливает ее частный интерес в развитии арктических территорий. При этом широкая вовлеченность России в освоение Арктики подразумевает всеобъемлющее развитие и остальных аспектов анализа, в частности страна акцентирует внимание на развитии транспортных коридоров и обеспечении стратегической стабильности в регионе.

Китай делает упор на экономическую экспансию через инвестиции в добычу ресурсов и расширение торговых путей. Индия, более сосредоточенная на экологических аспектах и научном потенциале, рассматривает Арктику как площадку для исследований и партнерства, однако также вовлечена в развитие СМП и добычу ресурсов как стратегические аспекты экономической безопасности страны в долгосрочной перспективе. Бразилия и ЮАР, не имея прямого доступа к региону, ориентируются на изучение климатических последствий и поиск возможностей для участия в глобальном диалоге. Впрочем, несмотря на существенные различия в арктических стратегиях стран-участников БРИКС, такое разнообразие подходов подчеркивает потенциал для взаимодополняющего экономического сотрудничества, где страны могут объединить усилия в решении общих вызовов Арктики.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование экономических интересов стран БРИКС в Арктическом регионе позволяет сделать ряд важных выводов. Страны БРИКС, обладая разными возможностями и интересами, по-разному подходят к освоению Арктики и демонстрируют различную степень вовлеченности. Россия, как арктическая держава, играет

Таблица / Table

Сравнительный анализ экономических аспектов арктических стратегий стран БРИКС / Comparative analysis of the economic aspects of the Arctic strategies of the BRICS countries

Критерии/Страна / Criteria/Country	Россия / Russia	Китай / China	Индия / India	Бразилия / Brazil	ЮАР / South Africa
Наличие арктической стратегии	+	+	+	—	—
Инвестиции в развитие арктических территорий	+	—	—	—	—
Добыча ресурсов	+	+	+	—	—
Использование СМП	+	+	+	—	—
Наличие ледокольного флота	+	+	—	—	—
Развитие научно-технического сотрудничества	+	+	+	+	+

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

ключевую роль, тогда как Китай и Индия стремятся усилить свое присутствие в регионе. Бразилия и ЮАР пока остаются на периферии арктической политики, что обусловлено их географическим положением, ресурсной базой и внешнеполитическими приоритетами. Ключевым сходством является повышенный интерес стран БРИКС к научно-техническому аспекту арктического развития, при этом сразу целый ряд членов БРИКС (Россия, Китай, Индия) имеют схожие стратегические приоритеты в развитии СМП и добыче природных ресурсов Арктики, что может стать ключевым

мотивом для дальнейшей интеграции в сфере экономического сотрудничества. Ожидается, что страны БРИКС будут стремиться к совместным проектам в области добычи ресурсов, что приведет к увеличению инвестиций и экономической интеграции в Арктическом регионе. Наращивание дальнейшего экономического сотрудничества стран БРИКС в регионе требует проработки коллективных задач и создания регулятивных механизмов для согласования целей и действий, которые бы способствовали эффективному экономическому сотрудничеству стран БРИКС в Арктической зоне.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований ВТСК № 179 по теме «Сравнительный анализ стратегий стран БРИКС в Арктическом регионе: текущее состояние и перспективы», выполненных в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации на 2024/2025 у.г., Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research conducted by VTSK No. 179 on the topic “Comparative analysis of the strategies of the BRICS countries in the Arctic region: current state and prospects”, carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2024/2025, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вopiловский С. С. Зарубежные экономические партнеры России в Арктической зоне. *Арктика и Север*. 2022;46:33–50. DOI: 10.37482/issn2221–2698.2022.46.332.
2. Лексин В. Н. Российская Арктика в 2022–2023 годах. Новые решения. *Федерализм*. 2023;28(3):5–28. DOI: 10.21686/2073–1051–2023–3–5–28
3. Гао Т., Ерохин В. Л. Экономические меры реализации научно-технического сотрудничества России и Китая в Арктике. *Теория и практика общественного развития*. 2021;1(155):59–64. DOI: 10.24158/tpor.2021.1.10
4. Tulupov D. S. Arctic Dimension of China’s Foreign Policy and Russia’s Regional Interests. *World Economy and International Relations*. 2020;64(7):60–68. DOI: 10.20542/0131–2227–2020–64–7–60–68
5. Кукулина Е. А. Современный Китай в экономическом пространстве Арктики. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2021;15(1):19–29. DOI: 10.22394/2073–2929–2021–01–22–31
6. Стрельникова И. А., Харина О. А., Набиев Х. Х. Ключевые интересы Китая и Индии в Арктике и основные направления для сотрудничества с Россией. *Анализ и прогноз*. 2024;2:72–83. DOI: 10.20542/afij-2024–2–72–83
7. Авдеева И. Л. Анализ стратегии развития и освоения территории арктической зоны Индией: социально-экономический аспект. Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Москва, 06–08 апреля 2021 года. Часть 1. Москва: ЭДЕЛЬВЕЙС; 2021. URL: <https://elibrary.ru/qvojij>
8. Кукулина Е. А. Два трека арктического сотрудничества БРИКС. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023;17:3(45):25–37. DOI: 10.22394/2073–2929–2023–03–25–37
9. Campbell G., Fernandes B. Brazil as a Polar actor: Brazilian experience and potential contributions to the development of the Arctic agenda. *Diálogos Internacionais: electronic journal*. 2023;10(96). URL: <https://dialogosinternacionais.com.br/?p=2869>
10. Ван Ясинь. Международное научное сотрудничество стран БРИКС в Арктике. Управленческое консультирование. 2023;3:131–139. DOI: 10.22394/1726–1139–2023–3–131–139

REFERENCES

1. Vopilovsky S. S. Russia's foreign economic partners in the Arctic zone. *Arctic and North*. 2022;46:33–50. (In Russ.). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.33
2. Leksin V. N. The Russian Arctic in 2022–2023. *New solutions. Federalism*. 2023;28(3):5–28. (In Russ.). DOI: 10.21686/2073-1051-2023-3-5-28
3. Gao T., Erokhin V. L. Economic measures for the implementation of scientific and technical cooperation between Russia and China in the Arctic. *Theory and practice of social development*. 2021;1(155):59–64. (In Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2021.1.10
4. Tulupov D. S. Arctic Dimension of China's Foreign Policy and Russia's Regional Interests. *World Economy and International Relations*. 2020;64(7):60–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-60-68
5. Kuklina E. A. Modern China in the economic space of the Arctic. *Eurasian integration: Economics, law, politics*. 2021;15(1):19–29. (In Russ.). DOI: 10.22394/2073-2929-2021-01-22-31
6. Strelnikova I. A., Kharina O. A., Nabiev H. H. The key interests of China and India in the Arctic and the main directions for cooperation with Russia. *Analysis and forecast*. 2024;2:72–83. (In Russ.). DOI: 10.20542/afij-2024-2-72-83
7. Avdeeva I. L. Analysis of the strategy of development and development of the territory of the Arctic zone by India: Socio-economic aspect. Modern research on human resource management problems: Collection of scientific articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 06–08, 2021. Part 1. Moscow: EDELWEISS; 2021. URL: <https://elibrary.ru/qvojiy> (In Russ.).
8. Kuklina E. A. Two tracks of BRICS Arctic cooperation. *Eurasian integration: Economics, law, politics*. 2023;17:3(45):25–37. (In Russ.). DOI 10.22394/2073-2929-2023-03-25-37
9. Campbell G., Fernandes B. Brazil as a Polar actor: Brazilian experience and potential contributions to the development of the Arctic agenda. *Dialogos Internacionais: electronic journal*. 2023;10(96). URL: <https://dialogosinternacionais.com.br/?p=2869>
10. Wang Yaxin. International scientific cooperation of the BRICS countries in the Arctic. *Management consulting*. 2023;3:131–139. (In Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2023-3-131-139

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Максим Николаевич Лавниченко — доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Maxim N. Lavnichenko — Assoc. Prof. of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0007-7889-1754>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

MNlavnichenko@fa.ru

Ульяна Сергеевна Буракова — студентка факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Ulyana S. Burakova — student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0003-6197-1935>

burakovau03@gmail.com

Николай Константинович Воробьев — студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Nikolay K. Vorobyev — student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0004-6911-7693>

kolibus37@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

М.Н. Лавниченко — руководство исследованием.

У.С. Буракова — разработка концепции, проведение сравнительного анализа, подготовка итоговой статьи.

Н.К. Воробьев — методология, результаты и их интерпретация.

Authors' contributions:

M.N. Lavnichenko — research management.

U.S. Burakova — concept development, conducting a comparative analysis, preparation of the final article.

N.K. Vorobyev — methodology, results and their interpretation.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.05.2025; принята к публикации 11.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.05.2025; accepted for publication on 11.07.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-112-119

УДК 338.24:005.742(045)

Реализация крупных инфраструктурных проектов в России при помощи государственных корпораций

В.А. Терентьев

Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность темы исследования обусловлена ключевой ролью крупных инфраструктурных проектов в обеспечении экономического развития, роста качества жизни граждан. В нынешних условиях реализация таких масштабных инициатив все чаще осуществляется при участии государственных корпораций, что требует глубокого изучения особенностей и эффективности их применения. Цель исследования заключается в выявлении ключевых факторов, определяющих результативность использования госкорпораций в рассматриваемой области. Анализ литературы по теме позволил обнаружить ряд проблем: недостаточно изучены схемы взаимодействия данных структур с региональными, муниципальными органами власти, а также комплексное оценивание их влияния на социально-экономическое развитие территорий. В ходе подготовки статьи автором был проведен обзор научных публикаций, систематизированы ключевые подходы, сделаны выводы о необходимости дальнейшего усовершенствования нормативно-правовой базы, модернизации механизмов государственно-частного партнерства, а также усиления координации между различными участниками инвестиционно-строительного процесса. В качестве новизны систематизирован опыт зарубежных стран и сформулирована авторская позиция относительно его применимости в России. Вместе с тем автором статьи проанализирован эмпирический материал реализации инфраструктурной политики России при помощи государственных корпораций. В качестве основных кейсов исследования были взяты такие крупные отечественные корпорации, как «Росатом», группа «ВТБ», «ВЭБ.РФ», «Ростех», и на их основе проведен сравнительный анализ и выявлены сильные и слабые стороны государственной политики в данной сфере. Представленные в статье результаты будут полезны органам государственной власти, менеджменту корпораций, научному сообществу, занимающемуся изысканиями в сфере управления инфраструктурой.

Ключевые слова: государственная политика; государственно-частное партнерство; государственные корпорации; инфраструктурные проекты; региональное развитие; институциональная среда; экономика

Для цитирования: Терентьев В.А. Реализация крупных инфраструктурных проектов в России при помощи государственных корпораций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):112-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-112-119

ORIGINAL PAPER

Implementation of Large Infrastructure Projects in Russia with the Help of State Corporations

V.A. Terentiev

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of the research topic is due to the key role of large infrastructure projects in ensuring economic development and improving the quality of life of citizens. In the current conditions, the implementation of such large-scale initiatives is increasingly carried out with the participation of state corporations, which requires an in-depth study of the features and effectiveness of their application. The purpose of the study is to identify the key factors determining the effectiveness of state corporations. An analysis of the literature on the topic revealed a number of problems: the patterns of interaction of these structures with regional and municipal authorities, as well as a comprehensive assessment of their impact on the socio-economic development of territories, have not been sufficiently studied. During the preparation of the article, the author conducted a review of scientific publications, systematized key approaches, made conclusions about the need for further improvement of the regulatory framework, modernization of public-private partnership mechanisms, as well as strengthening coordination between various participants in the investment and construction process. As a novelty, the

experience of foreign countries is systematized and the author's position regarding its applicability in Russia is formulated. At the same time, the author of the article analyzes the empirical material of the implementation of infrastructure policy in Russia with the help of state corporations. Such large domestic corporations as Rosatom, VTB Group, VEB.RF, and Rostec were taken as the main research cases, and based on them, a comparative analysis was conducted and the strengths and weaknesses of government policy in this area were identified. The results presented in the article will be useful to government authorities, corporate management, and the scientific community engaged in research in the field of infrastructure management.

Keywords: public policy; public-private partnership; state corporations; infrastructure projects; regional development; institutional environment; economy

For citation: Terentiev V.A. Implementation of large infrastructure projects in Russia with the help of state corporations. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):112-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-112-119

ВВЕДЕНИЕ

В современных экономических реалиях государственные корпорации выступают в качестве ключевого инструмента воплощения масштабных инфраструктурных замыслов. Данные организационно-правовые структуры обладают уникальным потенциалом для мобилизации ресурсов, координации усилий множества участников масштабного процесса.

Специфика рассматриваемых субъектов заключается в их промежуточном положении между частным и государственным секторами. Подобный статус предоставляет им возможность сочетать преимущества обеих форм: оперативность принятия решений, гибкость коммерческих организаций с масштабностью задач, административным ресурсом госорганов.

Реализация масштабных инфраструктурных проектов является ключевой задачей для многих стран, решение которой оказывает существенное влияние на благосостояние и качество жизни граждан. В современных условиях госкорпорации все чаще выступают в качестве основного механизма воплощения подобных инициатив. Однако их деятельность сопряжена с большим количеством серьезных вызовов, особенностей, требующих подробного изучения.

Проблема исследования заключается в необходимости выявления ключевых детерминант, предопределяющих действенность использования государственных корпораций для реализации глобальных инфраструктурных проектов, а также анализа нюансов их участия, функционирования в российских экономических реалиях.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

При подготовке настоящей работы использованы следующие статистические методы: сравнительный анализ, оценка статистических сводок, изучение кейсов (конкретных примеров), систематизация, обобщение. При ознакомлении с материалами

научных изысканий обнаруживается, что авторы исследуют многообразные аспекты темы, поэтому целесообразно выделить наиболее популярные направления, представленные в публикациях.

Многие из них сосредоточены на *оценке эффективности* рассматриваемых проектов. Так, И. В. Беляков [1] разрабатывает методику количественного оценивания рисков инфраструктурных инициатив с государственным участием.

Отдельную группу составляют работы, посвященные тенденциям *развития институциональной среды* при применении механизмов государственно-частного партнерства. К примеру, С. О. Календжян, А. А. Першин [2] исследуют трансформацию законодательной базы, организационных структур, обеспечивающих реализацию таких проектов в России.

Ряд авторов рассматривают *роль госкорпораций в развитии отдельных отраслевых сегментов* инфраструктуры. Так, Д. А. Парфенова [3] анализирует опыт госкорпорации «Ростех» в модернизации российской промышленности. Т. Р. Тамаев [4] освещает общность публично-правовых интересов государственных компаний, корпораций в гражданском обороте.

Зарубежные авторы также проявляют интерес к раскрытию обсуждаемой темы. М. Bennon, F. Fukuyama [5] анализируют *противоречия*, возникающие в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь». Р. Bond [6] рассматривает *угрозы «голубой экономике»* с точки зрения стран Глобального Юга. Помимо этого, ряд публикаций посвящен *общим вопросам функционирования госкорпораций*, их ролевым характеристикам. Так, V. Dementiev [7] исследует их специфику в ракурсе российской экономической стратегии. Gailhofer P et al. [8] анализируют проблематику *ответственности за экологический ущерб*.

Отдельное направление составляют кейсовые исследования *реализации конкретных инфраструктурных проектов*. S. Freelove, Iu. Gramatki [9] характеризуют пути создания долгосрочной социальной

ценности. A. W. Kiboi, Ja. K. Maalu [10, 11] изучают восприятие механизмов контрактной мотивации в государственных корпорациях.

В ряде трудов анализируется опыт *финансирования масштабных инициатив*. Так, Е. Kuroryatnik [12] сравнивает китайские и российские практики, А. И. Шлафман [13], Т. А. Черняк [14] описывают нюансы финансирования проектов в Арктической зоне РФ.

Итак, в литературе представлен весьма обширный спектр подходов к изысканиям в рассматриваемой области. Авторы анализируют как общие тенденции, закономерности, так и специфику отдельных отраслевых сегментов. Вместе с тем остаются недостаточно изученными вопросы взаимодействия госкорпораций с региональными и муниципальными органами власти, а также комплексной оценки их влияния на социально-экономическое развитие территорий.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе реализации инфраструктурных проектов государственные корпорации сталкиваются с рядом существенных вызовов. В первую очередь, речь идет о необходимости балансировать между экономической результативностью и социальной значимостью создаваемых объектов [3]. Зачастую продукты проектирования не способны генерировать достаточный денежный поток для обеспечения коммерческой привлекательности, однако их стратегическая важность (прежде всего для развития территорий) требует реализации — вне зависимости от сиюминутной выгоды.

Второй значимый аспект — временной горизонт планирования. Масштабные инфраструктурные объекты создаются на десятилетия вперед, что требует качественного прогнозирования будущих потребностей общества, а также хозяйственной сферы [8]. Госкорпорации вынуждены учитывать не только текущую конъюнктуру, но и долгосрочные тренды технологического развития, демографические трансформации, коррекцию отраслевых рынков.

Особого внимания заслуживает роль характеризующих субъектов в привлечении инвестиций. Выступая гарантом стабильности проекта, снижая политические риски, корпорации создают благоприятные условия для участия капитала. Механизмы государственно-частного партнерства помогают разделить финансовую нагрузку, ответственность между участниками, оптимизируя использование бюджетных средств.

Практика демонстрирует, что успешность инфраструктурных проектов во многом определяется качеством проработки технической документации на начальных стадиях [1, 5]. Государственные корпорации обладают необходимыми компетенциями, а также ресурсной базой для детального планирования, что минимизирует вероятности удорожания, срыва сроков строительства. Профессиональные команды инженеров, проектировщиков способны учесть все нюансы будущего объекта.

Немаловажным фактором является способность госкорпораций координировать функционирование множества подрядчиков, поставщиков. Строительство требует синхронизации работы сотен организаций, поставок материалов, оборудования. Рассматриваемые субъекты хозяйствования выстраивают результативные цепочки взаимодействия, контролируют качество работ на каждом этапе.

Отдельного внимания заслуживает экологический ракурс реализации крупных инфраструктурных проектов. Государственные корпорации обязаны соблюдать жесткие природоохранные требования, внедрять современные технологии защиты окружающей среды. Это выражается как в минимизации негативного воздействия в процессе строительства, так и в обеспечении эко-безопасности при последующей эксплуатации объектов [8].

В региональном разрезе анализируемые организации играют роль «катализатора» экономического развития территорий. Создание крупной инфраструктуры стимулирует появление новых производств, рабочих мест, существенно повышает инвестиционную привлекательность. При этом следует учитывать специфику местных условий, социально-экономическую ситуацию, имеющийся промышленный и кадровый потенциал.

Анализ международного опыта свидетельствует о высокой эффективности государственных корпораций при реализации масштабных инфраструктурных проектов. В частности, успешные примеры демонстрируют страны Азиатско-Тихоокеанского региона, где подобные структуры активно вовлечены в формирование транспортных коридоров, энергетических систем, промышленных кластеров [3, 4, 10, 13].

ОПЫТ РОССИЙСКИХ КОРПОРАЦИЙ

Российская практика имеет ряд характерных особенностей, обусловленных историческим развитием, текущими экономическими условиями. В инфраструктурном секторе России доминируют такие государственные корпорации, как «Росатом», «ВЭБ.РФ»,

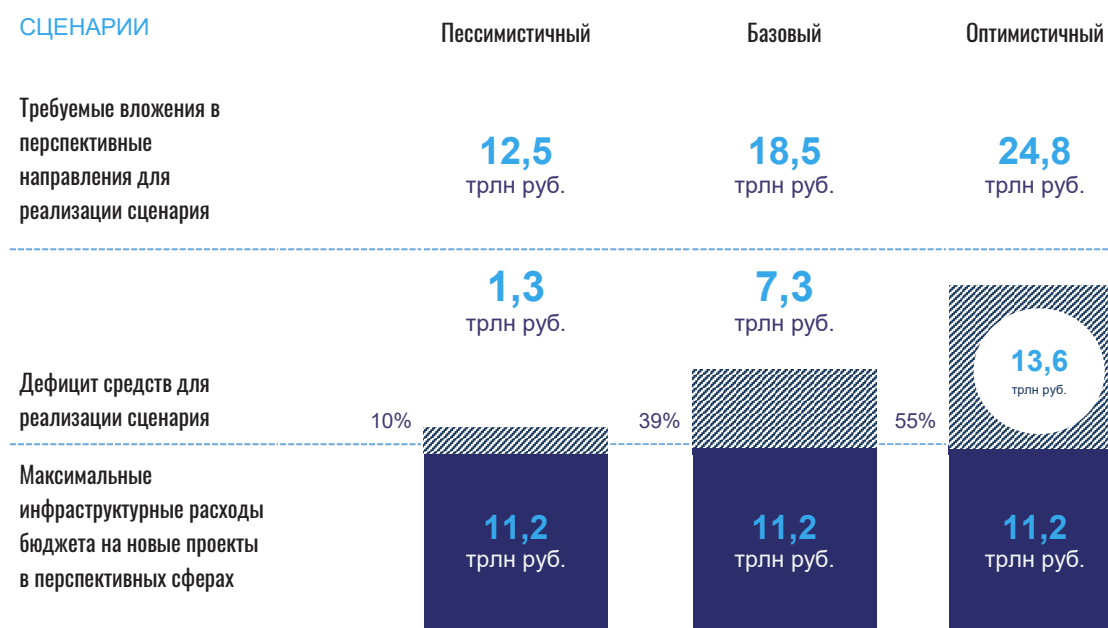

Рис. 1 / Fig. 1. Сценарии финансирования инфраструктурных проектов в РФ до 2035 г. / Scenarios for financing infrastructure projects in the Russian Federation until 2035 [2]

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

«Ростех». Каждая из них специализируется на определенных направлениях: первая развивает атомную энергетику, сопутствующую инфраструктуру, вторая выступает в качестве финансового института развития, третья концентрируется на промышленной инфраструктуре, технологическом развитии и т.д.

Из аналитического обзора 2024 г. инфраструктурного холдинга «ВТБ» следует, что для воплощения в жизнь оптимистичного, базового либо пессимистичного сценариев инвестиций в перспективные направления инфраструктуры до 2035 г. потребуется до 24,8 трлн руб.¹ (более подробное распределение по конкретным типам ожиданий приведено на рис. 1).

На диаграмме (рис. 2)² представлены данные от сайта Минстроя России по количеству объектов и мероприятий в различных категориях, а также суммы инфраструктурных бюджетных кредитов (ИБК) в млрд руб. Столбцы отображают количество объектов, а линия показывает соответствующие значения ИБК.

Характерной чертой российской модели выступает тесная интеграция государственных корпораций с властями регионов [11]. При реализации описываемых проектов формируются специальные

координационные советы, включающие представителей корпораций, региональных администраций, профильных министерств. Подобный механизм позволяет оперативно решать земельные, организационные, административные, технические вопросы.

Финансирование крупных инфраструктурных проектов в РФ осуществляется преимущественно через механизмы государственного заказа, а также целевых программ. Госкорпорации привлекают средства федерального бюджета, Фонда национального благосостояния, выпускают соответствующие облигации. При этом удельный вес частных инвестиций в масштабных инициативах остается относительно невысоким.

Особое внимание анализируемые субъекты уделяют развитию транспортной инфраструктуры. Реализуются большие проекты по модернизации железнодорожной сети, строительству автомагистралей, развитию портов. Ключевую роль здесь играет механизм концессионных соглашений, дающий возможность привлекать частный капитал под госгарантии.

В энергетическом секторе рассматриваемые корпорации фокусируются на создании генерирующих мощностей, сетевой инфраструктуры. Так, «Росатом» реализует программу строительства атомных электростанций, в том числе зарубежные решения, разработки. Укрепляются объекты для возобновляемых источников энергии, модернизируются тепловые сети.

¹ Инфраструктура будущего: тренды, проекты, перспективы. Аналитический обзор холдинга «ВТБ». URL: https://www.vtbinfra.ru/about/analytics/vtbinfra_future_2035.pdf

² Мониторинг реализации инфраструктурных проектов. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/kompleksnoe-razvitie-territoriy/2-monitoring-realizatsii-infrastrukturnykh-proektov/>

Рис. 2 / Fig. 2. Данные о типах инфраструктурных объектов и суммах ИБК / Data on the types of infrastructure facilities and the amounts of IBCs

Источник/Source: составлено автором / Compiled by the author.

Промышленная сфера качественно эволюционирует и преобразуется через создание индустриальных парков, особых экономических зон. Государственные корпорации являются в увязке с этим якорными инвесторами, создают базовую инженерную инфраструктуру, привлекают технологических партнеров. Пристальное внимание уделяется локализации производства критически значимого оборудования.

В социальной области характеризуемые организации участвуют в строительстве медицинских центров, образовательных учреждений, спортивных объектов. Примечательной особенностью служит комплексный подход: помимо возведения зданий создается необходимая транспортная, инженерная сеть, формируется система подготовки кадров.

Цифровизация описываемых проектов в России набирает обороты. Внедряются технологии информационного моделирования (BIM), создаются digital-двойники объектов, развиваются системы мониторинга, управления. Государственные корпорации инвестируют в разработку отечественного программного обеспечения в целях проектирования в строительстве.

Экологическая составляющая получает все большее внимание — как со стороны научно-общественного, так и в практической плоскости функционирования субъектов хозяйствования. Интегрируются современные системы очистки,

новейшие разработки энергосбережения, решения по утилизации отходов. При этом сохраняются проблемы с оценкой долгосрочного воздействия на окружающую среду, а также с компенсационными механизмами.

Региональная специфика реализации проектов сопряжена с климатическими особенностями территорий, уже имеющейся инфраструктурой, кадровым потенциалом. Особые подходы применяются при строительстве в условиях вечной мерзлоты, сейсмически активных зонах, труднодоступных районах.

В российской практике обозначается тенденция к формированию долгосрочных программ развития на федеральном, региональном уровнях. Госкорпорации принимают участие в разработке стратегий, формируют портфели проектов, координируют их реализацию с учетом национальных приоритетов. Вместе с тем весьма значим и зарубежный опыт, который возможно адаптировать, что отражено в таблице.

Как и в Китае, в России мощная государственная поддержка и доступ к ресурсам позволяют реализовывать масштабные проекты (пример: строительство БАМа, Транссиба).

Подходы США в области четкого законодательного регулирования, активного привлечения частного капитала помогут повысить результативность отечественного проектирования. Немецкий

Таблица / Table

Систематизация опыта реализации крупных инфраструктурных проектов при участии государственных корпораций в зарубежных странах / Systematization of the experience of implementing large infrastructure projects with the participation of state corporations in foreign countries

Страна / Country	Проект / Project	Роль государственной корпорации / The role of the state corporation	Ключевые особенности реализации / Key features of implementation	Результаты и уроки / Results and lessons
Китай	Строительство высокоскоростной железной дороги (HSR)	Финансирование, контроль строительства, операционное управление	Интенсивное финансирование через государственные банки, использование локальных технологий, рабочих	Быстрое развитие инфраструктуры, снижение транспортных издержек, интеграция регионов
США	Interstate Highway System	Центральное планирование, частичное финансирование через федеральные фонды	Четкое законодательное регулирование, привлечение частных подрядчиков	Рост национальной экономики, усиление межрегиональной интеграции
Германия	Развитие зеленой энергетики (Energiewende)	Субсидирование проектов, нормативно-правовая поддержка	Акцент на частно-государственное партнерство, активное взаимодействие с местным самоуправлением	Лидерство в зеленой энергетике, снижение зависимости от ископаемого топлива
ОАЭ	Проект Burj Khalifa и инфраструктура Дубая	Государственное управление инвестиционными фондами	Привлечение государственных инвестиционных компаний, международных специалистов	Создание туристического, делового хаба, укрепление международного статуса
Япония	Проект восстановления инфраструктуры после цунами 2011 г.	Координация восстановления, субсидирование	Интеграция усилий на государственном, региональном уровне, прозрачность финансовых потоков	Оперативное восстановление, повышение устойчивости к природным катастрофам

Источник/Source: составлено автором на основе [1, 2, 7, 9, 12] / Compiled by the author on the basis of [1, 2, 7, 9, 12].

опыт в области зеленой энергетики востребован с позиций создания устойчивой энергетической инфраструктуры, особенно в удаленных регионах. Вместе с тем важно помнить о наиболее острых проблемах и барьерах, свойственных России: ограниченная прозрачность, бюрократическая нагрузка в реализации крупных проектов; недостаточная интеграция частного бизнеса в государственные инфраструктурные инициативы; разнородность регионов РФ требует адаптированных подходов, что усложняет унификацию стандартов.

ВЫВОДЫ

Госкорпорации представляют собой действенный механизм реализации крупных инфраструктурных проектов, сочетающий преимущества государственного и частного секторов. Их последующее развитие будет определяться способностью приспосабливаться к меняющимся условиям, внедрять инновационные разработки, обеспечивать баланс хозяйственных и общественных интересов.

Подытоживая, целесообразно подчеркнуть, что текущие вызовы для российских государственных

корпораций связаны с необходимостью технологического импортозамещения, поиском новых финансовых инструментов, развитием отечественных компетенций в сфере проектирования, строительства сложных инфраструктурных объектов. Перспективы прямым образом сопряжены с цифровизацией управленческих процессов, внедрением передовых строительных технологий, усовершенствованием схем привлечения частных инвестиций. Особую значимость приобретает формирование долгосроч-

ных программ развития инфраструктуры, в рамках которых принимаются во внимание глобальные тенденции, национальные приоритеты.

Использование опыта зарубежных стран в России, на что был сделан акцент в статье, возможно при условии формирования прозрачной, стимулирующей среды для инвесторов, оптимизации бюрократических процедур, нивелирования сопутствующих барьеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляков И. В. О количественной оценке рисков инфраструктурных проектов с государственным участием. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2022;4:30–60. DOI: 10.17323/1999–5431–2022–0–4–30–60
2. Календжян С. О. Тенденции развития институциональной среды в рамках применения механизмов государственно-частного партнерства в современной России. *Экономика, предпринимательство и право*. 2024;14(4):1257–1270. DOI: 10.18334/epp.14.4.120889
3. Парфенова Д. А. Государственные корпорации и их роль в возрождении и модернизации российской промышленности (на примере государственной корпорации «Ростех»). *Via Scientiarum — Дорога знаний*. 2019;2:40–45. URL: <https://www.elibrary.ru/mdpkmw>
4. Тамаев Т. Р. Государственные компании и корпорации, компании с государственным участием: общность публично-правовых интересов в гражданском обороте. *Право и управление*. 2023;9:148–151. DOI: 10.24412/2224–9133–2023–9–148–151
5. Bennon M., Fukuyama F. The obsolescing bargain crosses the belt and road initiative: Renegotiations on BRI projects. *Oxford Review of Economic Policy*. 2022;38(2):278–301. URL: <https://fsi.stanford.edu/publication/obsolescing-bargain-crosses-belt-and-road-initiative-renegotiations-bri-projects>
6. Bond P. Blue economy threats, contradictions and resistances seen from South Africa. *Journal of Political Ecology*. 2019;26(1):341–362. DOI: 10.2458/v26i1.23504
7. Dementiev V. State corporations. Russia: Strategy, Policy and Administration. London: 2018:381–391. DOI: 10.1057/978–1–137–56671–3_33
8. Gailhofer P. et al. Corporate liability for transboundary environmental harm. *Cham: Springer Nature*; 2023. 640 p. DOI: 10.1007/978–3–031–13264–3
9. Freelove S., Gramatki Iu. Creating long-term social value on major infrastructure projects: A case study. *Proceedings of the Institution of Civil Engineers: Engineering Sustainability*. 2022;175(4):186–193. URL: <https://www.icevirtuallibrary.com/doi/abs/10.1680/jensu.21.00082>
10. Kiboi A. W., Maalu Ja. K. Employee perception of performance contracting in state corporations. *Journal of Entrepreneurship and Project Management*. 2023;8(1):41–63. DOI: 10.47941/jepm.1307
11. Kiboi A. W., Maalu Ja. K. Management perception of performance contracting in state corporations. *International Journal of Supply Chain and Logistics*. 2023;7(2):1–26. DOI: 10.47941/ijscsl.1308
12. Kuropyatnik E. Financing of large infrastructure projects: Chinese experience and Russian practice. *Review of Business and Economics Studies*. 2022;10(2):56–90. DOI: 10.26794/2308–944X-2022–10–2–56–90
13. Shlafman A. I. Management and infrastructure of promising international projects in the Arctic zone of the Russian Federation. *Components of Scientific and Technological Progress*. 2021;5(59):16–19. URL: <https://elibrary.ru/katpla>
14. Черняк Т. А. Управление инфраструктурным обеспечением развития арктических территорий. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2024;65:47–60. DOI: 10.17223/19988648/65/4

REFERENCES

1. Belyakov I. V. On quantitative risk assessment of infrastructure projects with state participation. *Issues of state and municipal management*. 2022;4:30–60. (In Russ.). DOI: 10.17323/1999–5431–2022–0–4–30–60
2. Kalendzhyan S. O. Trends in the development of the institutional environment within the framework of

- the use of public-private partnership mechanisms in modern Russia. *Economics, entrepreneurship and law*. 2024;14(4):1257–1270. (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.14.4.120889
3. Parfenova D.A. State corporations and their role in the revival and modernization of Russian industry (on the example of the Rostec State Corporation). *Via Scientiarum — The Road of Knowledge*. 2019;2:40–45. URL: <https://www.elibrary.ru/mdpkmw> (In Russ.).
 4. Tamaev T.R. State-owned companies and corporations, companies with state participation: Commonality of public law interests in civil turnover. *Law and management*. 2023;9:148–151. (In Russ.). DOI: 10.24412/2224–9133–2023–9–148–151
 5. Bennon M., Fukuyama F. The obsolescing bargain crosses the belt and road initiative: Renegotiations on BRI projects. *Oxford Review of Economic Policy*. 2022;38(2):278–301. URL: <https://fsi.stanford.edu/publication/obsolescing-bargain-crosses-belt-and-road-initiative-renegotiations-bri-projects>
 6. Bond P. Blue economy threats, contradictions and resistances seen from South Africa. *Journal of Political Ecology*. 2019;26(1):341–362. DOI: 10.2458/v26i1.23504
 7. Dementiev V. State corporations. Russia: Strategy, Policy and Administration. London: 2018:381–391. DOI:10.1057/978–1–137–56671–3_33
 8. Gailhofer P. et al. Corporate liability for transboundary environmental harm. *Cham: Springer Nature*; 2023. 640 p. DOI: 10.1007/978–3–031–13264–3
 9. Freelove S., Gramatki Iu. Creating long-term social value on major infrastructure projects: A case study. *Proceedings of the Institution of Civil Engineers: Engineering Sustainability*. 2022;175(4):186–193. URL: <https://www.icevirtuallibrary.com/doi/abs/10.1680/jensu.21.00082>
 10. Kiboi A. W., Maalu Ja. K. Employee perception of performance contracting in state corporations. *Journal of Entrepreneurship and Project Management*. 2023;8(1):41–63. DOI: 10.47941/jepm.1307
 11. Kiboi A. W., Maalu Ja. K. Management perception of performance contracting in state corporations. *International Journal of Supply Chain and Logistics*. 2023;7(2):1–26. DOI: 10.47941/ijscsl.1308
 12. Kuropyatnik E. Financing of large infrastructure projects: Chinese experience and Russian practice. *Review of Business and Economics Studies*. 2022;10(2):56–90. DOI: 10.26794/2308–944X-2022–10–2–56–90
 13. Shlafman A. I. Management and infrastructure of promising international projects in the Arctic zone of the Russian Federation. *Components of Scientific and Technological Progress*. 2021;5(59):16–19. URL: <https://elibrary.ru/katpla>
 14. Chernyak T.A. Management of infrastructural support for the development of Arctic territories. *Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2024;65:47–60. (In Russ.). DOI: 10.17223/19988648/65/4

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Виталий Андреевич Терентьев — соискатель, сотрудник Академии базовой подготовки, Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Российская Федерация

Vitaly A. Terentiev — Applicant, Employee of the Basic Training Academy, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009–0008–1037–5443>
 abp-rut@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
 Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.05.2025; принята к публикации 16.07.2025.
 Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
 The article was received 01.05.2025; accepted for publication 16.07.2025.
 The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-120-129

УДК 35.083:342.5+331.108:35.08(045)

Высшие государственные служащие как политический и правовой феномен

A.B. Ageev

Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель и задачи. Исследование направлено на комплексный анализ правового и общественно-политического статуса высших государственных служащих (ВГС) в Российской Федерации как ключевого элемента системы государственного управления. Основные задачи включают: 1) определение юридических рамок и фактического положения ВГС в структуре власти; 2) выявление и обоснование специфических критериев, позволяющих выделить ВГС в особую профессиональную группу, отличающуюся масштабом ответственности, характером полномочий и уровнем влияния на принятие стратегических решений; 3) критическую оценку действующего нормативного регулирования их деятельности, включая процедуры назначения, оценки эффективности и ротации; 4) разработку рекомендаций по совершенствованию законодательства и практики управления высшим кадровым составом государственной службы для повышения эффективности и легитимности публичной власти. **Методология.** Исследование базируется на применении сравнительно-правового метода, позволяющего провести анализ российского законодательства о государственной службе. Использован системный подход для комплексной оценки эффективности механизмов управления ВГС и их взаимодействия с политическим руководством. Дополнительно применен формально-юридический анализ норм и институтов, а также элементы институционального анализа для понимания реальных практик функционирования группы ВГС. **Результаты.** Установлено, что действующее российское законодательство детально регламентирует преимущественно формальные аспекты статуса ВГС (административно-правовые требования к квалификации, порядок назначения и освобождения от должности, вопросы денежного содержания и финансового контроля). Однако выявлен дефицит нормативного закрепления и практической реализации меритократических принципов отбора, основанных на объективных профессиональных качествах и достижениях, а также прозрачных критериев и процедур регулярной оценки эффективности деятельности ВГС. Доказано, что отсутствие четких, публичных и измеримых показателей результативности, равно как и конкурентных механизмов продвижения, создает системные риски влияния фактора персональной лояльности и неформальных связей при назначении на высшие должности, что может негативно сказываться на качестве принимаемых управленческих решений и общественном доверии. **Ключевые слова:** государственная служба; высшие государственные служащие; бюрократия; правовой статус; кадровая политика; меритократия; нормативное регулирование; оценка эффективности

Для цитирования: Агеев А.В. Высшие государственные служащие как политический и правовой феномен. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):120-129. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-120-129

ORIGINAL PAPER

Senior Civil Servants as a Political and Legal Phenomenon

A.V. Ageev

Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Purpose and Objectives. The study aims to conduct a comprehensive analysis of the legal and socio-political status of senior civil servants (SCS) in the Russian Federation as a key element of the public administration system. The main objectives include: 1) defining the legal framework and actual position of SCS within the power structure; 2) identifying and justification specific criteria that distinguish SCS as a distinct professional group characterized by the scope of responsibility, scope of authority, and level of influence on strategic decision-making; 3) a critical assessment of the

current regulatory framework for their activities, including appointment procedures, performance evaluation, and rotation; 4) to develop recommendations for improving legislation and management practices of senior civil service personnel in order to increase the effectiveness and legitimacy of public authority. **Methodology.** The research is based on the comparative legal method that allows an analysis of Russian legislation on public service. A systemic approach was used to comprehensively assess the effectiveness SCS management mechanisms and their interaction with political leadership. Additionally, a formal legal analysis of norms and institutions, as well as elements of institutional analysis, were applied to understand the real practices of the SCS group. **Results.** It has been established that the current Russian legislation regulates in detail mainly the formal aspects of the SCS status (administrative and legal requirements for qualifications, the procedure for appointment and dismissal, issues of monetary support and financial control). However, there is a lack of regulatory consolidation and practical implementation of meritocratic selection principles based on objective professional qualities and achievements, as well as transparent criteria and procedures for regular evaluation of the effectiveness of SCS activities. It has been proven that the lack of clear, public and measurable performance indicators, as well as competitive promotion mechanisms, creates systemic risks of personal loyalty and informal connections when appointed to senior positions, which can negatively affect the quality of management decisions and public trust.

Keywords: civil service; senior civil servants; bureaucracy; legal status; personnel policy; meritocracy; regulatory framework; performance evaluation

For citation: Ageev A.V. Senior civil servants as a political and legal phenomenon. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):120-129. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-120-129

ВВЕДЕНИЕ

Высшие государственные служащие (далее также ВГС) — это особая категория государственных служащих, которые назначаются высшими должностными лицами в стране и принадлежат к верхним рангам в системе должностей государственной службы. Речь идет о политико-административной элите — лицах, занимающих стратегические должности в государственных органах, которые способны регулярно и устойчиво оказывать влияние на политические результаты [1].

К ВГС относят руководителей органов власти, а также их заместителей и руководителей крупных подразделений. Функциональная специфика ВГС, отличающая их как от политиков, определяющих стратегический курс государства, так и от рядовых административных служащих, реализующих оперативные задачи, обусловила формирование в большинстве развитых стран специальных кадровых служб для их отбора, подготовки и оценки эффективности работы.

В Российской Федерации, несмотря на наличие развитого законодательства о государственной службе, высшие государственные служащие не выделены в отдельную категорию с особым правовым статусом и механизмами регулирования. Настоящая статья посвящена анализу данного правового пробела и обоснованию необходимости институционального оформления особой системы управления кадрами ВГС в России, учитывающей их уникальную роль и международный опыт.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В научной литературе и нормативных документах разных стран встречаются различные подходы к определению высшей государственной службы

и самого понятия «высший государственный служащий». В Великобритании используется термин «Senior Civil Service», в Нидерландах — «Senior Public Service», в Эстонии — «Top Public Service», во Франции и Румынии — «High-ranking civil servants».

В Нидерландах [2] Senior Civil Service (SCS/ВГС) — это система персонала для высших руководящих позиций в национальной государственной службе, система карьерного развития, обеспечивающая возможность конкурентного назначения на функции, включающие консультирование по вопросам политики, оперативное исполнение или корпоративное управление (директора, генеральные директора, главы департаментов и отделов, госсекретари и аналогичные должности).

В докладе, посвященном анализу ВГС на Балканах, высшей государственной службой считаются профессиональные государственные служащие, занятые на высших управленческих должностях в национальной гражданской службе. Они назначаются на конкурсной основе для выполнения функций, связанных с консультированием по вопросам политики, операционным управлением или корпоративным обслуживанием¹.

В Литве [3] высшая государственная служба определяется как система неполитических кадров, занимающих высокие и руководящие должности в национальной государственной службе.

В Великобритании высшие госслужащие — это наиболее высокопоставленные сотрудники министерств и ведомств, включая их постоянных секретарей, а также несколько следующих уровней

¹ ОЭСР. Анализ профессионализации высшей гражданской службы и перспективы для стран Западных Балкан: Документ SIGMA № 55. Париж: Издательство ОЭСР; 2018. 98 с. URL: <https://ideas.repec.org/p/oec/govaac/55-en.html>

руководства (генеральные директора, директора и заместители директоров)².

В странах ОЭСР высшая государственная служба — это группа должностных лиц, назначаемых на высокоуровневые должности в различных государственных органах. Обычно такие сотрудники работают в сфере формирования политики на национальном уровне или возглавляют ключевые исполнительные органы³.

Сопоставление подходов к пониманию ВГС за рубежом представлено в *таблице 1*.

Таким образом, высшие государственные служащие — это профессиональные государственные служащие, занятые на высших управленческих должностях в национальной гражданской службе. К ним относятся: руководители ведомств, главы департаментов и отделов.

Исследования данной категории госслужащих в России рассматривают ВГС как часть российской политико-административной элиты [4], то есть непосредственно участвующей в формировании процесса принятия политических решений [5]. Как указывает А. Дука [6], политико-административная элита предполагает не просто формальное должностное положение, а реальную возможность влиять на принимаемые решения и стратегию развития государства. Как отмечает О. Крыштановская [7], политико-административная элита — это группы ключевых фигур, определяющие стратегию развития страны. Они представляют собой «второй эшелон» власти, который в ближайшее десятилетие займет ведущие позиции в управлении экономикой, социальной сферой и безопасностью.

Эти управленцы обладают уникальными характеристиками: среди них преобладают выпускники престижных вузов, а их карьеры часто сочетают опыт работы в бизнесе, регионах или силовых структурах. Более того, Крыштановская подчеркивает, что современная политико-административная элита неоднородна — она включает как столичных юристов-экономистов с глобалистскими взглядами, так и выходцев из реги-

онов или силовых ведомств с консервативными ценностями.

Д. Тев в своих работах [8] делает вывод, что административная профессионализация — основная модель карьеры политико-административной элиты. Это подтверждается данными о том, что большинство высокопоставленных сотрудников Администрации Президента РФ (АП) имеют опыт работы в федеральных административных структурах, включая саму АП и Правительство РФ. Такой подход способствует интеграции президентской бюрократии и правительственной элиты в единую властную группу, что, по мнению Тева, укрепляет вертикаль власти и обеспечивает ее стабильность. Особого внимания заслуживает вывод Тева [9] о слабой роли выборных должностей (например, сенатор Федерального Собрания) в карьерах представителей политико-административной элиты. Это подтверждает тезис о доминировании исполнительной власти и ее аппарата в российской политической системе, где парламент играет скорее формальную роль.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

В настоящем исследовании в качестве высших государственных служащих учитываются государственные гражданские служащие, замещающие должности категории «руководители» высшей группы должностей. В этот слой входят руководители федеральных органов исполнительной власти, руководители аппаратов федеральных государственных органов, их заместители, руководители наиболее крупных структурных подразделений (департаментов, управлений), руководители территориальных и заграничных органов федеральных органов исполнительной власти, а также лица на аналогичных должностях в системе органов власти субъектов Российской Федерации.

Высшие государственные служащие, как показали предыдущие исследования, отличаются как от публичных политиков (в терминологии современного российского законодательства — лиц, замещающих государственные должности), так и от основного числа государственных гражданских служащих. Особенности общественно-политического положения ВГС представлены в *табл. 2*.

С опорой на предыдущие публикации предлагаем набор критериев, позволяющих идентифицировать высших государственных служащих:

1) должности государственной гражданской службы категории «руководители» высшей груп-

² Комитет по государственному управлению Палаты общин. Аутсайдеры и инсайдеры: Внешние назначения в высшую гражданскую службу: Седьмой отчет сессии 2009–2010 гг. Лондон: The Stationery Office Limited; 2010. 54 с. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmselect/cmpublicadm/241/241.pdf>

³ Shiu Peter K. C. On Ideal Type of Senior Civil Service Structure. Institute of European and American Studies; Academia Sinica. 2009. URL: https://www.ea.sinica.edu.tw/file/Image/On_Ideal_Type_of_Senior_Civil_Service_Structure.pdf

Таблица 1 / Table 1

**Подходы к пониманию высших госслужащих в зарубежных странах /
Approaches to understanding senior civil servants in foreign countries**

Страны / Countries	Должностные уровни / Job Levels	Функционал / Functionality
Нидерланды	1. Генеральный (Государственный, Постоянный) секретарь. 2. Генеральный директор, руководитель департамента. 3. Директор. 4. Руководитель подразделения	1. Подготовка проектов государственных решений и стратегий. 2. Руководство разработкой и исполнением государственных программ и проектов. 3. Ведение бюджетного планирования и обеспечение исполнения бюджета организации. 4. Назначение, оценка и развитие сотрудников, находящихся в прямом подчинении. 5. Проведение служебных проверок, анализ эффективности и оптимизация деятельности подведомственных подразделений. 6. Подготовка и проведение отчетности для правительства и надзорных органов. 7. Реализация указаний (приказов) политического руководства, подготовка материалов для министров. 8. Представительство ведомства на межведомственных и международных совещаниях. 9. Внедрение цифровых, административных и организационных реформ
Албания; Босния и Герцеговина; Северная Македония; Сербия; Черногория	1. Генеральный (государственный, постоянный) секретарь. 2. Генеральный директор, заместитель генерального (постоянного) секретаря, начальник сектора. 3. Директор департамента. 4. Заместитель руководителя	1. Осуществление стратегического управления в министерствах и ведомствах. 2. Предоставление политико-административных консультаций министрам. 3. Руководство процессами реализации государственной политики. 4. Управление подчиненными структурами и персоналом. 5. Организация деятельности по выполнению решений правительства. 6. Контроль оперативной деятельности и распределение ресурсов. 7. Представление и защита интересов ведомства в межведомственном взаимодействии. 8. Обеспечение исполнения законов и нормативных актов в своей сфере ответственности. 9. Ответственность за результаты деятельности ведомства или подведомственного органа
Литва	1. Генеральный секретарь министерства. 2. Директор департамента. 3. Заместитель министра. 4. Директор агентства, службы. 5. Руководитель управления. 6. Директор бюро, отдела	1. Управление политико-административным интерфейсом (взаимодействие политики и госуправления). 2. Управление учреждением или департаментом (операционное и стратегическое руководство, реализация политики). 3. Управление всей государственной службой (разработка, внедрение, контроль стратегий и реформ во всей системе государственной службы)
Велико-британия	1. Постоянный секретарь. 2. Генеральный директор. 3. Директор	1. Руководство министерствами и ведомствами. 2. Внедрение государственных политик. 3. Контроль за исполнением бюджета, управление финансами и персоналом. 4. Ответность перед парламентом/правительством
Страны ОЭСР	1. Руководитель правительственного органа. 2. Должностное лицо, работающее с политическим лидером	Участие в реализации политики на национальном уровне, руководство крупными оперативными агентствами

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Таблица 2 / Table 2

Особенности высших государственных служащих по отношению к другим категориям публичных должностных лиц в Российской Федерации / Features of senior civil servants in relation to other categories of public officials in the Russian Federation

Основания для сопоставления / Grounds for comparison	Высшие государственные служащие / Senior civil servants	Лица, занимающие государственные должности / Persons holding public positions	Государственные гражданские служащие / Civil servants
Правовой статус установлен	Статус установлен фрагментарно в законодательстве о государственной службе	Статус установлен в Конституции РФ, конституциях (уставах) субъектов РФ, отдельных законах и подзаконных актах	Законодательство о государственной службе
Подотчетность	Президент РФ, Правительство РФ	Народ как источник власти, Президент, Председатель Правительства РФ	Представитель нанимателя – руководитель государственного органа
Способ назначения	Без конкурса	Процедура выборов или назначения высшим должностным лицом	Как правило, по результатам конкурса
Способ оценки	Не формализована (может учитываться удовлетворенность получателей государственных услуг, ключевые показатели развития отрасли и т.д.)	Политическое доверие	Формализованная аттестация
Способ оплаты	Денежное содержание или денежное вознаграждение	Денежное вознаграждение (фиксированный должностной оклад, надбавки и ежемесячное денежное поощрение)	Денежное содержание (должностной оклад, оклад за классный чин, надбавки за выслугу лет, за особые условия службы), премии
Количество должностей	175 на федеральном уровне	65 на федеральном уровне	На федеральном уровне устанавливается Президентом РФ
Примеры должностей	Руководитель Администрации Президента РФ; заместитель федерального министра, директор федеральной службы	Президент РФ, Председатель Правительства РФ, Сенатор РФ; федеральный судья, аудитор Счетной палаты РФ	Референт управления Администрации Президента РФ, главный советник отдела федерального министерства, консультант отдела в Аппарате Совета Федерации РФ
Срок полномочий	Как правило, на срок полномочий назначившего лица	На срок полномочий высшего должностного лица или выборного государственного органа	Бессрочный служебный контракт, срочный служебный контракт от 1 до 5 лет

Окончание таблицы 2 / Table 2 (continued)

Основания для сопоставления / Grounds for comparison	Высшие государственные служащие / Senior civil servants	Лица, занимающие государственные должности / Persons holding public positions	Государственные гражданские служащие / Civil servants
Основания для увольнения	Окончание срочного контракта, собственное желание, достижение предельного возраста, утрата доверия, нарушение законодательства	Истечение срока полномочий, стойкая неспособность исполнять полномочия, утрата доверия (отрешение от должности), собственное желание, смерть, прекращение деятельности государственного органа (отставка Правительства, роспуск Государственной Думы)	Окончание срочного контракта, собственное желание, достижение предельного возраста, нарушение законодательства, отказ от ротации, неудовлетворительные результаты аттестации, реорганизация (ликвидация) государственного органа (должности)
Предельный возраст	65 лет с возможностью продления до 70 лет. Для лиц, назначаемых Президентом РФ, — не установлен	Не установлен	65 лет

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

пы должностей⁴; даже среди категории «руководители» выделяется именно высшая группа, так как остальные группы (главные, ведущие, старшие) относятся к оперативному управлению и не обладают сопоставимым влиянием. Например, «руководитель отдела» в министерстве отвечает за локальные задачи, а директор департамента определяет политику целого направления. А если включить в категорию ВГС, например, советников или экспертов высшей группы, это размывает ее специфику, так как:

- их функции часто ограничены консультационной или узкопрофессиональной ролью, а не стратегическим руководством;
- они не всегда участвуют в принятии решений на уровне министерств/ведомств;
- их статус обычно регулируется общими нормами о государственной службе без исключений, как у руководителей;

2) особая процедура подбора (назначения) на должность и освобождения от должности;

3) особая процедура оценки деятельности.

Далее по этим критериям рассмотрим действующее законодательство России, содержащее элементы правового статуса ВГС, и выявим пробелы в регулировании, что позволит сформулировать соответствующие предложения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нормы, описывающие деятельность высших государственных служащих, распределены в нескольких законодательных и подзаконных актах. Сам термин в законодательстве РФ не используется.

Единый перечень должностей государственной службы отсутствует. На федеральной государственной гражданской службе он установлен указом Президента РФ⁵. Общее количество таких должностей на федеральной гражданской службе — 175.

Порядок подбора и назначения на должности государственных гражданских служащих регулирует гл. 4 Федерального закона № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее все ссылки по тексту даются на данный Закон, если не указано иное).

⁴ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12136354/?ysclid=mdd9s3ye1d629842861>

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2005 № 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы». URL: <https://base.garant.ru/189039/?ysclid=mdd9tynhvd667763534>

По общему правилу (ст. 22), поступление на гражданскую службу или замещение другой должности гражданской службы осуществляется по результатам конкурса. Конкурс заключается в оценке профессионального уровня кандидатов и их соответствия квалификационным требованиям. Для проведения конкурса на замещение вакантной должности формируется конкурсная комиссия, в состав которой входят представитель нанимателя, уполномоченные им гражданские служащие и независимые эксперты.

Для должностей, отнесенных нами к ВГС, установлены следующие особенности подбора и назначения:

- решение принимается Президентом РФ, Правительством РФ или высшим должностным лицом субъекта РФ (ст. 22 ч. 2 п. 2);
- назначение осуществляется без проведения конкурса (ст. 22 ч. 2);
- предъявляется квалификационное требование к наличию высшего образования (ст. 12 ч. 3), но с субъективной оценкой профессионального уровня.

Срок замещения должности гражданскими служащими регламентируется с учетом следующих ключевых принципов: на основании бессрочного контракта (ст. 25 ч. 1) или срочного контракта (до 5 лет) при наличии специальных оснований (ст. 25 ч. 4), таких как временное замещение отсутствующего служащего; работа во временных органах власти; исполнение обязанностей в дипломатических представительствах РФ за границей; трудоустройство выпускников целевого обучения. Предельный возраст гражданской службы — 65 лет (ст. 251).

На должностях, отнесенных к ВГС, назначение происходит исключительно на срочной основе (ч. 4 ст. 25). Срок полномочий привязывается к деятельности назначающего органа (например, Правительства РФ), что автоматически прекращает контракт по окончании мандата (п. 2 ст. 35). Процедура назначения исключает конкурсные механизмы — решение принимается Президентом РФ, Правительством РФ либо через ротацию или кадровый резерв (ч. 2 ст. 22). При достижении возраста 65 лет предусмотрена возможность продления контракта до 70 лет по решению назначившего органа, а для лиц, назначенных Президентом РФ, возрастные ограничения отсутствуют.

Система оценки гражданских служащих детально регламентирована. Аттестация (ст. 48) проводится каждые три года комиссией с участием независимых экспертов, включает анализ исполнения

должностного регламента, результатов профессиональной деятельности, соблюдения этических норм. Результаты аттестации определяют дальнейший карьерный рост, включение в кадровый резерв или увольнение.

Система оценки ВГС характеризуется почти полным отсутствием формализованных процедур. Ключевым инструментом служит субъективная оценка назначающим субъектом (Президент РФ, Правительство РФ) в рамках мониторинга исполнения должностных обязанностей без четких критериев (ст. 47); проверки соблюдения ограничений (ст. 20, 201) и отсутствия конфликта интересов (ст. 19); решения о продлении срока службы после 65 лет (ст. 251), где основным параметром является доверие назначающего субъекта. Присвоение классных чинов действительного государственного советника РФ 1–3 класса осуществляется Президентом РФ (ст. 11 ч. 14) без публичной верификации квалификации.

Процедура освобождения от должности для гражданских служащих предусматривает гарантии защиты их трудовых прав. Обязательными этапами являются: предупреждение об увольнении за два месяца при сокращении (ч. 2 ст. 31); предложение альтернативной должности в том же или ином государственном органе (ч. 5 ст. 31); учет мнения выборного профсоюзного органа (ст. 38).

Основания увольнения госслужащих включают объективные критерии: сокращение штата государственного органа (п. 82 ч. 1 ст. 37); несоответствие должности по результатам аттестации (п. 16 ч. 1 ст. 37); дисциплинарные нарушения с документальной фиксацией (п. 2–3 ч. 1 ст. 37). Социальные гарантии предусматривают выходное пособие в размере 4-месячного денежного содержания (ч. 31 ст. 37) и компенсацию за неиспользованный отпуск (ст. 46).

Для должностей категории «руководители» высшей группы процедура освобождения от должности инициируется назначающим субъектом (Президентом РФ, Правительством РФ) без обязательного детального обоснования (п. 2 ст. 35). Ключевые основания включают:

- истечение срока срочного служебного контракта (автоматическое прекращение);
- утрату доверия за коррупционные нарушения (п. 11 ч. 1 ст. 37);
- несоответствие должности вследствие «недостаточного профессионального уровня» (п. 16 ч. 1 ст. 37), определяемого без формализованной оценки.

Решение об увольнении оформляется нормативным правовым актом без служебных проверок, участия комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих или учета мнения профсоюзного органа (ст. 38 не применяется), что минимизирует процессуальные гарантии. Последствия ограничиваются исключением из реестра служащих (ст. 43) без предусмотренных социальных компенсаций.

ВЫВОДЫ

Мы выяснили, что все предложенные критерии, характеризующие высших государственных служащих, действующим российским законодательством урегулированы лишь частично. При этом наблюдается существенная специфика должностей, относимых нами к ВГС, по отношению к остальному персоналу органов государственной власти.

Установлены требования к наличию высшего образования, порядок назначения и освобождения от должности, а также возрастные ограничения.

Законодательство создает модель управляемой нестабильности: декларируемая возможность бессрочного контракта (ст. 25 ч. 1) полностью замещается обязательной срочностью (ст. 25 ч. 4), формируя систему политически зависимых назначений, где формальные гарантии уступают усмотрению вышестоящих органов.

Еще менее подробно регулируются процедуры оценки эффективности деятельности ВГС и меритократические принципы отбора, что открывает возможности для таких проблем, как зависимость назначений от политической конъюнктуры, недостаточная прозрачность кадровых решений и снижение качества государственного управления.

Закон формирует асимметричную модель оценки, в которой доминируют внепроцедурные механизмы, ставящие профессиональные качества в зависимость от доверия назначающего субъекта. Для остальных госслужащих применяется формализованная бюрократическая оценка.

Освобождение от должности государственных служащих категории «руководители» высшей группы должностей осуществляется по внепроцессуальному механизму (ст. 35, 37): истечение срока срочного контракта прекращает полномочия; «утрата доверия» применяется без служебных проверок или участия профсоюзов; решение назначающего органа (Президент РФ, Правительство РФ) не требует обоснования.

Зарубежный опыт показывает, что вопросы отбора и оценки ВГС можно урегулировать через введение конкурсных процедур, независимых комиссий и четких критериев эффективности. Это позволяет повысить профессионализм управленцев, снизить уровень коррупции и усилить доверие к государственным институтам, что подтверждают данные исследований из Нидерландов, Великобритании и других стран.

Экстраполяция этого опыта на Россию, на наш взгляд, возможна по следующим направлениям.

Во-первых, внести изменения в ст. 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе», предусмотрев обязательный конкурс для замещения высших должностей. Конкурсная комиссия должна включать не только представителей нанимателя, но и независимых экспертов (например, ученых, представителей профессиональных ассоциаций, бизнеса и НКО). Разработать прозрачные критерии оценки кандидатов, включая профессиональный опыт, управленческие навыки, достижения в предыдущих должностях и отсутствие конфликта интересов. Публиковать результаты конкурсов на официальных ресурсах государственных органов для обеспечения общественного контроля.

Во-вторых, возможно учредить специализированную структуру по аналогии с британской Senior Civil Service, которая будет заниматься отбором, аттестацией и ротацией ВГС. Этот орган должен быть независимым от политического влияния и подотчетным напрямую Президенту РФ или Парламенту РФ.

В его функции могут входить:

- формирование кадрового резерва для высших должностей и проведение конкурса на вакантные должности ВГС;
- проведение регулярных аттестаций с использованием объективных показателей (KPI);
- организация программ профессионального развития для ВГС.

В-третьих, внедрить обязательную ежегодную оценку деятельности ВГС на основе ключевых показателей (KPI), таких как:

- реализация государственных программ и проектов;
- удовлетворенность граждан качеством государственных услуг;
- эффективность управления бюджетными средствами;
- соблюдение антикоррупционных норм.

Результаты оценки должны влиять на продвижение по службе, премирование или возможное освобождение от должности.

В-четвертых, дополнить Федеральный закон № 79-ФЗ нормами, требующими от кандидатов на высшие должности соответствия профессиональным стандартам (например, наличие опыта управления крупными проектами, подтвержденные достижения в государственном управлении) и установить запрет на назначение на высшие должности лиц с непроверенной квалификацией или конфликтом интересов.

В-пятых, создать открытый реестр ВГС с информацией об их карьерном пути, образовании, результатах аттестаций и декларациях о доходах;

и ввести обязательное публичное обоснование решений о назначении или освобождении от должности, включая ссылки на результаты оценки и конкурсные процедуры.

Эти меры позволят не только повысить профессионализм высшего управленческого звена, но и усилить доверие общества к государственным институтам. Их реализация требует поэтапного внедрения, начиная с пилотных проектов в отдельных ведомствах, с последующим масштабированием на всю систему государственной службы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Косоруков А.А. Политико-административная элита современного государства. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2014;47:299–317. URL: <https://www.elibrary.ru/tfypyr>
2. Coopmans H., Rode A. Top public managers in Europe: Management and working conditions of the senior civil service in Europe. European Institute of Public Administration. Maastricht: 2008. 52 p. URL: https://www.eupan.eu/wp-content/uploads/2019/02/2016_1_NL_Top_Public_Managers_in_Europe.pdf DOI: 10.1057/9780230625365_6
3. Ягминас Ю., Валицкас А. Предпосылки формирования высшей гражданской службы в Литве. *Общественная политика и управление*. 2009;27:16–23. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-2-100-118
4. Борщевский Г.А. Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России. *Российская политика*. 2018;1(88):82–99. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-82-99
5. Покатов Д.В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп. *Власть и элиты*. 2019;6(1):71–97. DOI: 10.31119/pe.2019.6.1.5
6. Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит. *Власть и элиты*. 2014;1:8–18. URL: <https://www.elibrary.ru/zdanpx>
7. Крыштановская О.В. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020–2030 гг. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2020;5(102):117–134. DOI:10.22204/2587-8956-2020-102-05-117-134
8. Тев Д.Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России. *Власть и элиты*. 2018;5:54–86. DOI: 10.31119/pe.2018.5.3
9. Тев Д.Б. Высокопоставленные чиновники Администрации Президента РФ: каналы рекрутирования и карьера. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020;23(3):153–187. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.7

REFERENCES

1. Kosorukov A.A. The political and administrative elite of the modern state. *Public administration. Electronic bulletin*. 2014;47:299–317. URL: <https://www.elibrary.ru/tfypyr> (In Russ.).
2. Coopmans H., Rode A. Top public managers in Europe: Management and working conditions of the senior civil service in Europe. European Institute of Public Administration. Maastricht; 2008. 52 p. URL: https://www.eupan.eu/wp-content/uploads/2019/02/2016_1_NL_Top_Public_Managers_in_Europe.pdf DOI: 10.1057/9780230625365_6
3. Jagminas Yu., Valickas A. Prerequisites for the formation of the higher civil service in Lithuania. *Public policy and management*. 2009;27:16–23. (In Russ.). DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-2-100-118
4. Borshchevsky G.A. Senior civil servants as the political and administrative elite of modern Russia. *Russian politics*. 2018;1(88):82–99. (In Russ.). DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-82-99
5. Pokatov D.V. Recruitment of the modern Russian political elite as a rotation of political and administrative-corporate elite groups. *Power and elites*. (In Russ.). 2019;6(1):71–97. DOI: 10.31119/pe.2019.6.1.5
6. Duka A.V. Transformation of post-Soviet political and administrative elites. *Power and elites*. 2014;1:8–18. URL: <https://www.elibrary.ru/zdanpx> (In Russ.).
7. Kryshтанovskaya O.V. The main trends in the formation of Russia's managerial elite in 2020–2030. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences*. 2020;5(102):117–134. (In Russ.). DOI:10.22204/2587-8956-2020-102-05-117-134

8. Tev D.B. Business as a source of recruitment for the federal administrative and political elite of Russia. *Power and elites*. 2018;5:54–86. (In Russ.). DOI: 10.31119/pe.2018.5.3
9. Tev D.B. High-ranking officials of the Presidential Administration of the Russian Federation: Recruitment channels and careers. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2020;23(3):153–187. (In Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.7

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алексей Владимирович Агеев — аспирант кафедры политологии и политического управления, факультет политических исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Aleksei V. Ageev — graduate student, Department of Political Science and Political Management, Faculty of Political Studies, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0007-5307-001X>

aageev-24-02@edu.ranepa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.06.2025; принята к публикации 01.07.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 23.06.2025; accepted for publication 01.07.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Проблема становления российской государственности в ее цивилизационно-политическом измерении

Н.В. Асонов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация;
Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — обоснование несостоятельности точек зрения сторонников либеральной и евразийской концепций о том, что государство на Руси сложилось только благодаря восточному воздействию тюркских орд. Отдельные представители научного сообщества считают, что доминирующие кочевые народы уже на заре средневековья стали плотно контактировать со славянскими племенами, расселившимися в среднем течении Днепра и прилегающих к нему землях. Поэтому особое внимание они уделяют монгольскому влиянию, почти на двести пятьдесят лет соединившему Древнюю Русь с улусом Джучи (иначе, с Золотой Ордой). В понимании либеральных аналитиков практически вся отечественная государственность в течение многих веков носила «дикий» восточный характер. Ведь не Русь, а великие ханы Золотой Орды диктовали ей свою непреклонную волю и насаждали свои ценностные идеалы, уведя славянские народы от магистрального пути подлинного европейского прогресса. Евразийцы же придают этому периоду большое прогрессивное значение, повлиявшее на создание Великой России и заложившее основы ее цивилизационной уникальности, к которой сегодняшняя Россия начинает возвращаться. Чтобы убедиться в справедливости или ошибочности данных выводов, надо отталкиваться от принципа взаимосвязи государства и государственности. Поставленная задача решается с помощью методологии междисциплинарного анализа, построенного на гармоничном сочетании исторической и политической наук. Поскольку атрибутом государства как политического института выступает государственность, автор свою доказательную базу выстраивает с опорой на анализ начального этапа российской государственности в ее цивилизационно-политическом измерении, обратившись к событиям второй половины IX–X вв. Это позволяет сделать аргументированный вывод о том, что именно в то время были заложены основы самобытного отечественного государства и государственности, никак не связанные с тюрко-монгольскими этносами. **Ключевые слова:** русская государственность; Древняя Русь; цивилизационно-политическое измерение; политическая система Руси; символы власти; титулы; геральдика Руси

Для цитирования: Асонов Н.В. Проблема становления российской государственности в ее цивилизационно-политическом измерении. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):130-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-130-138

ORIGINAL PAPER

The Problem of the Formation of Russian Statehood in its Civilizational and Political Dimension

N.V. Asonov

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation;
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The scientific aim of this article is to demonstrate, through an interdisciplinary methodology that harmoniously combines historical and political science approaches, to demonstrate the contradictory points of view of supporters of both liberal and Eurasian concepts. Their representatives argue that the statehood of Rus' emerged solely due to Eastern influence, specifically from Turkic hordes. These hordes, they claim, began closely interacting with the Slavic tribes settled along the middle Dnieper and adjacent territories as early as the dawn of the medieval era. Particular emphasis is placed on the Mongol influence, which, for nearly two hundred and fifty years, bound Ancient Rus' to the Ulus of Jochi, otherwise known as the Golden Horde. According to liberal analysts, practically the entire history of Russian statehood for many centuries bore a "wild," Eastern character, as it was not Rus' itself but the great khans of the Golden Horde who dictated their unwavering will and imposed their system of values, thereby diverting Russia from the main path of true European progress. Eurasianists, by contrast, assign this period a significant progressive role, viewing it as having contributed to the formation of Great Russia and having laid the foundations of its unique

civilizational identity — an identity to which, they argue, Russia is now beginning to return. In order to assess the validity or fallacy of these conclusions, one must begin with the principle of the interconnection between the state and statehood. Since statehood serves as an attribute of the state as a political institution, the author has chosen to build the evidentiary framework of this study by analyzing the early stages of Russian statehood in its civilizational and political dimensions, focusing on the events of the second half of the ninth and tenth centuries. This leads to the conclusion that the foundations of a distinctive national state and statehood were laid during this period, entirely independent of Turkic-Mongol ethnic influences.

Keywords: Russian statehood; Ancient Rus'; civilizational and political dimension; political system of Rus'; symbols of power; titles; heraldry of Rus'

For citation: Asonov N.V. The Problem of the formation of Russian statehood in its civilizational and political dimension. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):130-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-130-138

ВВЕДЕНИЕ

Среди российских обществоведов, придерживающихся либеральной идеологии и вложивших ее в основу своего исследовательского поиска, бытует мнение, что наша страна как государство сложилась только благодаря монголо-татарам, которые «сделали ее своей колонией». По их мнению, даже к XIII в., в отличие от Запада, у Руси не было «своих сюзеренов и вассалов с передовыми рыночными отношениями». Поэтому «к моменту воцарения Ивана Грозного, Россия была страной разбойной. И разбой в ней стал главным занятием всех слоев общества». Этот социальный порок не смогли излечить даже петровские реформы. Поэтому, согласно профессору РГГУ С.А. Магарилу, «доминирующий человеческий тип современной России — поздний варвар» [1].

Явный интерес вызывает близость по данному вопросу к либералам евразийцев, предпочитающих в своей оценке решающего влияния Востока на Русь ставить знак «+», а не «-». «Свирепым русам», мучившим славян, у них противопоставлены благородные турки и моголы. Ведь только «союз с Ордой во второй половине XIII в. принес Северо-Восточной Руси вожденный покой и твердый порядок», позволил ей «войти в монгольский суперэтнос», в результате чего «имел место пассионарный толчок», создавший «новых людей» и Великую Россию. «Таким образом, именно в этой эпохе лежат подлинно начальные пласты нашей истории», полагал Л.Н. Гумилев [2].

Сегодня данная тема стала особенно важна. Ведь увеличение количества представителей азиатских народов на территории нашей страны надо как-то исторически оправдывать, чтобы погашать протестные настроения титульной нации и близких ей в культурном отношении коренных этносов России. Приходится признать, что после разрушения Советского Союза в понимании цивилизационно-политического измерения России снова усилилось противостояние сторонников западной и восточной культур. Подобная противоречивость существует не один век, она подмечена еще В.О. Ключевским, процитировавшим дьяка Ивана Тимофеева: «Мы

друг друзе любовным союзом растяхомся, к себе кождо нас хребты обращаемся — овии к востоку зрят, овии же к западу» [3].

Между тем, подчеркивая решающее значение Востока в истории Руси, якобы ускорившего ее выход из первобытного состояния, представители обоих лагерей упускают из вида диалектическую суть всякого государственного строительства. Если оно идет естественным путем, то не может приобрести развитую форму в короткие сроки. Это длительный процесс, протекающий многие столетия, особенно долгий у народов, в религиозном сознании которых отсутствует вера в предопределение. Не веря в рок и неумолимый фатум, они отрицают всякую небесную иерархию и не проецируют ее на земную жизнь, придерживаясь прямого типа демократии. К таким народам относились и восточные славяне. Неслучайно греки, хорошо знавшие славян, отмечали, что судьбы, то есть «предопределения они не знают и не признают того, что оно имеет какое-то значение для людей» [4]. Из-за этого свой трудный переход к государственному устройству славяне начали только под воздействием обострившихся внешних обстоятельств, да и то по инициативе отдельных племенных центров.

Кроме того, индикатором наличия или отсутствия государства неизменно выступает государственность. Она демонстрирует цивилизационные ориентиры власти и общества. Правда, в ней часто видят синоним государства, но это неверно. Государство — важнейший политический институт, обладающий определенными признаками политической власти, нормативно-правовой сферы, территориальными и населением. Эти признаки не имеют отношения к государственности, наиболее полно раскрывающейся с помощью исторической и политической наук. Историки видят в государственности отражение оригинальных черт, присущих государству в разные периоды его жизни, или обозначение какого-либо этапа его развития, скажем, когда речь заходит о рабовладельческом или феодальном устройстве. Иногда с государственностью отождествляют си-

стему органов управления, подчеркивая тем самым всеобъемлющее значение государства.

Поскольку политическая наука оценивает область человеческих отношений с точки зрения власти как центральной категории политики, она в первую очередь старается отталкиваться от деятельности самой политической системы. Поэтому осмысление государственности у политологов отличается от видения специалистов-историков. Политологи исходят из того, что государство возглавляет институциональную подсистему, а государственность является ее признаком. Она указывает на степень зависимого или суверенного состояния государства. Это состояние закрепляется в нормативно-регулятивной и культурно-идеологической подсистемах. Поэтому государственность несет в себе иные признаки. Это круг базовых приоритетов, связанных с социально-политической ориентацией власти, и включенных в набор неких символов, отражающих ее ценностно-целевые установки. Сегодня к ним относятся флаг, герб и гимн.

С государственностью связана монополия на легитимность политической власти. Согласно М. Веберу, есть «три вида внутренних оправданий, то есть оснований легитимности». Это авторитет «вечно вчерашнего», дающий право на традиционное господство. Это «авторитет внеобычного личного дара (харизмы)», рождающего преданность к тем, кто встал у руля государственного управления. Наконец, это господство, «обоснованное рационально созданными правилами», ориентирующими на подчинение, часто обусловленное «грубыми мотивами страха и надежды» [5].

РЮРИК И НАЧАЛО РУСИ

Поскольку «Повесть временных лет» с 862 г. связывает приход Рюрика, при котором «прозвася Руская земля» [6], эта дата принимается в настоящей статье за отправную точку начала Руси. Далее необходимо обосновать появление на Руси в домонгольский период государственности в ее цивилизационно-политическом измерении.

Летопись связывает Рюрика и русов, пришедших с ним, с некими варягами, обитавшими на берегах Балтийского моря, однако их этническое происхождение до сих пор не установлено. Степенная книга Московской Руси говорит об их литовских корнях. Некоторые видят родину варягов на юге Балтики среди славянского племени варингов (вагров). Большинство считает их шведами. Некоторые смотрят на варягов как на бродячие дружины, собранные из разных племен Северной Европы. Во главе их могли стоять предводители, выдвинувшиеся за счет своей

отваги. Согласно выводам С.М. Соловьева, «варяг» означал воина, носившего меч (warang) [7].

Приглашение Рюрика было санкционировано ильменскими славянами на вече в целях собственной безопасности. Поэтому звать чужих, не известных им людей, имеющих иной язык и культуру, они бы, скорее всего, не стали. Ведь, как писал летописец, новгородцы хоть и считались славянами, но были «от рода варяжска» [6]. Размещение варягов на окраинах их земли служит доказательством, что их вожди никакой реальной властью не обладали и выполняли сугубо военные функции обороны границ. Да и вечевого правления у ильменских славян не предусматривал появления отделенной от народа власти и создания ею своей нормативно-правовой и культурно-идеологической среды, стоящей на страже интересов «варягорусов» как господствующей группы.

Таким образом, версию норманистов, считающих, что туземное население добровольно надело на себя ярмо политической зависимости, нельзя считать серьезным аргументом, объясняющим происхождение государства на Руси. Другое дело, когда приходится говорить о том, что это призвание стало первым шагом к перестройке политической системы восточных славян, заложившей у них основы государства и государственности.

В 864 г. Рюрик сел на правление в Новгороде, но стал ли он там хозяином? Широчайшая внутренняя автономия этого города в последующие века это отрицает. Видимо, по этой причине Олег в 882 г. переместился в Киев. Здесь он как правитель чувствовал себя более свободно и объявил его «мати градомъ русьскимъ» [6], иначе говоря, столицей. В начале X в. власть в Киеве перешла к сыну Рюрика — Игорю, давшему начало новой династии. Подвластные ему земли стали именовать Русью. В Киеве Рюриковичи утвердили модель управления, которую не удалось навязать Новгороду. В благоприятных условиях она начала работать, но ее работа строилась в рамках феодального способа организации власти, а в нем, как писал В.О. Ключевский, сила всегда шла впереди права. Это значило, что силовой блок ресурсов власти срачивался с методами принуждения и только потом включал утилитарные, культурно-идеологические и нормативно-правовые ресурсы, опиравшиеся на методы убеждения и стимулирования. Такая феодальная особенность отразилась и на характере государственности Руси.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ НА РУСИ

Скудные источники позволяют сделать вывод о начавшемся процессе отделения публичной княжеской

власти от общества. Князь еще не применяет все методы и не задействует все ресурсы управления страной. Он не имеет возможности единолично распоряжаться вооруженными силами Руси, формирующимися на местах с санкции веча. Более того, жена князя даже во времена Владимира Святого имела такую же дружину, как и сам князь. В схожем положении, надо полагать, находились побочные князья из дома Рюрика.

Общинные угодья находятся в распоряжении племен и родов ими владеющими. А вот имущественное положение князя и княгини было раздельно и включало в себя значительные территории, куда помимо городов входили села. Ни князь, ни княгиня не имели права распоряжаться во владениях супруга. Только смерть одного из них позволяла объединить в одних руках их земли, дружины и финансы. По этой причине гибель князя Игоря сделала княгиню Ольгу полной хозяйкой его владений и войска. После ее смерти в 969 г. всем этим завладел ее сын.

Так закладывался принцип семейственности в управлении, согласно которому весь род Рюриковичей считался коллективным владельцем русской земли. При этом каждый имел свой удел, независимый от влияния других родичей, ведя страну к феодальной раздробленности, получившей полное оправдание языческой, а потом и христианской идеологии. Количество уделов равнялось количеству признанных князем детей. При Святославе образовано три удела, так как он признал только трех сыновей, рожденных в браке и вне брака. При Владимире Святом уделов стало восемь.

В начале X в. Олег вслед за Рюриком мог сажать своих мужей в занятых им городах. Здесь они «заступали место князя» и представляли собой характер «правительственной», а не «владельческой» власти. Ведь князь мог отозвать прежнего наместника и заменить его другим. Это носило оправданный рациональный характер, но принцип семейственности ломал такое управление. Выделение уделов делало принцип отзыва невозможным. «Правительственная» власть превращалась во «владельческую» и внутренне суверенную, поскольку все князья считались прямыми братьями. Киевский князь числился всего лишь первым среди равных. Самые лучшие уделы получали старшие по возрасту князья. Младшим доставались наиболее отдаленные и бедные земли, но смерть старших братьев давала возможность младшим занять их столы. Ведь власть передавалась от брата к брату, а не от отца к сыну, предоставляя пока еще каждому возможность со временем сесть в Киеве.

При всем том сохранялся принцип соборности. На высшем уровне его представлял совещательный орган из бояр и воевод, находящихся при князе. Вместе с дружиной они могли оказывать давление на своего правителя. К середине X в. это был единственный вид общественного мнения, способный подчинять себе волю главы государства. Вече, выражая мнение общества, продолжало оказывать влияние на Рюриковичей, особенно когда они находились вне Киева, сильного общинными порядками. Тут князь попадал в полную зависимость от соборного мнения. В таком положении оказался и Владимир Святой, вытребованный у Святослава новгородцами. Даже в 980 г., сев на княжение в Киеве, он постарался сохранить привычную для славян систему ценностно-целевых ориентиров. В угоду общественному мнению он потеснил христианство и даже по настоянию веча принес в жертву идолам православных варягов.

Между тем уже с X в. на Руси прослеживаются основные атрибуты самобытной государственности, подчеркивающие ее национальную суть и универсальный характер, частично востребованный после принятия христианства. В то же время привнесенные в славянскую среду новации вплелись в общую канву эндогенного (своего) цивилизационного типа, не противореча ему в главном.

РЕЛИГИЯ

Религия же всегда была важным индикатором, указывающим на вектор цивилизационной ориентации. Показательна судьба Перуна, имя и культ которого восходят к общим для индоевропейцев, а не тюрков и монголов верованиям. Он весьма почитался племенами балтов и западных славян, именовавших его «Perkunas» и «Piorun». У западных тюрков, попавших в сферу влияния ираноязычных племен, ему соответствовал Етем тура, а у германцев — Тор (Тур). У восточных славян культ Перуна вообще не получил широкого распространения и замещался другими кумирами. Неслучайно, подчинив себе балтов, живших в Полесье, они не стали включать в свой пантеон побежденных богов. Другое дело Рюриковичи, принадлежавшие иной религиозной традиции. Придя на новые земли, они не отказались от своего любимого бога и сделали его главным фигурантом духовной сферы древнерусской государственности. Сначала Перуном клялась дружина русов при Олеге и Игоре. Затем по приказу Владимира его идолы стали устанавливать в Киеве и в Новгороде.

Примечательно то, что под влиянием Рюриковичей изменился пантеон богов Киева, высветив специфику религиозно-идеологической политики,

проводимой ими. Наряду с Перуном выдвигается Велес («скотий бог»), также восходящий к древнейшей индоевропейской теонимии и почитаемый всеми славянами. Его дополнили Хорс и Симаргл, покровительствующие ираноязычным племенам, а также Дажьбог («злой дух») и Стрибог, несущие в себе иранскую этимологию. Все, кто боролся против Руси и вредил ей, относились к внукам Дажьбога. Дружина и правители считались внуками Стрибога. Не была чисто восточнославянским божеством и Мокошь, замыкавшая при Владимире череду высших божеств. Ее имя, связанное с корнем «мокр», часто фигурировало у западных славян (Мокушь, Макошь, Мокешь, Мокушка).

Согласно исследованиям ученых, в символике языческой Руси система «бинарных оппозиций» в подборе божеств довольно четко прослеживается по целому ряду пар. Крайние — Перун и Мокошь. Он громовержец, связан с военной функцией. Она патронирует все процессы прядения и ткачества, продолжение рода, достаток в доме. Хорс и Симаргл составляли вторую пару: первый, будучи солярным божеством, нес свет и тепло, второй связан со злой птицей Див, «враждебной Русской земле». Наконец, Дажьбог и Стрибог соотносились между собой как «зло» и «добро». Тут уже виден иранский принцип воззрений, выраженный через систему противопоставлений божеств. Велес же остался без пары и не нашел себе подобающего места в пантеоне князя Владимира, и единого мнения исследователей о причинах его отсутствия там нет.

Специалисты по праславянскому языку указывают, что к моменту возникновения письменности славяне успели дважды сменить свои сакральные представления. Сначала их древнее язычество подверглось сильному влиянию дуализма иранского типа, и только затем его вытеснило христианство [8]. Эта связь заметна и в древнерусском искусстве, отразившем существование в прошлом определенной религиозно-мифологической и культурной общности между иранскими племенами и славянами. А вот скандинавские и тюркские боги в пантеоне Руси и ее материальной культуре отсутствуют. Следовательно, формирование отечественной государственности шло без участия этих сил.

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

К ним относятся символы и титулы, содержащие в себе идеологический контекст. Главным символом власти Рюриковичей на подвластных им землях стал «трезубец». До Владимира Святого этот знак имел

всего два зубца. Владимир ввел третий. Но какую смысловую нагрузку заключал в себе «двузубец» и с каким этно-цивилизационным полем связывал правящую династию данный символ?

Академик Б.А. Рыбаков выявил близость по форме и по существу двузубцев Приднепровья и царских знаков Боспора, охарактеризовав их как «два параллельные по смыслу явления, разделенные семью столетиями». Эти знаки являлись принадлежностью правящего рода, сохраняя общую схему рисунка. Находки в верховьях Оки и в Приднепровье двух подвесок VI–VII в. с изображением, похожим на знаки Рюриковичей, позволили ему выдвинуть версию, что они относились к символам антских вождей, управлявших землями Среднего и Нижнего Подонья. Путем тщательного анализа В.Л. Янин вывел преемственность первых государственных печатей Руси от круглого знака Святослава Игоревича, содержащего выгравированное изображение двузубца [9]. Им был скреплен договор с василевсом ромеев в 971 г.

Двузубцы были выделены при раскопках в Болгарии, Татарстане, Башкирии, Казахстане и Карачаево-Черкесии. Иначе говоря, там, где более двух тысяч лет царили ираноязычные сарматы и сако-массагеты. Позже всего они появляются на ордынских монетах XIII–XIV в. В Орде дву- и трезубец тоже являлись тамгами правящего рода. В аналогичном значении эти символы использовались каганами хазар.

По своей сути им соответствовал *двуглавый орел как родовой знак* Палеологов — последних василевсов Ромейской державы. А вот *трезубец* Владимира Святого больше связан с его религиозной реформой и ее цивилизационной ориентацией, *указывая на троичную сущность Бога* [10]. Но, как бы там ни было, активное использование такого знака правителями Руси, как справедливо заметил И.Я. Фроянов, позволяет утверждать, что к концу X в. начала «выковываться публичная власть киевских князей», но пока еще сложно говорить о том, насколько она была «самодержавной» [11].

Важной разновидностью политической символики при отсутствии государственного герба, флага и гимна являлся *титул руководителя страны*. Он раскрывал специфику внешнеполитических контактов властвующей элиты и определение места в кругу глав других стран. Не последнюю роль здесь играла связь носителей государственной власти с их культурно-историческими корнями и традиционными устоями зависимого населения. В X в. Рюриковичи, осевшие в Киеве, согласно западным и восточным документам той поры, применяли три титула: «князь», «каган» и «свет малик».

Науке не известен титул, носимый Рюриком у себя на родине, и как он мог измениться с его прибытием к ильменским славянам. Неизвестно также и то, как стали величать Рюрика после его перемещения в Новгород, а Игоря в Киев. Видимо, титул «князь» даже в X в. не имел популярности, служил для внутреннего употребления и не применялся в сношениях с другими государствами. Неслучайно он выпал из поля зрения западных и восточных авторов. Только несколько человек, описывая Древнюю Русь, сочли нужным отметить, что «владыка славян» именуется «к.нан» (кназ). Между тем, это очень древний термин. Он появился в эпоху языкового единства древних индоевропейцев и означал старшего в роде. Данный титул не предусматривал наличие наследственной власти или широких полномочий. Поэтому он не мог соответствовать статусу правителя сильной державы.

Обычным титулом главы Древней Руси, применявшимся при встрече с иностранными гостями, был «каган». На это указывают «Бертинские анналы», описывающие события середины IX в., когда Рюрика еще не было на земле ильменских славян. С составителем «Анналов» согласны восточные авторы. Один из них в 982 г. счел нужным разделить Древнюю Русь на два политических образования. Он выделил «страну русов» со столицей в Киеве, где правит «каган», и «страну славян». Ее глава именовался «смутсвит» (светлейший). Возможно, здесь речь шла о Полоцкой земле, где правил род Рогволодовичей, соперничавший с Рюриковичами.

О том, что глава Руси носил титул, подчеркивающий его «светлость», упоминают и другие восточные авторы: правитель Руси «называясь главой глав, именуется Свийт.м.л.к. Он выше сут.дж-а, а суб.дж. его заместитель» [12]. Считается, что данный титул состоял из двух слов, взятых из славянских и иранских языков, и звучал как «свет-малик» (светлый царь). Предполагается, что второе лицо государства (суб.дж.) именовалось «жупанич». Ибн Фадлан, прибыв на берега Волги в 921 г., тоже пишет о наличии у правителя русов заместителя. Он «командует войском и замещает его у подданных» [12]. Наличие второго лица в управлении страной в то время весьма распространенное явление. У франков при короле находился наследственный майордом, у хазар при хакане стоял шад. Соправитель был и при василевсе ромеев.

Целый ряд исследователей появление на Руси титула «каган» связывает с влиянием Хазарского каганата, дань которому более ста лет платил Киев. Но зависимое лицо не может носить одинаковый титул со своим сюзереном. В свое время М. И. Ар-

тамонов сделал вывод, что подобный титул «для северных славян невероятен», зато он хорошо «понятен для славян среднеднепровских, находящихся под властью хазар» [13]. Правители Киева, по его мнению, приняв наименование «каган», показали таким образом свою независимость. Не исключено, что слово «каган» вошло в политический лексикон славян под влиянием алан. Они еще в IV в. своих вождей именовали «иш-хан» (владелец). В любом случае появление такого титула у киевских князей задолго до разгрома хазар, случившегося в 969 г., исключает их зависимость от их государства.

Помимо титула в эпоху раннего средневековья большое значение для фиксации специфики государственности имели *сопутствующие предметы: трон, корона или иные внешние знаки*, указывающие на политический статус их владельца. Не последнее место в этом ряду занимало *наличие телохранителей и свиты*. Чем их было больше, тем выше статус правителя. Из письменных источников известно, что вместо трона каган русов имел большое ложе в виде помоста и свиту из 400 «доблестных» воинов, неотлучно находящихся при нем. Такая свита состояла только из русов, которым особая группа славян «шьет шаровары, ... шапки из шерсти с хвостом, свисающим с затылка» [12]. Эти предметы одежды сохранились у запорожских казаков.

В начале X в. Ибн Русте писал о коронации правителя Руси, но как выглядела корона и что она собой представляла, не известно. Она могла походить на «шапку Мономаха», сарматский венец, найденный при раскопках кургана Хохлач в Новочеркасске или на корону монархов варварских королевств Европы. Историки указывают, что понятие «корона», как сам этот предмет, было чуждо ранним русским летописям. В них говорится только о «клобуке» князя. Его богатая обшивка, украшенная золотом и драгоценными камнями, вполне могла определять внешний политический статус правителя Руси. Интересно, что на всех ранних изображениях, датируемых XI в., князья облачены в головные уборы, напоминающие «шапку Мономаха». Впрочем, для особо торжественных случаев могли использовать не кожаную, а металлическую шапку, отороченную мехом. Она представлена на шиферной иконе XIII в., изображающей святых князей Бориса и Глеба в полном княжеском облачении.

Символом власти, по-видимому, являлся и особый *расшитый плащ-коц* (коч). У славян, как и у родственных им племен, «плащ был престижной парадной одеждой» [14] и потому постоянно присутствовал на изображениях князей. *Державу* русскому

кагану могли заменять *бармы*. Они выглядели как оплечное ожерелье, состоящее из золотых или серебряных бляшек с рисунком. Возможно, к атрибутам местного уровня власти могла относиться гривна. Если она была таковой, то должна отличаться богатством отделки и наличием изрядного количества драгоценных камней.

Другое дело, когда речь идет об оружии. Тут стоит остановиться на двух предметах. Это декоративный *топорик и меч*. У славян на таких «топориках почти обязательно изображались солнечные знаки (круг с точкой)». Схожий топорик найден в Польше. Сегодня российские и зарубежные ученые почти уверены, что данный предмет, используемый в торжественных церемониях, рассматривался как «символ Перуна <...> оружие небесного громовержца» [14]. Уникальный по отделке топорик, покрытый листовым серебром с гравировкой и позолотой, хранится в Государственном Историческом музее.

К знакам высшей власти как атрибут государственности мог относиться *меч*, используемый и в качестве *символа судебной власти*. О судебной функции княжеского меча имеется соответствующая запись в летописи: «Князь бо не туне мечь носить в мечь злодеемъ, а в похвалу добро творящимъ» [6]. Во время церемоний он мог заменять скипетр и быть символом защиты земли, доставшейся князю. Как символ власти и государственного правосудия меч изображался на монетах Владимира Святого.

Не исключено, что аналогичную роль до появления скипетра на Руси могла играть *булава*, известная у многих народов с древности не только как грозное оружие, но и как *символ высшей исполнительной власти*, персонифицированной в одном человеке. Считается, что культовое значение булавы восходит к небесной палице Громовержца. В нашем случае им мог быть Перун. Ею громовержец утверждал свою власть на небе и побеждал врагов. Она же могла быть олицетворением Мирового Дерева, изготавливаемого из его земных аналогов и потому способного служить символом мира и власти над миром, подобно индийской ваджре. Неслучайно булава использовалась в обрядах, посвященных теме плодородия. Таковыми у славян выступали русальские тояги, в совершении языческого ритуала в руках вождя или жреца они исполняли ключевую роль «священного жезла — “тояга”».

Применительно к той эпохе можно говорить и об использовании *стяга в качестве государственного символа* Руси. Изображения, вышитые на нем, могли отражать цивилизационную принадлежность страны. Скорее всего, полотнище стяга имело красный

цвет — любимый цвет славян (красный — красивый). Наличие в стягах красного фона подтверждает «Слово о полку Игореве», указывающее, что перед битвой с половцами над русским войском поднялся «чрьень стягъ» [15]. Видимо, это был еще и цветовой символ территориально-политического суверенитета и княжеской власти. Интересно, что на всех миниатюрах знамена имеют вытянутую треугольную форму, сохранившуюся на Руси вплоть до конца XVII в. Данная особенность зафиксирована и в русской иконописи XV–XVI вв. Правда, на всех изображениях красный стяг несет на себе символы православной государственности, но в языческий период на красном фоне могли помещать иные сюжеты, включая двузубец.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Стоит признать, что смысл ценностно-целевых установок языческой государственности Руси по своей сути не мог ставить духовно-нравственные приоритеты выше материальных благ, ориентируя человека в первую очередь на обогащение. Хотя соборно-вечевая организация жизни вынуждала представителей государственной власти учитывать коллективные интересы, это не мешало им в ряде случаев игнорировать точку зрения своих родичей или надежды зависимого населения. Победенные обкладывались данью, не имеющей строгих норм, а с более сильными соседями оговаривался конкретный размер выкупа и дальнейшие выгоды. Никаких высоких целей, связанных с идеей единения славян или улучшения их жизни, не ставилось. К примеру, придя на землю радимичей, живших между Черниговом и Смоленском, Олег спросил их старшин: «Кому дань даете?». Те ответили, что платят ее хазарам. «И рече имъ Олегъ не дайте Козаромъ но мне дайте» [6].

Если племя никому не платило дани и желало сохранить свою свободу, то русские князья-каганы подчиняли его силой. Так случилось с древлянами, расселившимися к западу от Киева. «И поча Олегъ воевати Древляны и примучи вои имаша на них дань» [6]. В случае победоносных походов на другие страны с них брался «уклад» в пользу всех крупных административных центров, где «сediaху велиции князи, подъ Олгомъ суще» [6]. Также поступал Игорь. Святослав вообще решил перенести столицу из Киева в Переяславец на Дунае, стоящий недалеко от современного Измаила, поскольку сюда «вся благая сходятся от Грекъ злато паволоки вина и оwoщеве розноличныя». От чехов и венгров серебро и кони, а из Руси «скура и воскъ медъ и челядь» [6].

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ начального этапа становления российской государственности в ее цивилизационно-политическом измерении, относящегося к событиям второй половины IX–X в., позволяет сделать два взаимосвязанных вывода. Следует признать, что правы оказались исследователи, рассматривавшие Древнюю Русь на данном отрезке времени как формирующееся раннефеодальное государство. С одной стороны, ее государственность целиком соответствовала языческим взглядам на власть и ее функции, не выделяясь чем-то особенным из круга таких же варварских политических образований раннего средневековья. С другой стороны, в силу явного доминирования славянского населения с определенным укладом жизни Рюриковичи не могли подавить цивилизационные

особенности соборно-вечевого быта, сохранив его в качестве одной из основ общественного сознания и политического управления.

После принятия христианства принцип соборности стал одним из символов веры и в рамках православия благополучно дожил до наших дней. В течение целого ряда веков сохранялись и многие символы власти, указывающие на самобытность российской государственности. К ним мы можем отнести княжескую шапку, дву- и трезубец, меч, топорик, жезл-тояг как прототип скипетра, княжеский плащ-коц и красный флаг.

Все это вместе взятое позволяет трактовать языческую Русь как страну-цивилизацию с характерной для нее самобытной духовной культурой и политической системой, не имеющей никакого отношения к восточным кочевникам-тюрмам, тем более к монголо-татарам.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках темы 124101700545–0 «Ценностное измерение консервативной и либеральной идеологии как фактор трансформации современного политического пространства» при поддержке АНО «Экспертный институт социальных исследований» и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared under the topic 124101700545–0 “The value dimension of conservative and liberal ideology as a factor in the transformation of modern political space” with the support of the Autonomous Non-Profit Organization “Expert Institute for Social Research” and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История и историческое сознание. Клямкин И.М., ред. Москва: Фонд «Либеральная миссия»; 2012. 480 с.
2. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. Москва: Экопрос; 1992. 336 с.
3. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 3. Москва: Мысль; 1988. 414 с.
4. Иванов С.А., Гиндин Л.А., Литаврин Г.Г. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). Москва: «Восточная литература» РАН; 1994. 472 с.
5. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. Москва: РОССПЭН; 2006. 656 с.
6. Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Карский Е.Ф. ред., Клосс Б.М., предисл. Т.1. Москва: Языки русской культуры; 1997. 496 с.
7. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2. Москва: Мысль; 1988. 797 с.
8. Иванов В.В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 2. Москва: Языки славянских культур; 2008. 704 с.
9. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. В 2 т. Т. 1. Москва: Наука; 1970. 326 с.
10. Соболева Н.А. Очерки истории русской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. Москва: Языки славянских культур, Знак; 2006. 488 с.
11. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета; 1999. 372 с.
12. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., ред. Т. III. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке; 2009. 264 с.
13. Артамонов М.И. История хазар. Ленинград: Изд-во государственного Эрмитажа; 1962. 523 с.

14. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. Москва: Наука; 1987. 784 с.
15. Памятники литературы Древней Руси. Дмитриев Л.А., Лихачев Д.С., ред. Вып. 2. Москва: Художественная литература; 1980. 704 с.

REFERENCES

1. History and Historical Consciousness. Klyamkin I.M., ed. Moscow: Liberal Mission Foundation; 2012. 480 p. (In Russ.).
2. Gumilev L.N. From Rus' to Russia: Essays on Ethnic History. Moscow: Ekopros; 1992. 336 p. (In Russ.).
3. Klyuchevsky V.O. Various works. In 9 volumes. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ.; 1988. 414 p. (In Russ.).
4. Ivanov S.A., Gindin L.A., Litavrin G.G. Collection of the Earliest Written Records about the Slavs. Vol. I (1st-6th centuries). Moscow: "Eastern Literature" Publishing House, Russian Academy of Sciences; 1994. 472 p. (In Russ.).
5. Weber, M. Selected Works. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Moscow: ROSSPEN; 2006. 656 p. (In Russ.).
6. The Laurentian Chronicle. Complete Collection of Russian Chronicles. Karsky E.F. ed., Kloss B.M. pref. Vol. I. Moscow: Languages of Russian Culture: Yaziky russian culture; 1997. 496 p. (In Russ.).
7. Solov'ev S.M. Various works. In 18 volumes. Vol. 1. Books 1–2. Moscow: Mysl' Publ.; 1988. 797 p. (In Russ.).
8. Ivanov V.V. Works on etymologies of Indo-European and ancient Central Asian phrases. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Yaziky slavyanski culture; 2008. 704 p. (In Russ.).
9. Ianin V.L. Assembly seals of the Ancient Rus X–XV ss. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1970. 326 p. (In Russ.).
10. Soboleva N.A. Essays of the history Russian symbols: From tamga before symbols State sovereignty. Moscow: Yaziky slavyanski culture; Znak, 2006, 488 p. (In Russ.).
11. Froyanov I. Y. Kievan Rus: Main features of the socio-economic line. S.-Petersburg: S.-Petersburg university; 1999. 372 p. (In Russ.).
12. Ancient Rus' in the Light of Foreign Sources: A Reader. Jackson T.N., Konovalova I.G., Podosinov A.V., eds. Vol III. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; 2009. 264 p. (In Russ.).
13. Artamonov B.M. The history of the Khazars. Leningrad: Publ. by the Hermitage museum; 1962. 523 p. (In Russ.).
14. Rybakov B.A. Paganism of the Ancient Rus. Moscow: Nauka; 1987. 784 p. (In Russ.).
15. Monuments of literature of Ancient Russia. Dmitriev L.A., Likhachev D.S., eds. Issue No. 2. Moscow: Khudogestvennaja literatura; 1980. 704 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Николай Васильевич Асонов — доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация
Nikolai V. Asonov — Dr. Sci. (Political), Prof. Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>
nbassonov@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.04.2025; принята к публикации 01.07.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 23.04.2025; accepted for publication 01.07.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-139-152
УДК 316.74:297.1(470)(045)

Образ ислама и мусульман в восприятии современных студентов

В.А. Ахмадуллин, Е.О. Макарова, Д.О. Сапожков

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

На сегодняшний день публично подчеркивается необходимость мирного межконфессионального диалога в Российской Федерации. Однако его обеспечение затруднено комплексом проблем, связанных с попытками формирования у граждан негативного образа ислама и мусульман. Отдельную значимость имеет мониторинг данного образа среди учащихся высших учебных заведений. Несмотря на наличие нескольких опросов, проведенных на схожую тематику в вузах регионов России, мониторинг требует актуализации с преломлением на современные политические тенденции. **Цель** исследования: изучение образа ислама и мусульман в представлении студентов Финансового университета с учетом текущих политических условий. **Методы.** Исследование проводилось осенью 2024 г. в Финансовом университете при Правительстве РФ (Москва). Студентам было предложено самостоятельно заполнить анкету в формате онлайн. Итоговая выборка составила 215 респондентов. Для определения результатов был осуществлен качественный, корреляционный и компаративный анализ, а также кластерный анализ методом k-средних. **Результаты.** Выявлены ключевые источники информации, влияющие на формирование образа ислама и мусульман у студентов. Подтверждена недостаточная информированность части учащихся об исламе, в том числе непонимание ими разницы между терминами «ислам» и «исламитизм», а также стереотипное восприятие мусульман как более агрессивных, чем представителей других религий. Показано, что в целом сохраняется ситуация преобладающего нейтрального отношения студентов к исламу и мусульманам и стремления преодолеть предрассудки по отношению к ним. При этом большинство респондентов в последние годы не изменило своего мнения о мусульманах. Существенное влияние на улучшение мнения студентов об исламе и мусульманах оказывает общение со знакомыми, коллегами. **Выводы.** Борьба с необоснованными стереотипами и ксенофобией, поддержание межнационального и межконфессионального согласия остаются неотъемлемыми задачами вузов. Крайне необходимо формирование у студентов критического мышления, а также передача достоверных знаний об исламе и мусульманах в ходе образовательной, просветительской и научной деятельности, которая возможна в сотрудничестве с исламскими религиозными и образовательными организациями.

Ключевые слова: образ ислама; образ мусульман; российские мусульмане; межрелигиозное согласие; национальная безопасность; общественное мнение; студенты

Для цитирования: Ахмадуллин В.А., Макарова Е.О., Сапожков Д.О. Образ ислама и мусульман в восприятии современных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(3):139-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-139-152

ORIGINAL PAPER

The Image of Islam and Muslims in the Perception of Modern Students

V.A. Akhmadullin, E.O. Makarova, D.O. Sapozhkov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. Today, the need for peaceful interfaith dialogue in the Russian Federation is publicly emphasized. However, its provision is hampered by a complex of problems related to attempts to form a negative image of Islam and Muslims among citizens. Monitoring of this image among students of Russian universities is of particular importance. Despite the existence of several surveys conducted on similar topics in universities in the regions of Russia, monitoring requires updating with a focus on current political trends. **The purpose** of the study is to analyze the image of Islam and Muslims in the minds of students of the Financial University, taking into account the current political conditions. **Methods.**

The study was conducted in the fall of 2024 at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow). The students were proposed to fill out an online questionnaire. The final sample consisted of 215 respondents. To determine the results, qualitative, correlation, and comparative analysis, as well as k-means cluster analysis, were performed. **Results.** The key sources of information influencing the formation of the image of Islam and Muslims among students have been identified. The lack of awareness of some students about Islam and its representatives was confirmed, including their lack of understanding of the difference between the terms "Islam" and "Islamism", as well as the stereotypical perception of Muslims as more aggressive than representatives of other religions. It is shown that, in general, the situation of the prevailing neutral attitude of students towards Islam and Muslims and the desire to overcome prejudice against them remains. At the same time, the majority of respondents have not changed their opinion about Muslims in recent years. Communication with friends and colleagues has a significant impact on improving students' opinion of Islam and Muslims. **Conclusion.** It seems important to conduct empirical sociological research with similar issues in other universities as well, which would allow us to form a more complete picture of student religious sentiments in modern Russia.

Keywords: image of Islam; image of Muslims; Russian Muslims; interreligious harmony; national security; public opinion; students

For citation: Akhmadullin V.A., Makarova E.O., Sapozhkov D.O. The image of Islam and Muslims in the perception of modern students. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(3):139-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-139-152

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость изучения сложившегося в общественном мнении образа ислама и мусульман многогранна. Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на стратегически значимые документы и действия по управлению общественно-политическим дискурсом, связанные с формированием этого образа. На международном уровне показательно принятие Генеральной Ассамблеей ООН в августе 2023 г. резолюции «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога и толерантности в контексте борьбы с языком ненависти»¹, а также Совместное заявление в Вене 8 декабря 2023 г. против исламофобии и религиозной нетерпимости на возобновленной 32-й сессии Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию². На национальном уровне проблематика подчеркивается, например, в публичных заявлениях Президента РФ³ и описывается положениями законодательства⁴.

¹ Резолюция Генассамблеи ООН от 21.07.2021 «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога и терпимости в контексте борьбы с языком ненависти». URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/200/64/pdf/n2120064.pdf>

² Совместное заявление против исламофобии и религиозной нетерпимости на возобновленной 32-й сессии Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1921072/

³ В. Путин назвал межнациональное и межконфессиональное согласие основой государственности РФ. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19115607?ysclid=m4h3v07lxs265125284>; В. Путин считает, что в мире наблюдается рост исламофобии, антисемитизма и русофобии. URL: <https://tass.ru/politika/19537441?ysclid=m4h3t6ddb1624835659>

⁴ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/?ysclid

Остро стоит вопрос стимулирования ксенофобских настроений молодежи, осуществляемого с апеллированием к тематике религиозной неоднородности российского общества [1, с. 88]. Необходимость противодействия подобным деструктивным процессам посредством образовательной деятельности при непосредственном участии руководства вузов отчетливо обозначил В.Н. Фальков⁵. В данном отношении важна борьба с попытками манипулирования представлениями об исламе и мусульманах. Подобные попытки анализируются множеством авторов, выводы которых рассмотрены в настоящей статье.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для возможности изучения содержательного наполнения образа ислама и мусульман определим, что именно мы будем видеть в качестве предмета исследования. В современных лексикографических и гуманитарных исследованиях нет единой общепринятой дефиниции понятия «образ» [2, с. 107]. Е.Ю. Баженова и Н.М. Залесова, обращаясь к классическому философскому пониманию образа как «результата отражения объекта в сознании человека», подчеркивают возросшую роль СМИ

=m5xxezg63f505364608; Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/

⁵ В вузе Пятигорска обсудили, как традиции помогают бороться с радикализмом. URL: <https://stav.aif.ru/society/education/v-vuze-pyatigorska-obsudili-kak-tradicii-pomogayut-borotsya-s-radikalizmom?ysclid=m51324yy1871570602>

в формировании и распространении образов. Медийные образы могут «не в полной мере отражать реальные качества прототипа, являясь результатом намеренных усилий конкретного канала массовой коммуникации оказать влияние на мнение своей аудитории» [3, с. 76–77].

«Образ ислама» как религии выступает предметом исследований, в частности, А.В. Мартыненко, М.А. Кечиной и О.А. Фроловой [4, 5]. Важно оговорить, что здесь под «образом ислама» подразумевается, хотя и в некоторых случаях искаженный, но образ религии. Его не следует отождествлять с религиозным образом, представляющим собой «видение мира, содержащее трансцендентные измерения» [6]. В свою очередь, примером анализа «образа мусульман» как представителей религии является исследование Ш.С. Сулеймановой [7].

Образ религии и образ ее представителей нередко выступают тесно взаимосвязанными между собой. Так, в бытовом сознании или на уровне стереотипизации в СМИ возможно выстраивание ассоциации «позитивный/негативный поступок представителя религии = позитивная/негативная характеристика религии», и наоборот, характеристика религии может привести к ожиданию определенных поступков от ее представителя. Эта взаимосвязь будет видна в результатах нашего исследования. Поэтому, используя термин «образ ислама и мусульман», мы подразумеваем два переплетенных между собой образа, совместное изучение которых необходимо для определения совокупности представлений, мнений, эмоций, установок по отношению к данной религии и ее представителям, распространяемых среди населения и способных влиять на их поступки (как в конструктивном, так и в деструктивном, с точки зрения обеспечения национальной безопасности, направлении).

Как отмечает Т.М. Тынышбаев, «представления о мусульманах среди современных носителей русского языка достаточно стереотипны и в том числе базируются на информации, которую они получают из СМИ» [8, с. 79]. Рассматривая СМИ как канал демонстрации таких представлений, В.С. Малахов и Д.Э. Летняков выделяют риторику высшей бюрократии, внесистемных политиков и лидеров общественного мнения (экспертов, журналистов, писателей и известных ученых, имеющих доступ к СМИ и тем самым — возможность влиять на умонастроение). Исследователи отмечают, что в группе лидеров общественного мнения «палитра мнений чрезвычайно широка, от условно «исламофобских» до условно «исламофильских»: если на одном по-

люсе находятся «авторы ... пугающие обывателя «исламской угрозой», то на втором — «участники общественной дискуссии, которые стремятся защитить мусульман от стигматизации» [9, с. 254–257].

Встречается множество исследований, в которых подчеркивается именно негативное влияние СМИ на формирование рассматриваемого нами образа. М.Т. Степанянц утверждает: «огромную ответственность за происходящее несут средства массовой информации, создающие и неустанно множащие ксенофобские стереотипы в отношении ислама и мусульман». Опираясь на диссертационное исследование С.А. Рагозиной «Политический образ ислама (на материале центральных российских печатных СМИ, 2010–2017)», где приведена таблица прилагательных, относящихся к лексеме «ислам», с указанием частоты их использования в центральных органах печати, М.Т. Степанянц заключает, что преобладающие прилагательные «никоим образом не являются характеристиками сути вероучения. Речь идет о поведенческих парадигмах: радикализм, фанатизм, нетерпимость, терроризм и т.д. Подобные оценки ислама как религии не оправданны, противоречивы, сбивают с толку» [10, с. 124–125]. Данный тезис подтверждают и результаты исследования Т.М. Тынышбаева, который проанализировал 797 статей, размещенных на портале Lenta.ru с января 2000 по февраль 2020 г. с упоминанием термина «мусульманин» и зафиксировал, например, что «в 15% случаев упоминания мусульман связаны с терроризмом и террористическими организациями» [8, с. 79].

По мнению В.М. Хруля, «открытая исламофобия распространяется только довольно маргинальными СМИ, независимо от политической позиции. Крупные издания ... придерживаются так называемой «скрытой идеологии» и прибегают к неявным средствам формирования негативных образов: эмоционально окрашенным заголовкам, лексическим и грамматическим структурам с определенными коннотациями». Это перекликается с описанной в предыдущем абзаце интерпретацией. Автор добавляет, что «исторический контекст освещения ислама и мусульман в российских СМИ негативен» и «ассоциируется с событиями, негативно воспринимаемыми россиянами, такими, как войны в Чечне, в частности Вторая чеченская кампания, а также распад Советского Союза» [11].

Применительно к ассоциированию образа ислама и мусульман с терроризмом необходимо учитывать, что ряд СМИ как намеренно, так и ненамеренно смешивают понятия ислама и исламизма.

Для определения сущности последнего необходимо обратиться к дифференциации понятий «религия» и «политическая религия».

Термин «религия» имеет сложное историческое происхождение и различные определения, число которых на текущий момент изменяется сотнями. В наиболее общем виде под религией мы будем подразумевать комплекс взглядов, основанных на вере в сверхъестественное. Примером собственно религии может послужить ислам.

Термин «политическая религия» используется для обозначения комплекса политических взглядов и намерений, камуфлируемых религиозными нормами. Примером политической религии иногда называют исламизм, однако нельзя не отметить: некоторые авторы считают, что исламизм нельзя назвать строго политической религией. Так это, например, звучит у Д. А. Нечитайло — «исламизм нередко определяют как «политический ислам», что не совсем точно ... Однако резко выраженная политическая направленность исламизма позволяет рассматривать его как сугубо политизированное явление» [12, с. 25].

Если опираться на дефиницию данного исследователя, в наиболее общем виде исламизм можно определить как «идейное течение <...> основанное на представлении о необходимости утверждения в обществе и государстве в определенных политических границах или планетарном масштабе господства всеобъемлющего исламского комплекса правил поведения — шариата» [там же].

Углубляясь в проблему стереотипизации образа ислама и мусульман, Ю. С. Замараева, А. В. Антипина, К. В. Павлова и А. М. Юсупов акцентируют внимание: «в современных СМИ слово «ислам» понимается, как религия, причем религия сильно политизированного характера, а не религиозное учение, что в основном, часто приводит к несоответствию традиционного понимания ислама как веры, учения и формирования неверного представления об исламе» [13].

В данном контексте В. С. Малахов и Д. Э. Летняков указывают на «довольно искусственное разграничение между «традиционным» (российским) и «нетрадиционным» (зарубежным) исламом. Для первого, как предполагается, характерны лояльность к российскому государству и мирный настрой, тогда как второй — по определению нелоялен, сопряжен с экстремистскими настроениями и чреват террористической активностью. Хотя по целому ряду причин это разграничение не выдерживает критики, оно продолжает регулярно воспроизводиться в публичном дискурсе» [9, с. 254].

Н. С. Калимбет определяет ряд ключевых стереотипов об исламе и мусульманах, укоренившихся в российском общественном мнении. К ним он отнес представления о том, что а) все мусульмане — арабы; б) ислам является верой, характеризующейся нетерпимостью к другим религиям; в) угнетение женщин входит в каноны ислама; г) мусульмане = террористы; д) джихадизм = воинственный ислам, а джихад = «война с неверными»; е) шахид = террорист-смертник [14, с. 58–60].

Позитивная характеристика влияния СМИ на формирование образа ислама и мусульман встречается в сравнительно меньшем количестве исследований. Например, А. В. Мартыненко и М. А. Кечина в своей работе фиксируют значимость исламских СМИ постсоветского периода, которые «с точки зрения российских мусульман несут в себе особую духовную миссию» [4, с. 116].

Переходя к другим каналам передачи информации, С. А. Рагозина пишет о том, что «секьюритизация ислама происходит не только на уровне СМИ, но и на уровне академических исследований посредством воспроизводства ориенталистского подхода к выстраиванию «образа другого» [15, с. 273]. С точки зрения Г. М. Амиргамзаева, «к формированию неправильного образа ислама и искажению его истории, помимо научных трудов примыкает даже литература по саморазвитию. На это можно было бы не обращать внимания, однако, популярность и миллионные тиражи по всему миру заставляют нас обратить внимание на то, как легко и непридуманно в современном мире можно исказить информацию о религии» [16, с. 39].

Трансляция подобных деструктивных стереотипов, будь то через СМИ, специализированную или «развивающую» литературу, принципиально опасна, оказывает негативное влияние на межконфессиональное и межнациональное согласие, составляющие значимую часть национальной безопасности нашей страны. Стереотипизация приводит, в частности, к смешиванию восприятия ислама как религии и поведения некоторых мигрантов. Так, например, в своей работе Л. А. Герасимова и В. А. Круглов по результатам контент-анализа комментариев населения Санкт-Петербурга по поводу новостных статей в сети Интернет, которые были опубликованы в 2023 г., пришли к выводу: «жители Санкт-Петербурга в среднем декларируют негативное отношение к интеграции мусульманства в жизнь города» и, более того, «существуют медиа-ресурсы, способствующие нарушению благополучного функционирования общества за счет публикации

материалов спорного или даже конфликтного характера, которые вызывают всплеск негативных высказываний реципиентов, провоцирующих тенденции зарождения межконфессиональных и межэтнических конфликтов в Санкт-Петербурге» [17, с. 79, 84]. Мы считаем, что проведение аналогичных исследований и в других городах России поможет более полно оценить рискогенность межконфессиональных и межнациональных конфликтов по географическому критерию.

По нашему мнению, следует дополнительно обратить внимание на еще несколько проблем, которые приобрели актуальность в последние годы, и мнение населения по которым требует изучения. Как справедливо указывают М.В. Чекменев и М.Д. Рогачев, сегодня «религия и патриотизм часто переплетаются, создавая уникальную смесь ценностей и убеждений у российской молодежи» [18, с. 74]. Исходя из этого укажем: в формировании рассматриваемого нами совокупного образа активную роль играет личный образ российских мусульман, которые внесли и вносят активный вклад в развитие страны, особенно в сферах военной, политической и культурной жизни РФ. Во-вторых, интенсификация мер по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей требует определения того, как население соотносит ислам и мусульман с традиционными ценностями и с российской культурой в целом.

Принципиально необходимой оказывается работа с комплексом проблем, обозначенных выше нами и другими исследователями, на уровне образования. Данный тезис подчеркивается О.А. Фроловой, утверждающей, что «важна роль системы образования как инструмента воспитания религиозной терпимости в обществе и соответственно, как гаранта стабильности государства в мультиконфессиональном обществе» [5, с. 161]. Об этом пишут также А.В. Мартыненко и М.А. Кечина: «помимо мусульманских масс-медиа, большую роль в формировании адекватного и положительного образа российского ислама играют вузы», поскольку они разрабатывают и реализуют программы психолого-просветительского характера, направленные на предупреждение исламофобии в молодежной среде и способствующие позитивному развитию культуры межнационального общения [4, с. 116].

ОПРОС СТУДЕНТОВ В РЕГИОНАХ

Учитывая особую серьезность проблемы формирования образа ислама и мусульман среди студентов современных вузов РФ, рассмотрим исследования,

посвященные анализу представлений именно данной социальной категории.

В проведенном среди студентов Санкт-Петербурга в 2019 г. опросе большинство опрошенных (69,4%) заявили о нейтральном отношении к исламу, 18,9% опрошенных высказались негативно, 5,7% — положительно, 6% затруднились дать ответ [19]. Похожее исследование, проведенное среди студентов Сибирского федерального университета в 2016 г., показало, что большинство респондентов (64%) испытывают к исламу нейтральные чувства, 17% респондентов испытывают негативные чувства и лишь 7% — позитивные [20]. В исследовании 2016 г. среди студентов вузов и ссузов Нижнего Новгорода и Нижегородской области положительно относятся к исламу только 6% опрошенных, одинаковое количество (11%) — «спокойно» и «безразлично»; 39% — противоречиво и 33% — отрицательно [21]. Особого внимания заслуживает негативное восприятие ислама в исследовании. Во-первых, респонденты демонстрируют отрицательное отношение к отдельным представителям мусульманской общины, с которыми им приходилось сталкиваться: «Не люблю людей исламской веры» (девушка, 19 лет); «Отношение к исламу все более становится отрицательным, так как возникает агрессия со стороны людей, исповедующих ислам» (девушка, 21 год). Во-вторых, наблюдается неприятие специфических норм и предписаний ислама: «Ислам — агрессивная религия с ужасными устоями. Я отношусь к ней резко негативно» (девушка, 20 лет). В-третьих, результаты исследования указывают на влияние таких явлений, как исламизм и терроризм, на общественное мнение о религии в целом.

Анализ ответов студентов из Санкт-Петербурга на вопрос о возникающих со словом «ислам» ассоциациях выявил следующие результаты. Наиболее частыми оказались ассоциации с религией и верой (25,1% респондентов). Коран был назван в связи с исламом 19,7% участников опроса. Также значительную долю составили ассоциации с мигрантами (11,7%), Кавказом (13,1%) и терроризмом (12,2%). Радикализм был упомянут 11% опрошенных. Культурные достижения ассоциировались с исламом у 4,4%. Ассоциации с родственниками и знакомыми отмечены у 2,8% респондентов. Большинство (81%) данной группы студентов ответили утвердительно на вопрос «На ваш взгляд, СМИ влияют на формирование образа ислама?». Основными источниками информации об исламе для студентов СФУ являются СМИ (174 респондента из 378), мнения знакомых (84 респондента) и знания, полученные в процес-

се образования (72 респондента). Таким образом, вышеуказанные ассоциации выстраиваются за счет влияния СМИ, личного опыта и преподавателей.

Мнение студентов по вопросу опасности ислама для России разделилось почти поровну: 51% опрошенных студентов СФУ считает, что ислам не несет в себе опасности для России. 49% утвердительно ответивших респондентов считают главной угрозой, исходящей от ислама, «увеличение террористических актов на территории РФ» (35), следующей опасностью для респондентов является «увеличение миграции жителей мусульманских стран в Россию» (17), наиболее маловероятные угрозы по мнению респондентов — это «уход на второй план русских традиций» и «раскол в обществе из-за разных взглядов на жизнь». Видится, что респондентов пугает возможность увеличения террористических актов со стороны мусульман, и они ассоциируют ислам как недружественную религию. Студенты Нижнего Новгорода разделяют вышеуказанное мнение студентов из Красноярска.

На основе приведенного материала можно сделать несколько обобщенных выводов. Во-первых, большинство опрошенных относятся к исламу нейтрально, реже негативно, сравнительно малая доля респондентов относится к исламу позитивно. Во-вторых, у большинства опрошенных ислам вызывает ассоциации в первую очередь с религией (относительное большинство). В-третьих, угроза для России со стороны ислама представляется опрошенным из СФУ действительно значимой и связывается, в основном, с двумя факторами: угрозой терроризма и угрозой увеличения миграции жителей мусульманских стран в Россию. В целом, можно утверждать, что мнения опрошенных всех проведенных исследований схожи; возможно наличие единых стереотипов в отношении ислама и мусульман, формирующих их образ.

Авторы считают релевантным проведение дополнительного исследования, направленного на определение образа ислама и мусульман среди российских студентов, поскольку уже проведенные исследования а) имеют географически ограниченный характер, не отражая мнение столичных студентов (которое, тем не менее, необходимо для формирования более полной картины студенческих религиозных настроений в современной России); б) требуют актуализации с преломлением на условия последних лет, в том числе с учетом турбулентной геополитической ситуации и уникального характера государственного курса по сохранению и укреплению тра-

диционных российских духовно-нравственных ценностей. При этом в рамках формулирования гипотез нами учтены результаты теоретических и эмпирических исследований, рассмотренные ранее.

МЕТОДОЛОГИЯ

Целью настоящего исследования выступило изучение образа ислама и мусульман в представлении студентов Финансового университета с учетом текущих политических условий.

В качестве задач исследования были определены:

1. Разработка вопросов для проведения социологического исследования о восприятии студентами ислама и мусульман в условиях проведения специальной военной операции.
2. Проведение подготовленного опроса среди студентов университета.
3. Подготовка выборки исследования на основе определенных авторами критериев отбора респондентов.
4. Качественное и количественное изучение полученных ответов с использованием методов корреляционного анализа, кластерного анализа методом k-средних и компаративного анализа.
5. Определение соответствия результатов анализа гипотезам исследования.
6. Формулирование выводов по проведенному исследованию.

Авторами были определены следующие гипотезы исследования, которые сгруппированы по типам задаваемых студентам вопросов:

H1a: Относительное большинство студентов укажет в качестве ассоциации с термином «ислам» религию, веру;

H1b: Существенная часть (не менее 10%) студентов укажет в качестве ассоциации с термином «ислам» явления терроризма и миграции, а также иные негативные аспекты, напрямую не характеризующие ислам как религию;

H2a: Абсолютное большинство студентов оценит свое отношение к исламу как нейтральное;

H2b: Абсолютное большинство студентов, которые ответят, что их отношение к мусульманам в последние годы улучшилось, обоснует это тем, что они больше узнали о мусульманах от друзей, знакомых;

H2c: Абсолютное большинство студентов, которые проявят открытую негативную позицию к исламу либо укажут, что мнение о нем в последние годы ухудшилось, не осознает разницу между терминами «ислам» и «исланизм»;

Н3а: Существенная часть (не менее 10%) студентов укажет, что считает мусульман более агрессивными, чем представителей других религий;

Н3б: Абсолютное большинство студентов отметит, что российскому обществу необходимо избавиться от предрассудков по отношению к мусульманам;

Н3с: Абсолютное большинство студентов не согласится с тем, что ислам негативно влияет на российскую культуру;

Н3д: Абсолютное большинство студентов согласится с тем, что ислам играет важную роль в сохранении традиционных российских духовных нравственных ценностей;

Н4а: Абсолютное большинство респондентов не сможет без обращения к интернету назвать известных деятелей российской культуры — мусульман и (или) российских политиков-мусульман;

Н4б: Круг лиц, которых студенты назовут в качестве известных деятелей российской культуры — мусульман и (или) российских политиков-мусульман, окажется нешироким (не более 5 личностей).

Способом исследования выступило проведение онлайн-опроса. Студентам было предложено самостоятельно заполнить анкету, состоящую из 25 вопросов открытого и закрытого типов.

Респонденты отбирались на основе критерия принадлежности к категории студентов Финансового университета (выборка очищена от иных категорий). Для достижения более полных результатов качественного анализа были рассмотрены все ответы, полученные от обучающихся. Исследование было проведено в г. Москве, при этом в нем приняли участие студенты из разных учебных корпусов. Рассылка опроса осуществлялась на все факультеты.

Итоговую выборочную совокупность составили 215 человек. Из них:

1. 38,14% мужского пола и 61,86% женского пола;
2. 1 курс бакалавриата (73,49%), 2 курс бакалавриата (9,77%), 3 курс бакалавриата (10,23%), 4 курс бакалавриата (3,72%), 1 курс магистратуры (0,47%), 2 курс магистратуры (0,93%), аспирантура (0,93%);
3. Факультет социальных наук и массовых коммуникаций (37,2%), Факультет экономики и бизнеса (27%), Факультет международных экономических отношений (15,3%);
4. 46,05% считают себя верующими, 34,42% не считают себя верующими.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенное в Финансовом университете при Правительстве РФ среди студентов в сентябре–декабре

2024 г. эмпирическое социологическое исследование на тему «Восприятие студентами ислама и мусульман» показало следующее.

Респонденты выделили 242 слова, ассоциирующегося у них с исламом: «религия, вера» — 33,9%; «религиозная одежда, хиджаб» — 11,6%; «терроризм, ограничения, мигранты» и негативные ассоциации — 11,2%; «мечеть» — 10,7%; другое — 7,4%; «мусульмане, арабы» — 6,2%; «мусульманские страны и регионы» — 5,8%; «Коран» — 5,4%; «Аллах» — 5,0%; «пророк» — 2,9%. Ассоциирование студентами ислама преимущественно с религией подтверждает гипотезу Н1а. Наличие 11,2% студентов, ассоциирующих ислам с терроризмом, ограничениями, мигрантами и другими аспектами, имеющими негативную коннотацию, подтверждает гипотезу Н1б.

Большинство респондентов (71,2%) оценивают свое отношение к исламу как нейтральное, остальные респонденты разделились на следующие группы: 17,7% положительно и скорее положительно (11,2% и 6,5%) и 11,2% негативно и скорее негативно (4,2% и 7%). Респонденты первой группы делали более уверенный ответ «положительно» чем «скорее положительно»; во второй группе чаще выбирался вариант «скорее негативно», чем «негативно».

Отношение респондентов к гипотетической возможности принятия ислама близким знакомым имеет следующий характер: нейтральная позиция (65,6%), 13,1% положительно и скорее положительно (8,4% и 4,7%), 21,4% негативно и скорее негативно (5,6% и 15,8%) (рис. 1). Среди респондентов, нейтрально относящихся к исламу, выделилось 18,95%, которые негативно или скорее негативно относятся к принятию ислама близкими знакомыми. Корреляция Пирсона с личным отношением респондентов к исламу средняя заметная ($r = 0,559$). Результаты по обоим вопросам подтверждают гипотезу Н2а, подчеркивая преимущественно нейтральное отношение студентов к исламу.

В основном отношение большинства респондентов к мусульманам в последние годы не изменилось (67,4%), у 13,1% респондентов отношение изменилось в лучшую сторону, а у 21,5% — в худшую (рис. 2). Необходимо отметить: среди тех, кто нейтрально отнесся бы к принятию ислама близким знакомым, 14,18% отвечают, что их отношение к мусульманам в последние годы изменилось в худшую сторону. Среди тех, чье отношение не изменилось, негативная позиция ярче выделяется именно в сравнении «принятие ислама близкими — изменение отношения» (14,48%), чем «отношение к исламу — изменение отношения» (3,45%). Корре-

Рис. 1 / Fig. 1. Отношение респондентов к исламу и гипотетическому принятию ислама их знакомыми / Respondents' attitudes towards Islam and the hypothetical acceptance of Islam by their acquaintances

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Рис. 2 / Fig. 2. Изменение отношения респондентов к мусульманам / Changing attitudes of respondents towards Muslims

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

ляция с вопросом о личном отношении к исламу средняя заметная ($r = 0,553$).

Среди причин улучшения отношения в лучшую сторону 81,3% связано с личным опытом общения с друзьями, коллегами и другими близкими знакомыми, 6,3% с деятельностью СМИ, 6,3% с результатами путешествий и 6,3% обосновано внешнеполитической ситуацией. Высокое влияние личных контактов на улучшение мнения о мусульманах подтверждает гипотезу H2b.

Ухудшение личного отношения в последние годы обосновано респондентами следующими причинами: 38,7% — неподобающее поведение; 35,5% — терроризм в России и мире; 22,6% — преступления; 22,6% — освещение в СМИ; 12,9% — мигранты.

Отмечается, что 56,5% респондентов, проявляющих открытую негативную позицию к исламу или изменившие свое мнение в худшую сторону, смешивают ислам и ислаимзм, приписывая первому радикальные и негативные черты второго. Данные подтверждают гипотезу H2c.

33,49% опрошенных признают, что не понимают разницу между исламом и ислаимзмом. Но 66,51% опрошенных заявляют, что осознают данные различия.

67% респондентов не считают мусульман более агрессивными, чем представители других религий

(61,4% — «Агрессивность не зависит от религии», 5,6% — «Нет» и «Скорее нет»), при этом 33% считают мусульман более агрессивными, что подтверждает гипотезу H3a (рис. 3). При сравнении ответов респондентов на этот вопрос с личным отношением респондентов к исламу, выделяется лишь 9,3% респондентов, которые относятся негативно к исламу и считают мусульман более агрессивными, в то время как 21,86% нейтрально относятся к исламу, но считают мусульман более агрессивными, чем представителей других религий. Корреляция сравнения умеренная ($r = 0,405$).

80% респондентов считают, что российскому обществу необходимо избавиться от предрассудков по отношению к мусульманам, и это подтверждает гипотезу H3b.

78,6% не согласны с утверждением, что ислам негативно влияет на российскую культуру — это подтверждает гипотезу H3c.

Но в то же время студенты разделились поровну относительно того, считают ли они ислам чуждой и непонятной для них религией. С тем, что ислам — чуждая и непонятная для них религия, согласны 47,9% (рис. 4). Корреляция с вопросом об отношении к утверждению, что ислам негативно влияет на российскую культуру, заметная ($r = 0,552$).

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение мнений респондентов о восприятии агрессивности мусульман по сравнению с представителями других религий / Distribution of respondents' opinions on the perception of Muslim aggression compared to representatives of other religions

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

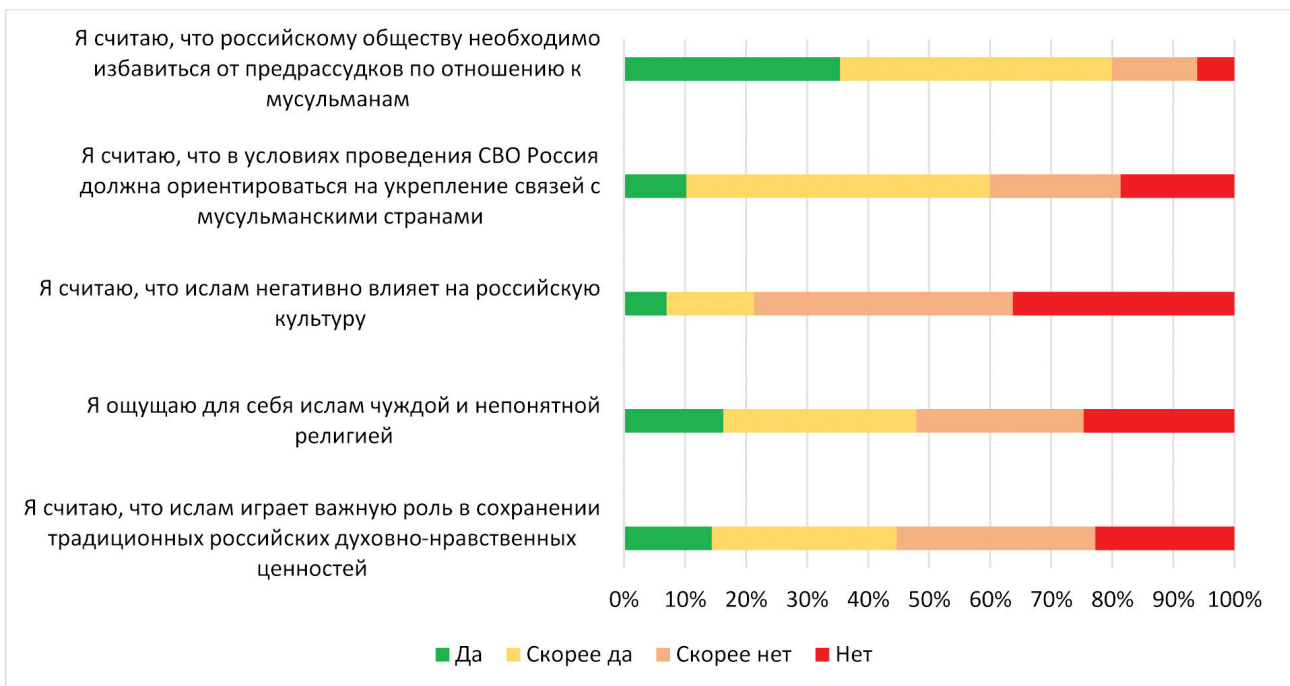

Рис. 4 / Fig. 4. Ответы на отдельные вопросы о восприятии ислама / Answers to particular questions about the perception of Islam

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Подобная ситуация наблюдается и в вопросе о том, играет ли ислам важную роль в сохранении традиционных российских духовных-нравственных ценностей (согласны — 44,7%, не согласны — 55,3%). Гипотеза H3d не подтвердилась, поскольку среди респондентов превалирует обратное мнение (55,3% не согласных с утверждением). Отметим, что данная поляризация респондентов относительно взглядов на роль ислама в сохранении традиционных ценностей России и личного ощущения ислама чуждой и непонятной религией имеет умеренную корреляцию ($r = 0,430$).

Рассмотрим образовавшиеся 4 кластера респондентов (см. таблицу).

В распределении выделяются две поляризованные группы $n3$ и $n2$ с ярко выраженной позицией, занимающие $2/3$, оставшаяся треть распределена между $n4$ ($2/3$, 20% общего распределения) и $n1$ ($1/3$, 12,56% общего распределения). Группа $n4$ выражает позицию нейтрального или позитивного отношения к исламу, но не ассоциирования его с частью российской духовно-нравственной культуры, при этом $n1$ при условии личного непонимания и отторжения ислама, соглашается с концепцией многонационального и многоконфессионального российского государства, признавая вклад мусульман в развитие России. Позиция $n4$ может быть связана с ассоциативным рядом «русское — значит русское или

**Результаты кластеризации ответов респондентов по вопросам восприятия ислама как религии и его роли в сохранении традиционных российских духовно-нравственных ценностей /
The results of clustering of respondents' responses on the perception of Islam as a religion and its role in preserving traditional Russian spiritual and moral values**

Утверждение / Statement	Группа респондентов / The respondents group			
	n1	n2	n3	n4
Я ощущаю для себя ислам чуждой и непонятной религией	«Да» и «Скорее да»	«Да» и «Скорее да»	«Нет» и «Скорее нет»	«Нет» и «Скорее нет»
Я считаю, что ислам играет важную роль в сохранении традиционных российских духовно-нравственных ценностей	«Да» и «Скорее да»	«Нет» и «Скорее нет»	«Да» и «Скорее да»	«Нет» и «Скорее нет»
Доля опрошенных, принадлежащих кластеру, %	12,6	35,3	32,1	20

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

православное», в связи с этим требуется дополнительное глубинное исследование когнитивных и ассоциативных установок представителей, выражающих данную позицию.

42,8% респондентов не смогли без обращения к интернету назвать известных деятелей российской культуры — мусульман и (или) российских политиков-мусульман. Гипотеза Н4а не подтвердилась, поскольку абсолютное большинство по данному типу ответов не было достигнуто (однако относительное — достигнуто).

При этом 9,3% респондентов назвали больше 2 личностей. Среди 156 названных личностей 54,5% — Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров; 7,7% — российский боец Хабиб Нурмагомедов; 4,5% — Глава Республики Татарстан Рустам Минниханов; 3,2% — «Кадыровы»; 1,9% — Первый Президент Чеченской Республики Ахмат Кадыров; 1,9% — российский чеченский военный деятель Апти Алаудинов; 1,9% — Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Марат Хуснуллин; 1,3% — российский религиозный деятель Шамиль Аляутдинов; 1,3% советский, азербайджанский и российский эстрадный и оперный певец, композитор, киноактер Муслим Магомаев;

20,5% — другие деятели. Поскольку круг названных личностей относительно широк, гипотеза Н4b не подтвердилась. Однако необходимо оговорить, что в абсолютном большинстве ответы сконцентрировались на персоне Р.А. Кадырова.

ВЫВОДЫ

Полученные авторами эмпирические данные подтвердили большую часть сформулированных в исследовании гипотез. Если обращаться к несоответствиям фактических и ожидаемых результатов, то примечателен относительно высокий уровень знаний студентов о мусульманах — деятелях культуры и политики Российской Федерации. Предполагаем, что определенное влияние на этот уровень оказало профильное образование студентов (относительное большинство респондентов обучаются на факультете социальных наук и массовых коммуникаций).

Наблюдается ситуация преобладающего нейтрального отношения студентов к исламу и мусульманам и стремления преодолеть предрассудки по отношению к ним. Однако у части студентов сохраняются непонимание разницы между исламом и исламомизмом; восприятие мусульман как

более агрессивных, чем представителей других религий; другие негативные эмоции и установки, складывающиеся под влиянием различных каналов коммуникации. При этом, как показали результаты исследования, существенное влияние на улучшение мнения студентов об исламе и мусульманах оказывает общение со знакомыми, коллегами. Это позволяет рассматривать коммуникацию в рамках учебной и внеучебной деятельности как перспективный вектор по коррекции образа ислама и мусульман.

Борьба с необоснованными стереотипами и ксенофобией, поддержание межнационального и межконфессионального согласия остаются неотъемлемыми задачами высших учебных заведений. По данному направлению крайне необходимо формирование у студентов критического мышления, не позволяющего оказаться под деструктивным информационным влиянием, а также передача достоверных знаний об исламе и мусульманах в ходе образовательной, просветительской и научной

деятельности.

Немаловажную роль в формировании образа ислама и мусульман играет их изучение в рамках новой учебной дисциплины «История мировых религий», реализуемой в обязательном порядке с 1 сентября 2024 г. Вместе с курсом «Государственно-конфессиональные отношения» они способны раздвинуть границы понимания студентами роли и значения ислама и мусульман в истории и культуре не только России, но и зарубежных стран.

Кроме того, в успешной реализации вузами столь важной задачи имеет определенный потенциал сотрудничество с исламскими религиозными и образовательными организациями — будь то приглашение спикеров на учебные занятия, проведение совместных мероприятий либо реализация проектов. Подобное взаимодействие содействует формированию позитивного образа известных российских мусульман, имеет стержневой характер с точки зрения воспитания уважительного и толерантного уважения к исламу как мировой религии.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований ВТСК № 169 по теме «Оценка степени влияния специальной военной операции на восприятие студентами мусульман (на примере студентов Финансового университета)», выполненных в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации на 2024/2025 у.г. Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research conducted by VTSK No. 169 on the topic “Assessment of the impact of a special military operation on students’ perception of Muslims (using the example of students at a Financial University)”, carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2024/2025, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макарова Е. О. Ответ образовательной политики РФ 2022–2024 гг. на проблему информационного давления на молодежь: социально-философский анализ. *Общество: философия, история, культура*. 2024;(2):86–92. DOI: 10.24158/fik.2024.2.11
2. Шакак Хайят Х. М. Образ и имидж: соотношение понятий. *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире*. 2021;(2):107–112. DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.02.P107
3. Баженова Е. Ю., Залесова Н. М. О содержании понятий «образ» и «медийный образ». *Казанская наука*. 2021;(2):76–78. URL: <https://www.elibrary.ru/asaila>
4. Мартыненко А. В., Кечина М. А. Образ ислама в советских и постсоветских масс-медиа: историко-культурный анализ. *Гуманитарные науки и образование*. 2023;14(1):114–118. DOI: 10.51609/2079–3499_2023_14_01_114
5. Фролова О. А. Система образования как важный фактор конструирования образа ислама в России и мире. *Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века: Материалы X Международной научно-практической конференции, Уфа, 18–20 октября 2017 года*. Уфа: Мир печати; 2017:160–164. URL: <https://www.elibrary.ru/yszuku>
6. Knauss S., & Pezzoli-Olgati D. The normative power of images: Religion, gender, visibility. *Religion and Gender*. 2015;(5):1–17. DOI: 10.18352/rg.10079

7. Сулейманова Ш. С. Образ мусульман в федеральных СМИ: мифы о «чужаках» и «врагах России» как угроза единству нации. *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2015;11(1):135–142. URL: <https://www.elibrary.ru/ukkool>
8. Тынышбаев Т. М. Стереотипы в СМИ как основа бытования типажа «мусульманин» в русском языковом сознании (на материале портала Lenta.ru). *МНСК-2020: Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10–13 апреля 2020 года*. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; 2020:78–79. URL: <https://www.elibrary.ru/lvosmw>.
9. Малахов В. С., Летняков Д. Э. Ислам в восприятии российского общества: сравнительно-политический аспект. *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2018;36(2):248–271. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271
10. Степанянц М. Т. На пути преодоления стереотипов (факторы провокации исламофобии). *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2019;15(2):121–134. DOI: 10.22311/2074-1529-2019-15-2-121-134
11. Khroul V. Stereotypes on religion in media: A case of Muslims in Russia and the USA. *Studia Humanitatis*. 2022;(3). URL: <https://www.elibrary.ru/gnfizw>
12. Нечитайло Д. А. Современный радикальный исланизм. Стратегия и тактика. Автореф. дисс. ... доктора политических наук: 23.00.01. Москва; 2018. 62 с. URL: <https://www.elibrary.ru/dnrfsf>
13. Замаева Ю. С. и др. К вопросу об отношении к исламу в современном обществе (на материале исследований в городе Красноярске). *Социодинамика*. 2016;(2):163–174. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.2.17663
14. Калимбет Н. С. Стереотипизация ислама: формирование образа «Чужого». *Обзор. НЦПТИ*. 2024;(1):56–61. URL: <https://www.elibrary.ru/itsvgf> (In Russ.).
15. Рагозина С. А. Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ. *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2018;36(2):272–299. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-2-272-299
16. Амиргамзаев Г. М. Ислам в современных медиа: причины и предпосылки искажения представлений об Исламе. *Коммуникология: электронный научный журнал*. 2023;8(2):36–42. URL: <https://www.elibrary.ru/uirmwx>
17. Герасимова Л. А., Круглов В. А. Отношение населения Санкт-Петербурга к исламу как показатель благополучного функционирования общества. *Актуальные вопросы благополучия личности: психологический, социальный и профессиональный контексты: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 17 ноября 2023 года*. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет; 2023:79–84. URL: <https://www.elibrary.ru/xxhgeg>
18. Чекменев М. В., Рогачев М. Д. Патриотические и религиозные воззрения современной российской молодежи. *Экономика и безопасность*. 2024;(3):71–75. URL: <https://www.elibrary.ru/izorpyv>
19. Винникова И. И. Анализ уровня исламофобии среди студентов Санкт-Петербурга. *Модернизация сферы образования и науки с учетом мировых научно-технологических трендов: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Белгород, 13 июля 2020 года*. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство перспективных научных исследований»; 2020:56–59. URL: <https://www.elibrary.ru/ybxmrt>
20. Шабанов А. В. Представления студентов СФУ об исламе: выпускная квалификационная работа бакалавра: 39.03.01 Красноярск: СФУ; 2016. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/27262>
21. Савченко И. А., Устинкин С. В. Религия в восприятии современной молодежи: цифры и комментарии. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2016;(7):232–263. URL: <https://www.elibrary.ru/wvjlgz>

REFERENCES

1. Makarova E. O. The response of the Russian educational policy to the destructive information influence among young people in 2022–2024: Socio-philosophical analysis. *Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura*. 2024;(2):86–92. (In Russ.). DOI: 10.24158/fik.2024.2.11
2. Shakak Hayat H. M. Image: Ratio of concepts. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek v sovremennom mire*. 2021;(2):107–112. (In Russ.). DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.02.P.107
3. Bazhenova E. Ju., Zalesova N. M. To the content of the concepts “image” and “media image”. *Kazanskaja nauka*. 2021;(2):76–78. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/asaila>

4. Martynenko A. V., Kechina M. A. The image of Islam in the soviet and post-soviet mass media: Historical and cultural analysis. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2023;14(1):114–118. (In Russ.). DOI: 10.51609/2079-3499_2023_14_01_114
5. Frolova O. A. The education system as an important factor in constructing the image of Islam in Russia and the world. *Idealy i cennosti islama v obrazovatel'nom prostranstve XXI veka: Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa, 18–20/10/2017*. Ufa: Mir pečati; 2017:160–164. URL: <https://www.elibrary.ru/yszuku> (In Russ.).
6. Knauss S., & Pezzoli-Olgati D. The normative power of images: Religion, gender, visibility. *Religion and Gender*. 2015;(5):1–17. DOI: 10.18352/rg.10079
7. Sulejmanova Sh. S. The image of Muslims in the federal mass media: The myth of “outsiders” and “enemies of Russia” as a threat to the unity of the nation. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty*. 2015;11(1):135–142. URL: <https://www.elibrary.ru/ukool> (In Russ.).
8. Tynyshbaev T. M. Stereotypes in the media as the basis for the existence of the type of “Muslim” in the Russian linguistic consciousness (based on the material of the portal Lenta.ru). MNSK-2020: *Materialy 58-j Mezhdunarodnoj nauchnoj studencheskoj konferencii, Novosibirsk, 10–13/04/2020*. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University; 2020:78–79. URL: <https://www.elibrary.ru/lvosmw> (In Russ.).
9. Malahov V. S., Letnjakov D. Je. The perception of Islam in Russia: The comparative dimension. *State, Religion and Church*. 2018;36(2):248–271. (In Russ.). DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271
10. Stepanjanc M. T. Overcoming stereotypes (factors which provoke islamophobia). *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty*. 2019;15(2):121–134. (In Russ.). DOI: 10.22311/2074-1529-2019-15-2-121-134
11. Khroul V. Stereotypes on religion in media: A case of Muslims in Russia and the USA. *Studia Humanitatis*. 2022;(3). URL: <https://www.elibrary.ru/gnfizw>
12. Nechitajlo D. A. Modern radical Islamism. Strategy and tactics. Dr. polit. sci. diss. Synopsis: 23.00.01. Moscow; 2018. 62 p. URL: <https://www.elibrary.ru/dnrfsu> (In Russ.).
13. Zamaraeva Ju. S. et al. On the issue of attitudes towards Islam in modern society (based on research in the city of Krasnoyarsk). *Sociodinamika*. 2016;(2):163–174. (In Russ.). DOI: 10.7256/2409-7144.2016.2.17663
14. Kalimbet N. S. The stereotyping of Islam: The formation of an image of a “Stranger”. *Obzor.NCPTI*. 2024;(1):56–61. URL: <https://www.elibrary.ru/itsvgf> (In Russ.).
15. Ragozina S. A. Protecting “traditional islam” from “radical islam”: Discourse of islamophobia in the Russian media. *Gosudarstvo, religija, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 2018;36(2):272–299. (In Russ.). DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-2-272-299
16. Amirgamzaev G. M. Islam in modern media: causes and prerequisites of distortion of ideas about Islam. *Kommunikologija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2023;8(2):36–42. URL: <https://www.elibrary.ru/uirmwx> (In Russ.).
17. Gerasimova L. A., Kruglov V. A. Attitude of the population of St. Petersburg towards Muslims as an indicator of proper functioning of society. *Aktual'nye voprosy blagopoluchija lichnosti: psihologicheskij, social'nyj i professional'nyj konteksty: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Hanty-Mansijsk, 17.11.2023*. Hanty-Mansijsk: Ugra State University; 2023:79–84. URL: <https://www.elibrary.ru/xxhgeg> (In Russ.).
18. Chekmenev M. V., Rogachev M. D. Patriotic and potential views of modern Russian youth. *Jekonomika i bezopasnost'*. 2024;(3):71–75. URL: <https://www.elibrary.ru/izopyv> (In Russ.).
19. Vinnikova I. I. Analysis of the level of Islamophobia among St. Petersburg students. *Modernizacija sfery obrazovanija i nauki s uchetom mirovyh nauchno-tehnologicheskikh trendov: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Belgorod, 13/07/2020*. Belgorod: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «Agentstvo perspektivnyh nauchnyh issledovanij»; 2020:56–59. URL: <https://www.elibrary.ru/ybxmrt> (In Russ.).
20. Shabanov A. V. SIBFU students' ideas about Islam: Bachelor's degree thesis: 39.03.01. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2016. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/27262> (In Russ.).
21. Savchenko I. A., Ustinkin S. V. Religion in perception of Russian youth: Figures and comments. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2016;(7):232–263. URL: <https://www.elibrary.ru/wvjlgz> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Вячеслав Абдулович Ахмадуллин — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Vyacheslav A. Akhmadullin — Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Prof., Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-4441-2384>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

vaakhmadullin@fa.ru

Елизавета Олеговна Макарова — бакалавр 3-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elizaveta O. Makarova — 3rd year bachelor of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0009-2220-9407>

o.mak.elizabeth@gmail.com

Даниил Олегович Сапожков — магистр 1 курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Daniil O. Sapozhkov — 1st year magister of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0006-9536-5679>

spjkh@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В.А. Ахмадуллин — руководство исследованием.

Е.О. Макарова — разработка концепции, разработка анкеты, подготовка итоговой статьи.

Д.О. Сапожков — методология, результаты и их интерпретация.

Authors' contributions:

V.A. Akhmadullin — research management.

E.O. Makarova — concept development, questionnaire development, conclusions, preparation of the final article.

D.O. Sapozhkov — methodology, results and their interpretation.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.05.2025; принята к публикации 20.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.05.2025; accepted for publication on 20.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.